

Бозций

УТЕШЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ

КНИГА I

Текст приводится по изданию:

Бозций. Утешение Философией и другие трактаты. М., «Наука», 1990.

Перевод В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина. Примечания В. И. Уколовой.

При переводе с латинского сочинения «Утешение Философией» были использованы следующие издания текста:

[A. M. T. S. Boetii Philosophiae consolationis libri quinque. Accedunt eiusdem atque incertorum Opuscula Sacra. Rec. R. Peiper. Lipsiae, 1871;](#)

Boetius A. M. T. S. De consolatione philosophiae // PL. T. 64;

Boethius A. M. S. The Theological Tractates and Consolation of Philosophy. Cambridge (Mass.), 1953.

Processum a Sergio Olore.

1 (v). Песни, что раньше слагал в пору цветенья и силы¹,
Вынужден ныне на путь скорбный направить, увы!
Снова, в слезах, мне писать повелевают Камени²
С ликом заплаканным, вновь — на элегический лад.
Страх никакой победить их не сумел ведь ни разу,
Чтобы заставить свернуть с избранной нами стези³.
Славою был я богат в юности ранней когда-то,
Ныне судьбу старика грустного им утешать.
Беды ускорили старость, что наступила нежданно,
И приказала болезнь с нею сдружиться навек.
Снегом моя голова будто покрылась глубоким,
Немощно тело мое, старчески кожа дрожит.
Радостна смерть для людей, если является кстати,
Коль ее ждут, и когда нить она счастья не рвет⁴.
К бедным глуха и строга, к ним обернуться не хочет,
Очи прийти им закрыть, полные слез навсегда.
Баловнем был я пока щедрых подарков Фортуны⁵,
Смертный случайно лишь час жизнь не окончил мою.
Лик ее лживый когда ж тучи совсем затянули, —
Тянется жалкая жизнь, — длится постылый мой век.
Как нас хвалили друзья, превозносили за счастье,
Только нестойким был тот, кто тяжело так упал!

1. Тем временем, пока я в молчании рассуждал сам с собою и записывал стилем на табличке⁶ горькую жалобу, мне показалось, что над моей головой явилась женщина с ликом, исполненным достоинства, и пылающими очами, зоркостью своей далеко превосходящими человеческие, поражающими живым блеском и неисчерпаемой притягательной силой; хотя была она во цвете лет, никак не верилось, чтобы она принадлежала к нашему веку. Трудно было определить и ее рост. Ибо казалось, что в одно и то же время она и не превышала обычной человеческой меры, и теменем касалась неба, а если бы она подняла голову повыше, то вторглась бы в самое небо и стала бы невидимой для взорающих на нее людей⁷. Она была облачена в одежды из нетленной ткани, с изощренным искусством

сплетенной из тончайших нитей, их, как позже я узнал, она соткала собственными руками. На них, как на потемневших картинах, лежал налет забытой старины. На нижнем их крае была выткана греческая буква π, а на верхнем — θ⁸. И казалось, что между обеими буквами были обозначены ступени, как бы составляющие лестницу, по которой можно было подняться снизу вверх. Но эту одежду рвали руки каких-то неистовых существ, которые растаскивали ее частицы, кто какие мог захватить. В правой руке она держала книги, в левой — скипетр⁹. Когда же взор ее остановился на поэтических музах, окружавших мое ложе и облакавших в слова мои рыдания, она выказала легкое возмущение и, гневно сверкнув глазами, промолвила: Кто позволил этим распутным лицедейкам приблизиться к больному, ведь они не только не облегчают его страдания целебными средствами, но, напротив, питают его сладкой отравой? Они умерщвляют плодородную ниву разума бесплодными терзаниями страстей и приучают души людей к недугу, а не излечивают от него. Но если бы их ласки увлекли кого-либо непросвещенного, что вообще им присуще, я думаю, что перенесла бы это менее болезненно, ибо тогда моему делу не было бы нанесено никакого ущерба. Но его — возвращенного на учениях элеатов и академиков?¹⁰ Ступайте прочь, сладкоголосые Сирены, доводящие до гибели, и предоставьте его моим музам для заботы и исцеления. После этих упреков толпа муз, опустив опечаленные лица к земле и покраснев от стыда, грустя покинула мое жилище. А я, чей взор был замутнен слезами, не мог распознать, кто же эта женщина, обладающая столь неоспоримой властью, и, потупив долу глаза в глубоком изумлении, молчаливо ждал, что же будет дальше. Она же, подойдя поближе, присела на край моего ложа, и глядя мне в лицо, исполненное тягостной печали и склоненное скорбью к земле, стала стихами корить меня за то, что душу мою охватило смятение.

2 (v). В бездну повергнутый ум быстро тупеет,
Свет погасил свой. В мрак его увлекают,
Тянут его в темноту неоднократно
Тьмы предрассудков земных и человеческих,
Вредных ненужных забот, рост чей безмерен.
В небе кто лучше умел видеть дороги,
Звездные эти пути, строгий порядок
Розовых солнца планет, лун изменений?!
Звезд он движенья следил, знал их орбиты,
Все их блужданья умел и возвращенья
В числах простых показать прямо на тверди,
Как, изгибаясь, дрожит млечный поток в ней;
Также и ветры зачем всю возмущают
Моря широкого гладь, сила какая
Круг неподвижный земли вечно вращает;
И почему, погрузившись в закат, Геспер холодный¹¹
Утром восходит звездой снова блестящей;
Что управляет весны кротким покоем,
Чтобы украсить могла землю цветами;
Кто виноград нам дарит в год урожайный.
Но, кто пытливым умом тайны природы,
Тайны искал естества всюду обычно¹², —
Ныне лежит словно труп в тяжких оковах,
Шею сдавивших ему грубым железом.
Свет угасает ума, с ликом склоненным
Вынужден видеть, увы, мир безрассудный.

2. — Но сейчас время для лечения, а не для жалоб, — сказала она, и, устремив на меня внимательный взор, воскликнула: — Неужели это ты! Ты, которого я вскормила своей грудью, молоком своим, чтобы ты обрел мужество и силу духа? Ведь я дала тебе такое оружие¹³, которое помогло бы тебе сохранить непоколебимую стойкость, если бы ты только сразу же не отбросил его. Не узнаешь меня? Что молчишь? Безмолвствуешь от стыда или от изумления? Я бы предпочла стыд, но чувствую, что ты поражен изумлением. — Когда же она увидела, что я не просто молчу, а совершенно утратил дар речи, легко коснулась рукой моей груди и сказала: Никакой опасности, он страдает летаргией, обычной болезнью расстроенного ума. Он ненадолго забылся, но легко придет в себя, раз он был знаком со мною прежде. Чтобы он смог [это сделать], мы немного протрем ему глаза, затуманенные заботами о бранных вещах. Сказав так, она осушила мои глаза, наполненные слезами, краем своей одежды, собранным в комок.

3 (v). После того, как рассеялась ночь и растаяла в свете,
Снова вернулась ко мне моя прежняя сила.
Так же бывает, когда собираются тучи неожиданно,
Северо-запад их шлет, гонит ветром их Кавром¹⁴.
Ливни хлестать начинают, скрывается солнце со свода,
Звезд еще нет, хотя тьма уже все затопила.
Если ж с фракийских просторов Борей¹⁵ принесется холодный,
С туч он завесу сорвет, снова день засияет,
Выйдет сверкающий светом лучистым из тучи внезапно
Феб, изумленных людей всех глаза ослепляя.

3. После того, как рассеялись тучи скорби, я увидел небо и попытался распознать целительницу. И когда я устремил глаза на нее и сосредоточил внимание, то узнал кормилицу мою — Философию, под чьим присмотром находился с юношеских лет. Зачем, — спросил я, — о наставница всех добродетелей, пришла ты в одинокую обитель изгнанника, спустившись с высоких сфер? Для того ли, чтобы быть обвиненной вместе со мной и подвергнуться ложным наветам? — О мой питомец, — ответила она, — разве могу я покинуть тебя и не разделить вместе с тобой бремя, которое на тебя обрушили те, кто ненавидит самое имя мое! Ведь не в обычае Философии оставлять в пути невинного без сопровождения, мне ли опасаться обвинений, и устрашат ли меня новые наветы? Неужели ты сейчас впервые почувствовал, что при дурных нравах мудрость подвергается опасности? Разве в древние времена, еще до века нашего Платона, я не сталкивалась часто с глупостью и безрассудством в великой битве? А при его жизни, учитель его Сократ разве не с моей помощью добился победы над несправедливой смертью? А позже, когда толпа эпикурейцев¹⁶ и стоиков¹⁷ и прочие им подобные стремились захватить его наследие, каждые для своей выгоды, они тащили меня, несмотря на мои крики и сопротивление, как добычу, и одежду, которую я выткала собственными руками, разорвали, и вырвав из нее клочья, ушли, полагая, что я досталась им целиком. Поскольку же у них [в руках] были остатки моей одежды, они казались моими близкими, а неблагоприятие низвело некоторых из них до заблуждений невежественной толпы. Если бы ты не знал ни о бегстве Анаксагора¹⁸, ни о яде, выпитом Сократом, ни о пытках, которым подвергли Зенона¹⁹, так как все это было в чужих краях, то ты мог слышать о Кании²⁰, Сенеке²¹, Соране²², воспоминания о которых не столь давни и широко известны. Их привело к гибели не что иное, как то, что они, воспитанные в моих обычаях и наставлениях, своими поступками резко отличались от дурных людей. Поэтому не должно вызывать удивления то, что в житейском море нас треплут бури, нас, которым в наибольшей мере свойственно вызывать недовольство наихудших [из людей]. Их воинство, хотя и многочисленно, однако заслуживает презрения, так

как оно не управляется каким-либо вождем, но влекомо лишь опрометчивым заблуждением и безудержным неистовством. Если же кто-нибудь, выставя против нас войско, оказывается сильнее, наша предводительница стягивает своих защитников в крепость, а врагам же достаются для расхищения лишь не имеющие ценности вещи. И мы сверху со смехомзираем на то, как они хватают презреннейшие из вещей; а нас от этого неистового наступления защищает и ограждает такой вал, который атакующие воины глупости не могут даже надеяться преодолеть.

4 (v). Всякий, кончив свой век, пройдя, как должно,
Путь весь, топчет ногой бесстрашно жребий
Счастья гордых людей, следя спокойно
С ясным твердым лицом судеб различья²³.
Ярость бурных морей не тронет этих
Смелых стойких людей, хотя бы волны
Встали с глубин, как смерч, в кипеньи диком.
Пусть хоть дым и огонь Везувий шлет им,
Жар своих очагов, не раз, а часто.
Пусть хоть башни крошат зигзаги молний²⁴,
Что вам злоба и гнев тиранов диких?!
Слабы духом зачем? Они — бессильны!
Прочь надежду совсем, и страхи тоже —
Этим выбьешь из рук тиранов оружие!
Кто же в трепет повергнут, покорен страсти, —
Стойким в праве не будет своим от страха,
Щит отбросит он прочь, и с места сбитый²⁵,
Сам ковать присужден себе оковы.

4. Чувствуешь ли ты, как эти истины проникают в твою душу? Ὅνος λύρας²⁶. Почему плачешь? Зачем источаешь слезы? Ἐξάβδα; μὴ κεῖθε νόω²⁷. Если ждешь, чтобы я начала лечение, следует тебе открыть рану. — Тогда я, собравшись о духом, сказал: Разве не служит напоминанием и не говорит ли достаточно сама за себя суровость судьбы, ожесточившейся против нас? Неужели не поражает тебя вид этого места? Разве это библиотека, которую ты избрала себе надежнейшим местопребыванием в моем доме? Та самая [библиотека], где часто, расположившись со мной, ты рассуждала о познании вещей человеческих и божественных? Такой ли вид, такое ли лицо были у меня, когда я вместе с тобой исследовал тайны природы, а ты рисовала мне пути созвездий палочкой для черчения математических фигур и направляла мои нравственные устремления и порядок жизни соответственно небесным установлениям? Разве такая награда полагается мне, следовавшему за тобой? Ведь ты освятила такое выражение устами Платона: «Блаженствовало бы государство, если бы им управляли ученые мудрецы, или его правители стремились бы научиться мудрости»²⁸. Ты словами этого мужа внушала мне, что необходимо, чтобы мудрые приняли на себя управление, чтобы оно, оставленное каким-либо порочным людям и злодеям, не принесло бы несчастья и гибели добрым²⁹. Следуя этому авторитетному суждению, полученному во время наших уединенных занятий на досуге³⁰, я пожелал осуществить его на практике общественного управления. Свидетели в том — ты и Бог, который вложил тебя в умы мудрых, ничто иное не побуждало меня заниматься государственными делами³¹, кроме стремления быть полезным всем добрым людям. Поэтому и происходили непримиримые и тяжелые разногласия с нечестивцами и частые столкновения с сильными мира сего, бывшие следствием свободы моих суждений, на них я не обращал внимания, если речь шла о соблюдении законности. Сколько раз препятствовал я Конигасту³², когда тот наме-

ревался посягнуть на имущество какого-нибудь беззащитного; сколько раз предостерегал Тригвиллу³³, управляющего королевским дворцом от замышлявшегося им или готового свершиться беззакония; сколько раз несчастных, которые постоянно подвергались козням из-за непомерного и безнаказанного корыстолюбия варваров, защищал я от опасностей, пользуясь своей властью! Никто и никогда не мог заставить меня поступиться справедливостью и свершить беззаконие. В то время, когда благосостояние провинциалов было погублено³⁴ как грабежами частных лиц, так и государственными податями, я сокрушался не менее тех, кто пострадал. Когда во время жестокого голода принудительные тяжкие и невыполнимые закупки хлеба могли обречь на крайнюю нужду Кампанскую провинцию³⁵, я выступил против префекта претория ради общего блага и добился того, чтобы дело было отдано на пересмотр королю, вследствие чего закупки не состоялись. Консуляра Павлина³⁶, чье богатство палатинские псы³⁷ с вожделием надеялись проглотить, я вытащил из пасти алчущих. А разве не навлек я на себя ненависть доносчика Киприана³⁸, стараясь освободить консуляра Альбина³⁹ от наказания по заранее подготовленному обвинению? Неужели не довольно той враждебности, которая пала на меня? Но ведь я должен бы быть лучше защищенным в глазах прочих, раз из-за любви к справедливости не сделал ничего, чтобы быть в большей безопасности среди придворных.

Какими же доносчиками был я сражен? Один из них — Василий⁴⁰, некогда изгнанный с королевской службы, которого выступить с обвинениями против меня побудили долги. Затем Опилон⁴¹ и Гауденций⁴², им королевская цензура⁴³ повелела за многочисленные преступления удалиться в изгнание. Когда же они, не желая подчиниться, устремились под защиту святого убежища, и об этом стало известно королю, тот приказал: если они не покинут город Равенну в предписанный срок, то после клеймения оба будут изгнаны. Что, кажется, можно добавить к этой строгой мере? Но ведь в тот же день был принят донос этих преступников на меня. И что же? Разве я заслужил это своими поступками? Или вынесенный немного ранее приговор сделал этих обвинителей порядочными людьми? И почему не устыдилась судьба, взирая на обвинение невиновного и на низость обвинителей?

Ты спрашиваешь, за какую вину я осужден. Меня обвинили в том, что я хотел спасти сенат⁴⁴. Желаете узнать, каким образом? Мне поставили в вину то, что я препятствовал клеветнику в представлении документов, которые свидетельствовали бы об оскорблении величества сенатом. Что теперь, о наставница, думаешь? Но я желал и никогда не откажусь желать здоровья сенату. Повинюсь ли? Но это будет означать отказ от борьбы с клеветником. Могу ли я назвать преступлением желание спасти сенат? А ведь он сделал все, чтобы своими постановлениями, касающимися меня, представить это в качестве преступления⁴⁵. Но часто обманывающее самое себя неблагоразумие не может извратить действительные заслуги, и я полагаю, согласно предписанию Сократа, законом является то, что недостойно скрывать истину⁴⁶ или соглашаться с ложью. Но судить, правильны ли были мои поступки, я предоставляю на твое усмотрение и оценке мудрых людей. А чтобы потомки не забыли ход этого дела и знали истинное положение вещей, я запечатлел их с помощью стилия. Нужно ли еще говорить о подложных письмах⁴⁷, на основании которых я был обвинен в том, что надеялся на восстановление римской свободы⁴⁸. Явный обман мог бы раскрыться, если бы мне удалось воспользоваться для защиты признанием самих клеветников, что во всяком разбирательстве имеет наибольшую силу. Но на какие остатки свободы можно было еще надеяться? О, если бы хоть какая-нибудь была возможна! Я бы ответил словами Кания, которые он произнес, когда узнал об обвинении, предъявленном ему Гаем Цезарем, сыном Германика⁴⁹, что он был замешан в заговоре, направленном против императора: «Если бы я знал об этом, ты бы не знал».

В этих обстоятельствах не печаль притупила наш рассудок, когда я жаловался на преступления злодеев против добродетели, но я был очень удивлен тем, что они надеялись на свершение желаемого. Ведь желать дурного, быть может, наш недостаток, но возможность осуществления против невинного того, что замышляет какой-нибудь злодей, должна выглядеть чудовищной в глазах Бога. Следовательно, справедливо интересовался один из твоих приближенных: «Если существует Бог, то откуда зло? И откуда добро, если Бога нет?»⁵⁰ Пусть было позволительно злодеям, которые стремились к гибели всех честных людей и сената, погубить и меня, защищавшего, как они видели, честных людей и сенат. Но заслужил ли я того же со стороны сенаторов? Я полагаю, ты помнишь это, так как, присутствуя там, сама мне указывала, что нужно сказать и сделать; и ты помнишь о том, что, когда в Вероне⁵¹ король, желая устранить всех неугодных, замыслил перенести на весь сенат обвинение в оскорблении величества, предъявленное Альбину, я выступил в защиту невинности сената, совершенно пренебрегая опасностью. Ты знаешь, что я говорю правду и что я никогда не находил удовольствия в самовосхвалении. Ибо утрачивается удовлетворение и достоинство, как только кто-нибудь попытается стяжать награду славы, выставляя напоказ свершенное им.

Каков же исход нашей невинности, ты видишь. Вместо награды за истинную добродетель я подвергся наказаниям за несвершенное злодеяние. И, вероятно, «очевидность» этого преступления сделала судей столь единодушными в их жестокости, что ни одного из них не поколебала ни присущая человеческой природе склонность к заблуждению, ни неустойчивость судьбы всех смертных. Даже если бы меня обвинили в том, что я желал поджечь святыне храмы, или поднять преступный меч на священнослужителей, или замыслил убийство честных граждан, то и тогда приговор был бы вынесен после обсуждения в суде в присутствии обвиняемого⁵². Меня же теперь, удалив на пятьсот миль, оставив без защиты, присудили к смерти и конфискации имущества за усилия, направленные на пользу сената. Но никто из достойных людей не может быть осужден по подобному обвинению, ложность которого знали сами те, кто его предъявлял; они солгали, усугубив его прибавлением еще одного преступления, [заявив], что я из высокомерия отягчил совесть оскорблением святынь⁵³, позабыв о достоинстве. Но ведь ты, проникнув в мою душу, исторгла из нее жажду всех преходящих вещей, и пред твоими очами не могло быть места святотатству. Ты ежедневно вливала в мои жадно внимавшие уши пифагорейское изречение — ἔσθω θεῶν⁵⁴. И не пристало гнаться за поддержкой измененных душ мне, кого ты просвещала с такой тщательностью, чтобы уподобить богу⁵⁵. Кроме того, безупречные святыни дома, круг самых уважаемых друзей, святой тесть, заслуживший [всеобщее] уважение своими делами⁵⁶, не менее, чем ты сама, ограждают меня от всяких подозрений в свершении подобного преступления.

Но, о ужас! Мои обвинители усматривают в тебе доказательства какой-то вины и, кажется, предполагают возможность совершения злодеяния мной только потому, что я возвращен под твоим покровительством и воспитан в твоих правилах. Таким образом, разве недостаточно очевидно, что твое покровительство не принесло мне ничего [доброе], более того, поставило меня под [еще более] сильные удары. И довершило мои бедствия то, что суждение большинства принимает во внимание и [ставит] в заслугу не дела, но удачу, и считает достойным лишь то, что приносит счастье. Отсюда следует, что добрые побуждения отсутствуют прежде всего у несчастных.

Каковы теперь толки среди народа, сколь многочисленны и противоречивы мнения, мне стыдно помыслить об этом! Скажу лишь, что тяжелейшим бременем враждебной фортуны является то, что, как только несчастных обвинят в каком-либо вымышленном преступлении, [все] сразу поверят, что они заслужили выпавшее на их долю. И я, лишенный всех благ и отстраненный от государственных должностей, опозоренный молвой толпы, полу-

чил наказание, как благодеяние. И представляются мне грязные притоны злодеев, погрязших в увеселениях и наслаждениях, я вижу, что какие-то нечестивцы возводят новые ложные обвинения, а честные люди, оцепенев от ужаса при виде невообразимой несправедливости по отношению ко мне, повержены, бесчестные же поощряются безнаказанностью злодеяния к наглости и наградами — к совершению преступлений; невинные же не только не находятся в безопасности, но даже лишены защиты. Итак, я хочу воскликнуть:

5 (v). Звездоносного мира создатель⁵⁷,
Ты на троне предвечном своем
Свод стремительно неба вращаешь!
Терпят звезды Вселенной закон.
Затмеваются меньшие звёзды
Ярким светом полночной Луны —
Тем, что братски ей Феб посылает.
Так теряет при близости Феба
Серп темнеющий бледный свой свет.
Пусть холодного Геспера взлет
Знаменует начало нам ночи,
Перед Фебом, уже побледнев,
Вечный путь Люцифер продолжает.
В листопаде ненастной зимы
Ты сжимаешь дневной промежуток
И торопишь дневные часы
С наступленьем горячего лета.
Мудро смену времен ты назначил,
Чтоб листву, что уносит Борей,
Вновь Зефир⁵⁸ нам весной возвратил бы.
Сжег бы Сириус⁵⁹ колос высокий,
Чей посев бы увидел Арктур⁶⁰.
Все творенья свободно от века
Сохраняют места в этом мире.
К цели верной ты все направляешь.
Не желая дела лишь людей
Обуздать должной мерой, о царь!
Почему перемены несет
Нам судьба, угнетая невинных,
А преступников кара бежит?
Злые нравы зачем остаются
На высоких местах, и зачем
Вью гнут людям честным злодеи?
Добродетель таится в тени, —
Свет во тьме, — кару честный несет
За злодея вину? Почему?!
Клятва ложная им не вредит —
Ложь, прикрытая блеском наряда.
Рады силою дерзкой своей,
Пред которой трепещут народы,
Покорять высочайших царей.
О, взгляни на несчастную землю,
Что покорна порядку вещей!
Не ничтожная мира мы часть,

Хоть бросают нас волны судьбы,
Их обвал удержи, повелитель!
И законом бескрайних небес
Укрепи неподвижную землю!

5. Лишь только завершил я эту длинную скорбную песнь, как она, со спокойным лицом и не взволновавшись моими жалобами, сказала: Когда я увидела тебя грустным и рыдающим, то поняла, что ты несчастный изгнанник. Но не знала я, каким далеким было изгнание, пока твои речи не открыли мне это. Однако как бы далеко ты ни был от своего отечества, ты не столько изгнан, сколько сбился с пути. И если ты покинул его, считая себя изгнанником, то скорее ты сам себя изгнал, ведь ни у кого нет права сделать это по отношению к тебе. Если вспомнишь, откуда ты родом, то не тому отечеству, в котором господствует многовластие, как у афинян⁶¹, ты обязан своим происхождением, но единому властелину, единому государю⁶², который не радуется изгнанию граждан. Руководствоваться его законами и повиноваться его правосудию есть высшая свобода. Разве ты не знаешь древнейший закон твоего государства, который священ, что никто не имеет права изгнать того, кто желает обосноваться в его пределах⁶³. Ведь находящемуся под защитой его стен чужда боязнь, что он может быть незаслуженно изгнан. А если кто-нибудь перестает желать обитать там, в равной степени перестает этого заслуживать. Поэтому меня не столько беспокоит вид этого места, сколько твой вид. Ведь я пекусь о пристанище не в стенах библиотеки, украшенной слоновой костью и стеклом, а в твоей душе, в которой разместила не сами книги, но то, что придает книгам цену — мысли, вложенные мною в них. И хотя ты сказал правду относительно твоих заслуг во имя общего блага, но о значении совершенных тобой дел, напомнил недостаточно. Ты привел известные факты об обвинениях, как делающих тебе честь, так и ложных. Ты правильно счел, что злодеяний и коварства клеветников следует коснуться вкратце, так как они общеизвестны и обсуждены народом, знающим все лучше и полнее. Ты страстно обличал несправедливость сената, сокрушался, что меня оскорбили ложными наветами. Наконец, в твоем сердце укрепилась скорбь, и последовали упреки судьбе и жалобы на то, что награды воздаются не по достоинству и заслугам. В завершение ты строфами ожесточенной музыки выразил желание, чтобы на земле царствовал порядок, подобный небесному. Но так как смятение и многие страсти гнетут тебя, и разрывают тебе сердце гнев, скорбь и печаль, то при нынешнем состоянии твоей души не подходят тебе более крепкие лекарства. Поэтому мы сперва употребим легкие средства, чтобы опухоль, затвердевшая от волнений и тревог, размягчилась от [их] воздействия, и ты обрел бы силы для принятия более действенных целебных средств.

6 (v). Феба лучами пылает
Тяжко Рака созвездье⁶⁴.
Вверишь ли семя земле ты
Щедрое мертвой, иссохшей?
Ждать бесполезно Цереру,
Грызть тебе желуди дуба.
Нет и фиалок в тех рощах,
Свищет когда ледящийся
Ветер, взрывающий поле.
Жадной рукой не пытайся
С веток срывать, торопяся,
Плод дивных лоз виноградных,
Щедро дары нам приносит

Осенью Вакх своей дланью.
Мерится каждое время
Только трудом, ему данным,
Терпит создатель те смены, —
Им заведенный порядок.
Тех же людей, кто собьется
С правой дороги, нарушив
Мира закон вековечный,
Горький исход постигает.

б. — Позволь мне немного выяснить с помощью вопросов состояние твоей души, чтобы я поняла, какого рода лечение необходимо тебе. — Спрашивай, о чем желаешь, — сказал я, — дам тебе ответ. — Тогда она спросила: Думаешь ли ты, что этот мир приводится в движение лишенными смысла и случайными причинами, или же он повинуетя разумному управлению? — Никогда не допускал мысли, — ответил я, — что организованное в таком порядке создание может быть движимо слепой случайностью. Напротив, я знаю, что создатель руководит своим творением. И никогда не наступит час, который сможет поколебать мою уверенность в истинности этого суждения. — Правильно. Ты ведь говорил об этом в стихах немного раньше и горевал, что только люди лишены божественной заботы⁶⁵. Ведь в том, что все остальное управляется разумом, нельзя усомниться. Но я поражена, как при таких здравых рассуждениях в тебя проникли болезни. Однако я попытаюсь заглянуть поглубже, ибо не знаю, где скрыт изъян. Скажи мне, поскольку ты не сомневаешься, что миром правит Бог, с помощью каких установлений осуществляет Он свое правление? — Мне, — ответил я, — не совсем понятен смысл твоего вопроса, и я даже не могу найти на него ответ. — Неужели, — спросила она снова, — я ошибаюсь, думая, что в тебе есть изъян, через который, как через пробоину в крепком валу, проникла в твою душу болезнь смятения? Ответь же мне, какова цель всего сущего, к чему направлено стремление всей природы? — Я слышал об этом, но скорбь притупила мою память. — А знаешь ли ты, откуда все берет начало? — Это я знаю и утверждаю, что Бог существует. — Как же могло случиться, что зная начало, ты не представляешь, что есть конечная цель всего сущего. Но таковы уж свойства страстей. Они могут потрясти человека, но отдалить его от самого себя и изменить до основания не могут. Я бы хотела, чтобы ты ответил вот еще на что: помнишь ли ты о том, что ты — человек? — Как же, — отвечаю, — мне этого не помнить? — Можешь ли ты определить, что есть человек? — Так ты спрашиваешь, знаю ли я, что представляю собой разумное смертное существо. Знаю и признаю, что я именно таков. — Тогда она сказала: Не знаешь ли ты еще чего-нибудь относительно своей сущности? — Нет, больше ничего. — Теперь мне понятна другая, или, точнее сказать, главная причина твоей болезни. Ты забыл, что есть сам. Так как я полнее выяснила причину твоей болезни, то придумаю, как найти средство, чтобы вернуть тебе здоровье. Ведь тебя сбilo с пути забвение, поэтому ты печалишься о том, что сослан и лишен всего имущества. А поскольку ты действительно не знаешь, какова конечная цель всего сущего, то и считаешь негодяев и злодеев могучими и счастливыми, ибо предал забвению, посредством каких установлений управляется мир. Ты полагаешь, что перемены фортуны совершаются без вмешательства управителя. В этом и кроются причины, ведущие не только к болезни, но и к гибели. Но, благодарение создателю, твоя природа еще не совсем повреждена. У меня есть средства, которые исцелят тебя, — это прежде всего твое правильное суждение об управлении мира, которое, как ты считаешь, подчинено не слепой случайности, но божественному разуму. Не бойся ничего. Из этой маленькой искры возгорится пламя жизни. Но так как время для более сильных лекарств еще не наступило, и, уж такова природа [человеческой] души, что она отступает от истины, увлекаясь ложными суждениями, а порожденный ими туман страстей препятствует ясному

видению вещей, то я попытаюсь немного развеять его легкими целительными и успокоительными средствами, чтобы, когда рассеется мрак переменчивых страстей, ты мог увидеть сияние истинного света.

7 (v). Черною тучей
Скрытые звезды
Лить свой не могут
Пламень на землю.
Если взрывает
Яростный Австр⁶⁶
Бурное море
В реве прилива,
Взору предстанут
Пенные волны,
Но не в кристаллах
Ясных и чистых, —
В мутном круженье.
С гор высочайших
Вниз повергаясь,
Мчатся чрез камни
Воды потока.
Часто обвал им
Бег преграждает.
Также, коль хочешь
В свете полдневном
Правду увидеть, —
Правильной следуй
В жизни дороге.
Радость и страхи
Дальше гони ты,
Прочь и надежду!
Чтобы печали
Не было в сердце.
Сумрачен ум тот,
Связан уздою,
Где они правят.

[>>>](#)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹*Песни, что раньше слагал в пору цветенья и силы* — существует свидетельство современника Боэция Кассиодора, что философ написал в юности «Буколические песни». См.: Кассиодор. О роде Кассиодоров, *Usener H. Anecdoton Holderi*. Leipzig, 1877. S. 4.
- ²*Камены* — в древнеримской мифологии богини, покровительствующие наукам и искусствам, аналогичные Музам в древнегреческой мифологии. Ср.: *Сенека*. Октавия, I, 322.
- ³*Чтобы заставить свернуть с избранной нами стези* — Ср.: Овидий. [Тристыи, IV, 1](#).

- ⁴*Радостна смерть для людей, если является кстати, коль ее ждут, и когда нить она счастья не рвет* — этими строками Боэция навеяны слова Франчески да Римини в «Божественной комедии» Данте. См.: «Ад», V, 121—123.
- ⁵*Фортуна* — судьба. В древнеримской мифологии богиня счастья и несчастья, слепого случая, удачи. Изображалась с двумя лицами, стоящей на шаре или колесе с повязкой на глазах, иногда с рогом, из которого сыпались ее дары. Боэций в «Утешении» уделяет много внимания теме Фортуны. Его рассуждения о Фортуне оказали большое влияние на средневековые и отчасти ренессансные представления о судьбе. Большинство авторов, обращавшихся к этой теме, ссылаются на Боэция или цитируют его.
- ⁶*Стиль* — острая палочка для записи на восковых табличках.
- ⁷В образе не признанной вначале Боэцием богини предстает Философия. Примечательно, что первоначальное определение философии дается в образно-художественном, а не в чисто умозрительном плане. Это оказало влияние и на средневековую традицию. См.: Patch H. B. The Tradition of Boethius. N. Y., 1935.
- ⁸Π и Θ — начальные буквы древнегреческих слов, обозначающих два вида философии — практическую (активную) и теоретическую (спекулятивную). Такую же классификацию философии Боэций дает в «Комментарии к Порфирию».
- ⁹*В правой руке она держала книги, а в левой — скипетр* — намек, с одной стороны, на учебный, созерцательный характер философии, а с другой — на то, что (как у Платона) именно Философия, или Мудрость, должна править миром. Образ Премудрости-управительницы характерен также для современной Боэцию христианской традиции.
- ¹⁰*Элеаты*, или элейцы — представители греческой философской школы, существовавшей в VI—V вв. до н. э. в Элее в Южной Италии, учившей о неизменяемости истинного бытия и его единстве. Учение элеатов послужило одним из источников философии Платона. *Академики* — мыслители, принадлежавшие к философской школе Академия, основанной Платоном в IV в. до н. э. Существовали Древняя (IV в.), Средняя (III—II вв.) и Новая (II—I вв. до н. э.) Академии.
- ¹¹*Геспер* — так древние называли планету Венеру, сияющую на вечернем небе. Восходящую утром Венеру они называли Люцифер.
- ¹²*Тайны искал естества всюду обычно* — намек на научные занятия Боэция, который был автором трактатов по арифметике, геометрии, музыке и астрономии.
- ¹³*Ведь я дала тебе такое оружие* — способность рассуждать, осмысливать все с позиций философии.
- ¹⁴*Кавр* — северо-западный ветер.
- ¹⁵*Борей* — северный ветер. Его постоянное местопребывание по мифологическим представлениям было во Фракии. Ср.: *Вергилий. Энеида, I, 52; XII, 365.*
- ¹⁶Ср.: Комментарий к Порфирию, прим. 3.
- ¹⁷Учение стоиков, особенно Сенеки, оказало большое влияние на Боэция. Только в комментариях к изданию A. M. T. S. Boetii Philosophiae consolationis libri quinque. Lipsiae, 1871. pp. 228—233. Р. Пейпер указывает более 120 мест из «Утешения», в которых, по его мнению, прямо или косвенно использованы трагедии Сенеки. Боэций излагает учение стоиков о познании в «Утешении», [V, ст. V](#). Он также в определенной мере разделяет этические идеалы стоиков — жить согласно природе, свободным от страстей, в спокойном состоянии духа, равнодушно относясь к бедам и невзгодам.
- ¹⁸*Анаксагор из Клазомен* (ок. 500—428 гг. до н. э.) — древнегреческий философ. Был обвинен в безбожии, приговорен к смертной казни, но ему удалось бежать.
- ¹⁹*Зенон Элейский* в последние годы своей жизни стал участником заговора с целью свержения тирана Неарха (некоторые источники утверждают, что тирана Диомедона). Когда заговор был раскрыт, Зенон по приказанию тирана был подвергнут пыткам, однако не выдал никого из своих сообщников. Более того, он обратился с обвинениями к тирану и его приближенным. Подойдя к тирану, Зенон откусил свой язык и выплюнул тому в лицо,

тем самым выказав полное презрение к пыткам и поразительную верность своим этическим принципам. По свидетельству Диогена Лаэртца Зенон по приказу тирана был предан мученической смерти — истолчен в ступе.

- ²⁰*Каний* — философ-стоик, живший в I в. н. э. Был приговорен к смерти римским императором Калигулой. Держался с незаурядным мужеством. См.: *Сенека. О спокойствии души, XIV*.
- ²¹*Сенека* (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — виднейший представитель римского стоицизма, воспитатель римского императора Нерона, по приказу которого был вынужден покончить жизнь самоубийством.
- ²²*Соран* — римский философ-стоик, пал жертвой Нерона. См.: *Тацит. Анналы, XVI, 21, 32—33*.
- ²³*Судеб различья* — Ср.: *Вергилий. Георгики, III, 495*.
- ²⁴Ср.: *Гораций. Оды, III, 3*.
- ²⁵Идея стоиков. Ср.: *Сенека. О блаженной жизни, 5*.
- ²⁶Как осел перед лирой (греч. поговорка).
- ²⁷Говори, не скрывай ничего из своих мыслей (*Гомер. Илиада, I, 363*).
- ²⁸*Платон. Государство, V, 473 d*.
- ²⁹Там же.
- ³⁰*Занятий на досуге* — Боэций выражает традиционный для римлянина взгляд, согласно которому только занятия государственными делами были настоящим делом (*negotium*), все прочие занятия считались досугом (*otium*). Ср.: *Цицерон. Об ораторе, I, 1*.
- ³¹Боэций в 510 г. был избран консулом, затем занимал посты комита священных щедрот (распорядителя финансов) и магистра оффиций (первого министра) при дворе короля, был принцепсом сената.
- ³²*Конигаст* — фаворит остготского короля Теодориха. В послании от имени остготского короля Аталариха он именуется «сиятельным мужем». См.: *Кассиодор. Варии, VIII, 28*.
- ³³*Тригвила* или Тригилла упоминается также Григорием Турским как любовник Амаласунты, дочери короля Теодориха.
- ³⁴*Благосостояние провинциалов было погублено* — вероятно, Боэций имеет в виду раздел земель между италийским населением и остготами, который был осуществлен в Остготском королевстве в конце V — начале VI вв.
- ³⁵*Кампанская провинция* или Кампания — область в Средней Италии. В древности славилась своим плодородием. Пострадала от землетрясения и стихийных бедствий в первой четверти VI в.
- ³⁶*Консуляр* — бывший консул. Консул — высшее выборное должностное лицо в Древнем Риме. Институт консульства был сохранен и в Остготском королевстве, хотя консулы больше и не обладали реальной политической властью. Консулы обычно избирались на год. Павлин был консулом в конце V в. Он происходил из рода Дециев, подвергся преследованиям со стороны остготского короля и его приближенных. Боэций добился оправдания Павлина.
- ³⁷*Палатинские псы (palatini)* — обозначение лиц, принадлежавших к *palatium* — императорскому дворцу. Однако в более узком значении под *palatini* подразумевались лица, которые непосредственно подчинялись ведущему королевские финансы.
- ³⁸*Киприан* — королевский референдарий, которому Теодорих очень доверял. Именно он предъявил королю донос о тайных письмах, якобы отправленных сенатором Альбином императору Византии Юстину, с которых началось падение Боэция.
- ³⁹*Альбин* — патриций, сенатор, в 493 г. был избран консулом. В тот период, о котором идет речь в «Утешении», был префектом претория.
- ⁴⁰*Василий* — служил при дворе Теодориха, был обвинен в колдовстве и изгнан со службы.
- ⁴¹*Опилион (Опилий)* — брат Киприана.

- ⁴²*Гауденций* — о нем достоверных сведений нет. По-видимому, лицо, находившееся на службе при дворе короля Теодориха.
- ⁴³*Королевская цензура* — служба, которая осуществляла проведение ценза, надзор за политической благонадежностью и нравами подданных, а также некоторые другие функции.
- ⁴⁴*Я хотел спасти сенат*. Сенат — высший государственный орган в Риме, был сохранен при остготах, хотя и утратил многие свои функции и привилегии. Обвинения в измене, предъявленные Альбину, по утверждению Боэция, король замыслил перенести на весь сенат. Боэций выступил в защиту Альбина и сената, желая отвести от них обвинения в оскорблении величества. Его смелый шаг послужил поводом для распространения обвинения.
- ⁴⁵*Представить это в качестве преступления* — сенат, до поры до времени молчаливо поддерживавший Боэция, не пожелав порывать с Теодорихом, поддержал обвинение против Боэция и выступил с его осуждением.
- ⁴⁶*Недостойно скрывать истину* — См.: Платон. Государство VI, 485 с.
- ⁴⁷*О подложных письмах* — Боэций утверждает, что письма, адресованные императору Византии и якобы отправленные Альбином, на самом деле были написаны кем-то другим по распоряжению Теодориха, чтобы таким образом король получил возможность расправиться с негодными ему сенаторами.
- ⁴⁸*Надеялся на восстановление римской свободы* — по-видимому, речь идет о том, что Боэций был обвинен в антиготских настроениях, стремлении восстановить былые привилегии и права римлян.
- ⁴⁹*Гаем Цезарем, сыном Германика* — римским императором Калигулой (37—41 гг. н. э.).
- ⁵⁰Цитата из Эпикура, сохраненная христианским писателем Лактанцием в его сочинении «О гневе божием», 13; 21.
- ⁵¹*Когда в Вероне* — заседание сената, на котором был обвинен Боэций, происходило в Вероне, а не в столице Остготского государства Равенне.
- ⁵²*В присутствии обвиняемого* — Суд над Боэцием происходил в его отсутствие.
- ⁵³*Отягчил совесть оскорблением святынь* — Боэцию было также предъявлено обвинение в святотатстве, однако о том, в чем конкретно оно заключалось, источники не сохранили никаких свидетельств.
- ⁵⁴«Повинуйся богу» (греч.) — пифагорейское изречение. Боэций постоянно обращался к учению Пифагора в своих трактатах «Наставления в музыке» и «Наставления в арифметике». Приведенное Боэцием предписание Пифагора также встречается в сочинении Сенеки «О блаженной жизни».
- ⁵⁵*Уподобить Богу* — пифагорейско-платоновская мысль о том, что углубленные занятия философией делают мудреца похожим на бога. Ср.: Платон. Теэтет, 176 b.
- ⁵⁶*Святой тесть, заслуживший [всеобщее] уважение своими делами* — Аврелий Меммий Симмах, знатный патриций, один из образованнейших людей своего времени, прославился своей честностью, справедливостью и другими высокими нравственными достоинствами.
- ⁵⁷*Звездоносного мира создатель* — Эти стихи, возможно, вдохновлены монологом Ипполита из трагедии Сенеки «Ипполит» (III, 957). Боэций сохраняет тему, структуру, литературные приемы монолога, но усиливает мотивы, связанные с богом, которого просит с помощью Провидения уменьшить превратности земного бытия людей.
- ⁵⁸*Зефир* — западный теплый ветер.
- ⁵⁹*Сириус* — наиболее яркая звезда летнего неба в северном полушарии.
- ⁶⁰*Арктур* — звезда из созвездия Большой Медведицы, видна на небе в зимнее время особенно ярко.

- ⁶¹ *В котором господствует многовластие, как у афинян*, — смысл этого выражения не совсем ясен. Оно может быть истолковано или как намек на некогда существовавшую афинскую демократию, либо как ссылка на имевший место в древних Афинах обычай подвергать неугодных людей ostracism (изгнанию).
- ⁶² *Единому властелину, единому государю* — Гомер, [Илиада, II, 204](#).
- ⁶³ Ср.: Цицерон. [За Цецину, XXXIV, 100](#).
- ⁶⁴ *Созвездие Рака* — зодиакальное созвездие, поднимается к зениту в июле.
- ⁶⁵ См.: Утешение, I, пр. V, ст. 2.
- ⁶⁶ *Австр* — порывистый южный ветер.

УТЕШЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ

КНИГА II

1. Затем она на несколько мгновений прервала свою речь и, овладев моим вниманием благодаря благоразумному молчанию, обратилась ко мне: Если я достаточно глубоко поняла причины твоего недуга, то мне представляется, что ты чахнешь из-за непреодолимого желания вернуть себе прежнюю благосклонность Фортуны. И твой дух поколебало то, что она, как ты полагаешь, отвернулась от тебя. Я постигла множество обманчивых форм этой чародейки и лстивую близость, которой она постоянно дарит тех, кого желает обмануть, делая это до тех пор, пока не погружает [их] в неутолимую скорбь своим неожиданным уходом. Если же ты припомнишь ее природу, обычаи и благодеяния, то поймешь, что благосклонность Фортуны не содержит ничего прекрасного, и ты ничего не утратил. Я полагаю, что тебе не составит большого труда восстановить это в памяти. Ты ведь имел обыкновение, когда она покровительствовала тебе и осыпала ласками, осуждать ее исполненными суровости словами и порицать суждениями, вынесенными из нашей обители. Но всякая внезапная перемена жизни, без сомнения, пробуждает в душах какое-то смятение. Поэтому и случилось, что ты на короткое время утратил присущее тебе спокойствие духа. И вот сейчас настало время, чтобы ты попробовал мягкое и приятное лечебное средство, которое, проникнув внутрь, откроет путь для более сильных лекарств. Призовем же на помощь убеждения сладкой риторики, которая только тогда ведет верным путем, когда не отступает от наших наставлений и когда ее сопровождает музыка, сложенная ларами, и вторит ей быстрыми или медленными ладами¹.

Что же, о человек, повергло тебя в такую печаль и исторгло скорбные стенания? Думаю, что ты испытал нечто исключительное и небывалое. Ты полагаешь, что Фортуна переменчива лишь по отношению к тебе? Ошибаешься. Таков ее нрав, являющийся следствием присущей ей природы. Она еще сохранила по отношению к тебе постоянства больше, чем свойственно ее изменчивому характеру. Она была такой же, когда расточала тебе свои ласки и когда, резвясь, соблазняла тебя приманкой счастья. Ты разгадал, что у слепой богини два лица, ведь еще прежде, когда суть ее была скрыта от других, она стала полностью ясной для тебя. Если ты одобряешь ее обычаи, не жалуйся. Если же ее вероломство ужасает [тебя], презри и оттолкни ту, которая ведет губительную игру: ведь именно теперь то, что является для тебя причиной такой печали, должно и успокоить. Ибо покинула тебя та, от предательства которой никто и никогда не может быть защищен. Неужели имеет для тебя цену преходящее счастье, и разве дорога тебе Фортуна, верная лишь на мгновение и чуждая постоянства, уход которой приносит печаль. Если же ее невозможно

удержать по воле [людей], а, удаляясь, она делает их несчастными, что иное представляет быстротечное [счастье], как не некое предзнаменование будущих невзгод? Ведь недостаточно видеть лишь то, что находится перед глазами, — благоразумие понимает, что все имеет конец, и что как добро, так и зло переменчивы. И не следует поэтому ни страшиться угроз Фортуны, ни слишком сильно желать [ее] милостей.

Наконец, следует тебе запастись терпением, чтобы перенести то, что происходит во владениях Фортуны, если уж однажды ты склонил шею под ее ярмом. И если бы ты пожелал установить закон, чтобы удержать ее или предугадать уход той, которую ты по своей воле избрал своей госпожой, разве было бы это правильным, ведь отсутствие терпения лишь ухудшило бы жребий, который изменить ты не в силах. Если ты отдаешь свой корабль на волю ветров, он будет двигаться не сообразно твоим желаниям, а куда повлекут его их яростные порывы. Когда ты засеваешь пашню семенами, то предвидишь годы урожайные и бесплодные. Ты отдал себя во власть Фортуны, следует, чтобы ты подчинился обычаям повелительницы. Зачем ты пытаешься удержать стремительное движение вращающегося колеса?² О глупейший из смертных, если Фортуна обретет постоянство, она утратит свою природу и перестанет быть зависящей от случая.

1 (v). Десницей гордою толкнула колесо
Стремительней, чем в скалах бег Эврипа³.
Тиран раздавлен им, и вновь капризная
Чело униженного поднимает.
Всегда к слезам и горю равнодушная,
Виновница всего, — смеется столам,
Играет так она своим могуществом.
Привычно ей свершать дела чудесные —
Паденье и подъем в один и тот же час.

2. Но я хотела бы немного обсудить [это] с тобой, пользуясь языком самой Фортуны⁴. Ты же примечай, каковы ее права. «Почему ты, человек, ежедневно преследуешь меня жалобами, какую несправедливость я причинила тебе? Какие блага отняла? Порассуждай же со мной об обладании богатством и чинами и сравни [наши мнения]. И если ты докажешь, что хотя бы нечто из принадлежащего мне является неотъемлемой собственностью кого-нибудь из смертных, я тотчас сделаю так, чтобы стало твоим то, чего ты потребуешь.

Когда тебя природа произвела из материнской утробы, еще не владеющего ничем и беспомощного, я поддержала тебя, осыпала своими щедротами и благосклонно, с любовью и нежностью воспитала, свершив все, что было в моей власти, окружала тебя роскошью и блеском, — и все это делает тебя теперь нетерпимым по отношению ко мне. Сейчас угодно мне отвести свою руку. Когда ты пользовался моей благосклонностью, ты обладал данным взаймы, поэтому ты не имеешь права жаловаться, словно утратил нечто принадлежащее тебе. Почему ты стонешь? Я не проявила к тебе никакой жестокости. Богатства, почести и прочие блага такого рода находятся в моей власти, служанки знают свою госпожу, и, когда я покидаю несчастного, удаляются вместе со мной. Я решительно утверждаю, что если бы принадлежали тебе блага, на утрату которых ты жалуешься, ты бы ни в коем случае не мог их потерять. Или мне, единственной, запрещено осуществлять свое собственное право? Ведь разрешено небу рождать светлые дни и погребать их в темных ночах, позволено временам года то украшать цветами и плодами облик земли, то омрачать его бурями и морозами. У моря есть право то ласкать взор ровной гладью, то ужасать штормами и волнами. Неужели только меня ненасытная алчность людей обязывает к постоянству,

которое чуждо моим обычаям? Наша сила заключена в непрерывной игре — мы движем колесо в стремительном вращении и радуемся, когда павшее до предела возносится, а вознесенное вверх — повергается в прах. Поднимись, если угодно, но при таком условии, что ты не сочтешь несправедливым падение, когда того потребует порядок моей игры. Разве тебе были неизвестны прежде мои обычаи? Разве ты не знал, что Крез⁵, царь лидийцев, недавно еще угрожавший Киру, вскоре вслед за тем был предан пламени костра, что само по себе достойно сострадания, и не погиб только благодаря дождю, ниспосланному с неба? Неужели от тебя, укрылось, что Павел⁶ проливал благочестивые слезы из-за несчастий Персея, плененного им? И что иное оплакивают трагедии, как не безжалостные удары. Фортуны, внезапно сокрушающей счастливые царствования? А разве ты в юности не учил, что на пороге обиталища Юпитера стояли $\delta\upsilon\omicron \lambda\acute{\iota}\theta\omicron\upsilon\varsigma, \tau\acute{\omicron}\nu \mu\acute{\epsilon}\nu \acute{\epsilon}\nu\alpha \kappa\alpha\kappa\acute{\omega}\nu, \tau\acute{\omicron}\nu \delta\grave{\epsilon} \acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\nu \acute{\epsilon}\acute{\alpha}\omega\nu$ ⁷. Подумай, не досталось ли тебе благ больше, чем горестей? Что, если от тебя я не полностью отвернулась? Ведь сама моя изменчивость дает законные основания надеяться на лучшее. Поэтому не падай духом и, подчиняясь общему для всех закону, не стремись жить по своим собственным установлениям.

2 (v). Если б судьба столько благ приносила⁸,
Сколько у моря песка,
Сколько звезд на полуночной тверди
Блещет златых, если б рог
Изобилья и не отводила Фортуна,
Ей никогда не сдержат
Жалоб людских, сколько б ни нисходило
Небо, расточая дары
Тем, кто к успеху и славе стремится.
Мало, однако, им все,
Ибо не знают люди предела.
Жадность раскроет их пасть.
Алчность жестокая их непомерна.
Кто обуздает ее?
Кто удержит желанья уздою?
Сколько б ни было благ,
Жарче только горит вожделенье
В их ненасытной душе.
Но не быть человеку богатым,
Мнит кто несчастным себя».

3. Если бы Фортуна обратилась к тебе с такой речью, ты бы не нашел никаких возражений, но если все-таки существует нечто, чем ты мог бы по справедливости подкрепить свои жалобы, тебе следует это высказать, я предоставляю тебе такую возможность. — На это я ответил: Твои рассуждения убедительны и пропитаны медом сладкой риторики и музыки, но они несут утешение лишь тогда, когда их слушают; более глубоко сокрыто чувство обиды у несчастных, поэтому, как только они перестают звучать в ушах, печаль, пронизывающая меня, снова отягчает душу. — Она согласилась со мной и произнесла: Это еще не лекарства от твоей болезни, до настоящей минуты не поддавшейся лечению, но лишь как бы средства, облегчающие печаль. Но когда придет время, я дам тебе целебное средство, которое проникнет в глубины твоего существа. Мне хотелось бы, чтобы ты не настаивал на том, что ты несчастлив, ибо разве ты забыл меру и продолжительность своего счастья? Я умалчиваю о том, что когда ты лишился родителей, тебя поддержала забота лучших людей, на тебя пал выбор, и ты сделался родственником первых лиц

государства, что явилось наиболее ценным свидетельством расположения к тебе, но ты был уже дорог им прежде, чем стал родственником. Кто же мог не счесть себя счастливейшим из людей, имея столь именитых тестя и тещу, обладая столь целомудренной супругой и — последняя милость неба — имевшего сыновей.

Я уж не говорю о почетных должностях, полученных тобой еще в юношеские годы, а ведь в них бывает отказано и старикам. И чтобы возродить [в душе] радость, обрати взор к главной вершине своего счастья. Ибо если достижение блаженства возможно как результат человеческих деяний, то разве тяжесть обрушившихся на тебя несчастий способна уничтожить воспоминания о том дне, когда ты видел, как двое твоих сыновей, избранных одновременно консулами, вышли из дома и шествовали, окруженные многочисленной толпой патрициев и возбужденного народа, когда в присутствии их, восседающих в курии в курульных креслах, ты выступил с речью, прославлявшей королевскую власть, и стяжал славу за блистательное красноречие; когда в цирке в честь обоих консулов ты вознаграждал ожидания толпы триумфальной щедростью.

Я представляю, как ты возносил хвалы Фортуне, пока она ласкала и согревала тебя, осыпая своими милостями. Такими дарами, как тебя, она никогда не награждала ни одного смертного. А теперь ты желаешь свести счеты с Фортуной? Ведь она впервые устремляет на тебя свой леденящий взор. Если же ты сопоставишь меру своих радостей и печалей, то не сможешь отрицать, что до сих пор был счастлив. И ты не считаешь себя счастливым лишь потому, что некогда обладал счастьем, а теперь то, что казалось радостным, ушло. Но ведь этого недостаточно, чтобы считать себя несчастным. Ведь и нынешние печали тоже пройдут мимо. Или, быть может, тебе первому на этой сцене жизни принадлежат права хозяина? Или, возможно, ты полагаешь, что постоянство присуще человеческой природе, и забываешь, что самому человеку несет гибель быстротечное мгновение. Но ведь если превратная Фортуна редко сохраняет постоянство, то и последний день [человеческой] жизни тоже знаменует смерть покинутой Фортуны. Что ты можешь возразить на это? Разве не покидаешь ты ее, умирая, так же, как она тебя, уходя?

3 (v). Когда с розовопламенной квадриги
Снопамы сыпет Феб свой свет,
Звезда бледнеет пред его лучами
И исчезает в блеске их.
Когда при дуновении Зефира
Лес в розовом цвету стоит,
Примчится бурный Австр, с цепи сорвавшись,
Раздев шиповник донага.
В прозрачной тишине искрится море,
Спят волны неподвижны,
Но часто Аквилон² вздымает бури,
Срывая пену яростно.
Все в мире этом так непостоянно,
Подвержен переменам свет.
Поверь, судьбы мгновенны, преходящи
Дары, как мимолетный сон!
Одно лишь в мире постоянно, вечно —
Непостоянство, бренность всех.

4. Тогда я обратился к ней: Справедливо все, что говорила ты, о кормилица всех добродетелей, и я не могу отрицать стремительнейший взлет моего процветания. Но это еще больше жжет мне душу. Ведь при всякой превратности Фортуны самое тяжкое несчастье в том, что ты был счастливым¹⁰. — Твои несчастья, — возразила она, — являются наказанием за твои заблуждения, ибо ты не можешь правильно оценить ход событий. Ведь если даже суетное воспоминание об исполненном случайностей счастье все еще волнует тебя, следует тебе поразмыслить вместе со мной, насколько велики и многочисленны те блага, которыми ты хотел бы обладать. Ибо если наиболее драгоценные, по твоему мнению, дары Фортуны, которыми ты владел, по божественному соизволению оставлены в неприкосновенности, разве имеешь ты право, сохранив лучшее, сетовать на несчастья, оставаясь при этом справедливым? Ведь остался еще невредимым тесть Симмах, муж, прославленный мудростью и добродетелями, не радеющий о собственном благе, чьи деяния служат величайшему украшению человеческого рода, и за которого ты отдал бы жизнь без промедления, он оплакивает твои несчастья. Жива еще супруга, скромная и наделенная целомудрием, и что более всего характеризует ее достоинства, похожая на своего отца. Она жива, — повторяю я, — но, хотя жизнь опостылела ей, сохраняет тебе преданность, и я соглашусь, что лишь одно может уменьшить твоё счастье, — это ее слезы и печаль, от которых она чахнет в тоске по тебе. Что мне добавить о детях, консулярах, их дарованиях, унаследованные от отца и деда, были выдающимися уже в раннем возрасте.

Если же важнейшая забота смертных — сохранение жизни, ты, когда оценишь блага, оставшиеся тебе, поймешь, что даже теперь они были бы всякому достаточны для счастья, и никто не усомнится, что жизнь милостива к тебе. Поэтому осуши слезы, еще не обрушила Фортуна свою ненависть на твоих близких, и на тебя наслала она не слишком сильную бурю, еще удерживают тебя надежные якоря, которые позволяют найти утешение в настоящем и [возлагать] надежды на будущее. — О! — воскликнул я, — если бы они у меня были! Ведь тогда как бы ни обернулись дела. Но ты видишь, как поблек мой наряд. — Она ответила: Мы уже несколько продвинулись, если тебе не всё в твоей участи кажется столь безысходным, но я не могу вернуть тебе [былые] радости, сколько бы ты ни стенал в горести и отчаянии о том, что не достает чего-то из твоих благ. Кто обладает счастьем столь полным, чтобы не выражать недовольства своим положением или хотя бы какой-нибудь его стороной? Источником мук является стремление к обладанию мирскими благами, которые или оказываются быстротечными, или вовсе никогда не приходят. У одного есть богатства, но он стыдится низкого происхождения; другой знатен от рождения, но, прижатый нуждой, предпочел бы принадлежать к незнатной семье; третий, обладая тем и другим, печалится из-за невозможности вступить в брак; четвертый, счастливый в браке, лишен детей и копит богатства чужому наследнику; пятый, осчастливленный потомством, печально оплакивает заблуждения сына или дочери. Прибавь к этому, что у счастливого человека чувства легко ранимы, и он, не привыкнув к перенесению малейших неприятностей, бывает повержен ими, поэтому ему очень мало нужно, чтобы утратить ощущение полноты счастливейшего блаженства. Сколь много существует людей, которые считали бы себя близкими к небу, если бы им досталась хоть малая часть из оставшегося у тебя счастья?

Это самое место, которое ты называешь изгнанием, является родиной живущих здесь. И ничто не является несчастьем, если ты не считаешь его таковым, напротив же, кажется блаженным жребием всё, что ты переносишь терпеливо. Есть ли на свете человек, счастливый настолько, что когда его выпускает неверная рука [Фортуны], он не желает изменить своего положения? С какими великими горестями соединена сладость человеческого счастья, которое, хотя и кажется столь приятным наслаждающемуся, однако не может быть удержано им, когда [Фортуне] будет угодно покинуть его. Очевидно, что исполнено несчастья блаженство бренного мира, непостоянства которого не могут избежать даже

терпеливые люди, тем более не радуется оно мятущиеся души. Что же, о смертные, стремитесь к внешнему, когда счастье лежит внутри вас? Смушают вас ошибки и заблуждения. Я очерчу тебе кратко границу высшего счастья. Есть ли что-нибудь более ценное для тебя, чем ты сам? Нет, ответишь ты. Если бы ты познал себя, ты обладал бы тем, что никогда бы не пожелал бы выпустить, и что Фортуна, покидая тебя, не смогла бы унести. И запомни, блаженство не может быть заключено в случайных вещах. Рассуди так: если блаженство есть высшее благо природы, обладающей разумом, то высшее благо не есть то, что может быть отобрано. Значит, непостоянство Фортуны может способствовать обретению блаженства.

Тот, кого влечет быстротечное счастье, и знает, и не знает, что оно изменчиво. Если не знает, то разве может быть счастливой судьба из-за слепоты познания? Если знает, то обязательно боится, как бы не упустить того, что, как он не сомневается, может быть утрачено. Поэтому постоянный страх не позволяет ему быть счастливым. Возможно, зная, что счастье может быть утрачено, следует этим пренебречь? Но ничтожно благо, потеря которого переносится с легким сердцем. А так как ты убежден на примере многих доказательств, что души людей никоим образом не являются смертными, тебе будет ясно, что зависящее от случайности счастье прекращается со смертью тела; ведь нельзя усомниться, что смерть может унести счастье, а в таком случае весь человеческий род должен погружаться в несчастье за смертной чертой. Но поскольку мы знаем, что многие вкусили плод блаженства не только в смерти, но и в страданиях и муках, каким же образом такое существование могло сделать [людей] счастливыми, если своим завершением оно не сделало их несчастными?

4 (v). Каждый, кто ищет от бед¹¹
И несчастий укрыться,
Обезопасить стремясь
Себя от Эвра¹², спасти
От ветра порывов
И моря грозного, тот,
Все предвидя, избегнет
И влажных песков, и гор,
Ему трудно доступных.
Ибо, когда дует Австр,
Путь тяжел чрезвычайно
Чрез пески и ущелья.
Тот, кто ищет спасенья
Для себя, устремляясь
К берегам, должен помнить, —
Дом свой строить обязан
У основанья скалы лишь.
Волны здесь не опасны.
Пусть ревут они в море.
Защищен ты надежно.
Здесь ты счастлив. Не страшен
Гнев небес тебе, смертный!

5. Поскольку ты немного успокоился после моих рассуждений, я думаю, теперь следует употребить более крепкие лекарства. Поразмысли, если бы даже дары Фортуны не были бренными и преходящими, что им свойственно, могли бы они когда-нибудь принадлежать

тебе и никогда не утрачивать своей ценности при более внимательном рассмотрении? Почему кажутся драгоценными сокровища — вследствие вашей оценки или же по своей собственной природе? Что более важно — золото или страсть к накоплению денег? Но ведь сокровища больше сверкают, когда их тратят, а не тогда, когда их хранят. Жадность всегда делает [людей] ненавистными [в глазах других], а щедрость — славными. И сокровища лишь тогда приобретают ценность, когда, будучи переданными другим из щедрости, перестают принадлежать [вам]. Равным образом, если все богатства будут собраны одним, это сделает других нищими. Лишь голос одинаково достигает слуха многих [людей], а ваши богатства, если не будут раздроблены, не могут достаться многим. О, пусть бы было не дозволено всем иметь эти ничтожные и бесполезные богатства, которые достаются кому-либо только через разорение других. Блеск драгоценных камней привлекает взгляд? Но то, что заключено в этом поразительном сверкании, это сияние камней не принадлежит людям, и я очень удивлена, чем они восхищают людей. Как может быть, чтобы нечто, лишённое движений души и тела, казалось действительно прекрасным одушевленному существу, наделенному разумом? В драгоценных камнях должен привлекать труд создателя и разнообразие их красоты, но они гораздо ниже вас по природе и не заслуживают вашего восхищения.

Вас радует красота полей, не правда ли? Она составляет прекраснейшую часть прекраснейшего творения. Иногда мы восхищаемся видом спокойного моря, нас поражают небо, звезды, луна и солнце. Так неужели тебе что-нибудь из этого принадлежит? Разве осмелишься ты обратить на собственное прославление их красоту? Неужели ты наделяешь разнообразием весенние цветы или отягчаешь плодами деревья в конце лета? Зачем ты стремишься к пустым радостям? Зачем привязываешься к внешним благам, как будто они — твоя собственность. Никогда Фортуна не сделает твоим того, что природа сделала тебе чуждым. Без сомнения, плоды земли должны служить пищей живым существам, но если ты пожелаешь удовлетворить свою потребность тем, что достаточно природе, у тебя не возникнет стремления к перенасыщению. Природа довольствуется немногим, когда же ты попытаешься усилить ее насыщение чем-либо лишним, то, чем ты ее питаешь, будет ей неприятно или принесет вред.

Быть может, ты полагаешь, что красиво блистать разнообразием одежд, вид которых хотя и приятен взору, но я приду в восхищение от качества ткани или искусства ремесленника. А разве принесет тебе счастье длинная вереница рабов? Они, если обладают дурным нравом, — опасная обуза для дома и враги своего господина, если же они честны, то каким образом может быть причислена чужая честность к числу твоих богатств?

Из всего того, что ты относишь к числу своих благ, ни одно не принадлежит тебе, говорю я. А если они не содержат ничего от желаемой красоты, что же заставляет тебя печалиться при их утрате и радоваться при сохранении? Ибо если они прекрасны по природе, что это дает тебе? Они и сами по себе, будучи отделенными от принадлежащего тебе, нравились бы. Ведь их ценность не в том, что они находятся среди твоих сокровищ, эти блага потому и представляются драгоценными, что ты желал бы иметь их в числе твоих богатств. Чего же ты так громко требуешь от Фортуны? Я думаю, люди желают с помощью богатства избежать нужды, но это желание приводит их к противоположному¹³. Нужно иметь множество сосудов для сохранения многочисленных драгоценных предметов¹⁴. И справедливо мнение, что нуждаются во многом те, кто многим владеет, и, наоборот, очень мало нужно тем, кто соизмеряет свои богатства с природной необходимостью, а не с непомерными потребностями роскоши.

Итак, не является ли благо принадлежащим вам и расположенным внутри вас? Поэтому не ищите его во внешних и не принадлежащих вам вещах. Разве таков порядок мира, чтобы

существо, причастное божественному разуму, могло блистать не иначе, как через обладание неодушевленными предметами? Другие [существа] довольствуются принадлежащим им, вы же, разумом уподобленные Богу, ищите в низменных вещах украшение отличнейшей природы и не понимаете, какое оскорбление вы наносите этим своему создателю. Он желал, чтобы человеческий род возвышался над всеми земными созданиями, вы же уронили свое достоинство ниже самого низменного. Ведь если всякое благо, как явствует, выше того, кому принадлежит, а вы считаете презреннейшие из вещей вашими благами, тем самым себя вы по собственному соизволению ставите ниже их, и вы это заслужили. Положение, уготованное человеку природой, таково, что лишь тогда человек отличается от всех прочих вещей, когда познает себя, и он же опускается ниже животного, если перестает осознавать свое предназначение. Если для других животных не знать самого себя соответствует их природе, то у людей это — следствие развращенности. Ваша ошибка простирается столь далеко, что вы считаете, будто вам могут придать блеск украшения. Но это невозможно, ведь если нечто сверкает благодаря украшениям, то прославляется само украшение, сокрытое же под ним сохраняет свое безобразие.

Наконец, я отрицаю, что может считаться благом то, что приносит вред обладающему им. Не правда ли? Ты соглашаешься со мной. А разве богатство очень часто не вредило своим владельцам? Поэтому наихудший человек тот, кто из-за жадности чужого золота и драгоценных камней считает себя наиболее достойным обладать ими. Если бы ты, сторонящийся теперь в испуге копья и меча, если бы ты, как нищий путник, вступил на путь этой жизни, то мог бы петь при виде разбойника¹⁵. О славное блаженство смертных, заключенное в богатстве, которое когда получаешь, перестаешь быть в безопасности!

5 (v). Был счастлив первый век¹⁶, довольный
Надежной пашнею своею, —
Не праздной роскошью, что губит.
Привык он голод утолять свой
И желудем, когда придется.
Дар Вакха с медом не мешал он,
Шерсть не окрашивал тирийской
Пурпурной краской¹⁷. Спали крепко
Все на траве, поил источник
Холодный их, и отдыхали
В тени лишь пиний величавых.
Еще суда не бороздили
Глубокие моря и воды¹⁸,
На них торговцы не спешили
К берегам неведомым далеким.
Труба войны¹⁹ еще молчала,
Молчал всем ненавистный голос.
И крови братской вид ужасный
Был смертным не знаком, покамест
Она полей не орошала
Сражений яростных и злобных.
О, если б век вернулся древний,
И нравы прежние воскресли!
Горит, как Этна, жажда к злату.
Кто первый это зло принес нам?
Кто драгоценные впервые
Обрел камня, предпочли что б

Спать вечно в недрах, — тот, кто это
Все сделал, лишь беду принес всем.

б. Что же сказать мне о почетных должностях и могуществе, которые вы, не знающие истинного достоинства и могущества, превозносите до небес. Ведь если окажутся они в руках какого-нибудь злодея, то разве могут сравниться их губительные последствия с извержением Этны или самым большим наводнением? Я думаю, ты помнишь, конечно, что еще ваши предки желали упразднить власть консулов, положившую начало свободе, из-за их высокомерия. И еще раньше по сходной причине они запретили даже упоминать царскую власть в своем государстве²⁰. Если же достоинства и могущество достаются честным людям, а это очень редко случается, что иное может привлекать в них, как не честность пользующихся? Отсюда следует, что не добродетели от почетных должностей, но почетные должности от добродетелей приобретают уважение.

В чем же заключается желаемое вами и, на ваш взгляд, исполненное славы могущество? Разве вы, о земные существа, не знаете, кто вами управляет? Если бы ты увидел среди мышей одну, потребовавшую себе власти и права судить других, неужели ты бы не разразился хохотом? То же самое произойдет, если ты примешь во внимание немощность тела, принадлежащего человеку, которое, как ты знаешь, часто укусы мышей или проникновение внутрь личинок может привести к гибели²¹. И каким образом один человек может осуществлять закон над другим, если не иметь в виду его тело и то, что еще ниже тела, — я говорю о Фортуне. Разве ты можешь управлять свободным духом?²² И неужели ты можешь вывести душу из уравновешенного состояния, свойственного [ей], если она сплавлена с твердостью рассудка? Когда однажды тиран счел, что он может пытками принудить свободного человека выдать сообщников по заговору, замышлявшемуся против него, тот откусил свой язык и выплюнул его в лицо жестокого тирана. Так пытки, которыми тиран показал свою жестокость, мудрый человек обратил на доказательство добродетели.

Разве может кто-либо совершить относительно других то, что они не смогли бы сделать с ним? Известно, что Бузирис²³ имел обыкновение убивать гостей, но ведь и он сам был заколот гостем Геркулесом. Регул²⁴ многих карфагенян, захваченных во время войны, заключил в оковы, но вскоре сам вынужден был протянуть руки для того, чтобы карфагеняне надели на них цепи. Есть ли сила в человеческом могуществе, если, как видишь, то, что [человек] может относительно других, он не в состоянии предотвратить по отношению к себе? Кроме того, если бы в самих почестях и могуществе было заключено некое благо, соответствующее их природе, то никогда не доставались бы они наименее достойным. Ведь не свойственно благу быть присоединенным к противоположному себе. Природа не допускает, чтобы нечто противоположное смешивалось воедино. А так как достоинства по большей части достаются наихудшим [из людей], то не следует сомневаться, что их природа сама по себе не является благой, поскольку они позволяют наихудшим обладать ими. Это в равной степени можно отнести ко всем дарам Фортуны, которыми она щедро осыпает самых недостойных. К этому следует прибавить, что никто не сомневается, будто сильным является тот, кто явно выказывает свою силу, а тот, кто обладает быстротой [движений], конечно, быстр. Так, если человек занимается музыкой, мы называем его музыкантом, если медициной — врачом, риторикой — ритором; природа какой-либо вещи проявляется так, как ей свойственно, и не смешивается с воздействиями: противоположного ей, более того, она противоположное себе отталкивает. Но богатства не могут утолить ненасытную жадность, а власть не дает власти над самим собой тому, кого порочные страсти опутывают нерасторжимыми цепями. Почести и чины, достающиеся злодеям, никоим образом не делают их достойными людьми, но лишь еще более обнаруживают и

подчеркивают их низость. Отчего так происходит? Вы находите удовольствие в том, чтобы вещи, заключающие в себе совершенно иной смысл, называть ложными именами, несоответствие которых с очевидностью следует из их сопоставления с проявлениями существования самих этих вещей. Поэтому ни богатства, ни могущество, ни почести и чины, о которых мы говорили выше, не могут быть названы таковыми по праву. И наконец, то же самое следует сказать и о Фортуне, в которой, как явствует, нет ничего такого, чего следовало бы желать, ибо в ней по самой ее природе не содержится никакой благодати, ведь никогда она не благоволит добрым людям и не делает добрыми тех, к кому благоклонна.

6 (v). Руины зверь оставил за собой²⁵,
Сжег Город, погубил сенат великий,
Замучил брата и упился кровью
Он матери своей. Смотри на тело,
Слезы не уронил и не постиг красы.
Народами повелевал, которых Феб
Не мог бы охватить единым взором
От часа, на востоке как вставал,
До часа, когда в море неоглядном
На Западе гасил лучи златые,
Народами, что под семью звездами
В просторах обитали ледяных,
И теми, коих Нот²⁶ сжигал в пустынях.
Ведь сила никакая не могла
Смирить Нерона — кесаря злодейства!
Сколь тяжек века был удел, связавший
С отравой неправедный сей меч!

7. На это я ответил: Ты сама знаешь, что надо мной никогда не имело власти честолюбивое стремление к достижению преходящих благ, и хотя я больше всего желал стоять у кормила государственных дел, но это не могло способствовать умалению добродетели. — Тогда Философия сказала: Да, единственное, что может привлекать возвышенные от природы души, еще не достигшие высшей границы добродетели, это желание известности и славы вследствие достижения, высших должностей в государстве. И все же поразмысли, насколько подобные притязания ничтожны и беспочвенны. Известно, что весь круг земель, как ты узнал из астрономических наблюдений, представляет собой точку в системе небесного пространства²⁷. Если его сравнить с величиной небесной сферы, то можно сказать, что пространство его ничтожно мало. Лишь четвертая часть этой земли, занимающей так мало места, в мире, как стало известно тебе из сочинений всеведущего Птолемея²⁸, населена знакомыми нам существами. Если от этой четвертой части мы мысленно отнимем площадь, занимаемую морями и болотами и отделим от нее области, опустошаемые засухой, то людям для проживания останется лишь очень ограниченное пространство. И заключенные в этом крошечном мире, как бы огражденные отовсюду, вы помышляете о распространении славы и прославлении имени? Но может ли быть великой и значимой слава, зажата в столь тесном и малом пространстве? К тому же само это ограниченное пространство человеческого убежища населяют народы, отличающиеся своими языками, нравами и образом жизни, к которым из-за трудностей пути, или из-за непонимания языка, или из-за отсутствия торговли никоим образом не может прийти слава не только отдельных людей, но и целых государств. Во времена Марка Туллия, как он сам указывал в одном сочинении²⁹, слава Римской республики еще не перевалила Кавказские горы, а

ведь уже в то время она была могущественна и угрожала парфянам и другим народам, живущим за этими горами. Понимаешь ли ты, в сколь тесных границах заключена слава, для укрепления и распространения которой вы прилагаете столько трудов. Разве там, где не известно имя римлян, будет иметь значение слава человека — римлянина? Ведь существует основание для того, чтобы обычаи разных народов и их установления отличались [друг от друга], и то, что у одних считается достойным славы, у других может оказаться заслуживающим порицания. Поэтому если кого-нибудь радует достижение известности, пусть не стремится он донести славу своего имени до многочисленных народов; должен он удовольствоваться тем, что она распространится среди своих, и славное бессмертие, порожденное известностью, ограничится пределами одного народа. Но сколь многих славнейших в свое время мужей обрекла на забвение забывчивость летописцев! Впрочем, какую пользу принесло бы им то, что их деяния были запечатлены, ведь и сохраненное писателями забывается, отодвигаясь в далекую и преданную забвению древность. Вам кажется, что вы сделаетесь бессмертными, когда помышляете о славе в грядущем. Если же ты эти притязания сравнишь с бесконечной протяженностью вечности³⁰, будут ли у тебя основания радоваться долговечности своего имени? Ведь она составит лишь мгновение по сравнению с десятью тысячами лет, но и мгновение и тысячелетия — это лишь ограниченная протяженность времени, хотя мгновение и несравненно быстротечней. Любое количество лет, сколь угодно великое, не может быть соотнесено с безграничностью бесконечности. Ибо конечное можно сравнивать лишь с конечным, откуда следует, что слава, даже очень долговременная, если сравнить ее с неисчерпаемой вечностью, покажется столь ничтожно малой, что смысл ее будет утрачен. Вам же не ведомо ничто иное, кроме стремления к расположению народа и пустой молве, и, презрев превосходство совести и добродетели, вы ищете награду себе в чужих пересудах. Послушай, как некто лукаво высмеял пустоту притязаний такого рода. Когда он обрушился с оскорблениями на некоего человека, который не ради торжества добродетели, но лишь из тщеславного желания славы ложно присвоил себе имя философа, то заявил [ему], что убедится в том, что тот действительно философ, если перенесет наносимые ему оскорбления спокойно и терпеливо. Последний, однако, недолго сохранял терпение и как бы в шутку спросил обидчика: «Веришь ли ты теперь, что я философ?» На это первый ответил с издевкой: «Я бы поверил в это, если бы ты промолчал»³¹.

Какой смысл заключен в славе для выдающихся людей, о которых идет речь, стремящихся к славе ради добродетели? Что, — я спрашиваю, — им до славы после уничтожения тела смертью? Ведь если предположить то, что наш рассудок отказывается допустить, будто люди умирают полностью³², слава вообще ничто, поскольку тот, кому она воздается, вообще больше не существует. Если же душа, осознающая самое себя, освободившись из земной темницы³³, устремляется в небо, разве она не посмотрит с презрением на все земные деяния, она, которая, вкушая радости неба, ликует, что освободилась от земных пут!

7 (v). Каждый, кто к славе душою стремится своей
Высшим благом считая ее,
Взор обратит пусть на неба великий простор,
С ним нашу землю сравнив.
Он устыдится тогда даже имя назвать,
Славой что ложной вознесено.
Ведь не по силам и малость заполнить ему
Нашей земли! Так зачем
Вы стремитесь спасти свою жизнь, гордецы,
От тяжелого смерти ярма?
Слава ваша достигнет, возможно, племен

Дальних. У всех она на устах.
Дом известен пусть общим признаньем, пусть так!³⁴
Дела нет ей до почестей ваших совсем.
Всё презрит и сравнивает всех смерть.
Где Фабриция³⁵ прах, или Брута³⁶, скажи,
Иль Катона³⁷, — и что он теперь?
Слава тех, кого нет на земле, — звук пустой,
Хоть способна их всех пережить.
Не одно нам припомнится, — много имен,
Где же люди, носившие их?
Вы — безвестны, бессмертия слава не даст,
Не продлит она жизнь никому.
День придет, и погаснет обманчивый блеск,
Ждет вторая вас смерть лишь тогда.

8. — Но чтобы ты не счел, что я веду против Фортуны безжалостную войну, я должна отметить, что она заслуживает и человеческой признательности, будучи иногда не совсем обманчивой, а именно, когда она раскрывается, обнажая свое лицо и показывая свой нрав. Мне кажется, ты не совсем понял, о чем я толкую. Достоин удивления то, о чем я намереваюсь сказать, поэтому я едва могу выразить свои суждения словами. Я полагаю, что неблагоприятная Фортуна выявляет свою сущность лучше, чем дарящая милости. Она приобретает обманчивый облик счастья, когда кажется ласковой, но всегда правдива, когда, отворачиваясь, раскрывает свое непостоянство. Первая — обманывает, вторая — наставляет. Первая связывает души наслаждающихся образом ложных благ, вторая — освобождает, давая познания бренности счастья. Итак, ты [можешь] видеть, что она не только ветрена и переменчива, не всегда осознающая самое себя, но и благоразумная, собранная, постигающая последствия собственной враждебности. Наконец, Фортуна, приносящая счастье, увлекает ласками сбившихся с пути от истинного блага, враждебная — обычно тянет крючком оступившихся к истинным благам. Или, может быть, ты считаешь, что не заслуживает высокой оценки то, что эта жестокая и ужасная Фортуна раскрыла тебе души верных друзей и отделила истинных друзей от мнимых, ведь, удаляясь, она увлекла своих [за собою], а твоих — оставила. Сколько бы ты отдал, чтобы узнать это, пребывая в безопасности и счастье! Перестань же оплакивать утраченные богатства, так как ты обрел самые драгоценные сокровища — друзей.

8 (v). В мире с добром постоянным
Рядом живут перемены.
Вечен союз двух враждебных,
Разных вполне оснований.
Феб на золотой колеснице
Розовый день нам приносит,
Геспер восходит ночами.
Море смиряет волнение.
И не дозволено суше
В водный простор разгоняться.
Связью единой скрепляет
Все лишь любовь в этом мире³⁸,
Правит землею и морем,
И даже небом высоким.
Если бразды вдруг отпустит,

Сразу к борьбе устремится
 Все, что рождает движенье
 В дружном согласии, мигом
 Гневными станет врагами,
 Мир повергая в руины.
 Только любовь и способна
 Смертных в союзе сплотить всех.
 Таинство брака чистейших
 Свяжет влюбленных навеки,
 Верным диктуя законы.
 Счастливы люди, любовь коль
 Царствует в душах. Любовь та
 Правит одна небесами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ^{1[67]} *Вторит ей быстрыми или медленными ладами* — Бозэций разделял пифагорейско-платоновские представления о том, что музыка как проявление мировой гармонии связывает все проявления бытия и обладает огромным влиянием на души людей. См.: *Бозэций. Наставления в музыке*, I, 2. [*Сложенная ларами* — скорее всего, имеется в виду «домашняя», т. е. местная, национальная, «наша» музыка — S. O.]
- ^{2[68]} *Зачем ты пытаешься удержать стремительное движение вращающегося колеса?* — Колесо — символ Фортуны, ее непостоянства, см. прим. 5; ср. *Тибулл. Элегии*, I, V. 70; *Проперций*, II, II; 18.
- ^{3[69]} *Эврип* — пролив между Эвбеей и Беотией, был известен стремительностью и непостоянством своего течения, которые вошли у древних в поговорку.
- ^{4[70]} *Языком самой Фортуны* — Бозэций подражает Платону, который в диалоге «Критон» устами Сократа говорит от имени Законов. См.: *Платон. Критон*, 50a.
- ^{5[71]} *Крез* — последний царь Лидии, государства в Малой Азии, из династии Мермиадов (560—546 до н. э.), славившийся своими несметными богатствами и удачливостью. Был побежден персидским царем Киром, который приказал сжечь его на костре, но костер был потушен внезапно разразившимся ливнем. См.: *Геродот. История*, I, 75—83, 85—93.
- ^{6[72]} *Павел Эмилий* — римский консул, в 168 г. до н. э. победил при Пидне македонского царя Персея, который до этого одержал несколько побед. Вернувшись в Рим для празднования триумфа, за несколько дней потерял обоих своих сыновей. Его судьба традиционно приводилась как пример непостоянства Фортуны.
- ^{7[73]} Два сосуда, в одном из которых были заперты беды, а в другом — блага (греч.). См.: *Гомер. Илиада*, XXIV, 527.
- ^{8[74]} В этих стихах Бозэций обращается к мотивам, популярным в латинской поэзии. См.: *Овидий. Фасты*, I; *Гораций. Сатиры*, I, 1; *Клавдиан. Против Руфина*, I.
- ^{9[75]} *Аквилон* — сильный северный или северо-западный ветер.
- ^{10[76]} Ср.: *Данте. Божественная комедия, «Ад»*, V, 121—123.
- ^{11[77]} Ср.: *Сенека. Фиест*, III, 447.
- ^{12[78]} *Эвр* — западный ветер.
- ^{13[79]} Ср.: *Гораций. Оды*, IV, IX, 45.
- ^{14[80]} Ср.: *Платон. Горгий*, 493e.
- ^{15[81]} Мотив, встречающийся у Ювенала. X, 19.

- [16^{\[82\]}](#) Тема счастливого (золотого или серебряного) века, когда люди отличались простотой нравов, традиционна для античной поэзии. Ср.: *Сенека*. *Медия*, I, 329.
- [17^{\[83\]}](#) Пурпуром окрашивали одежды правителей и высшей знати. В древнем мире центром производства пурпурной краски был город Тир в Сирии.
- [18^{\[84\]}](#) Критика мореплавания весьма распространена в латинской поэзии. См.: *Вергилий*. [Буколики, IV](#); *Тибулл*. *Элегии*, I, V.
- [19^{\[85\]}](#) *Труба войны* — звук трубы возвещал о начале военных действий. Ср.: *Сенека*. *Октавия*, 390.
- [20^{\[86\]}](#) В 451 г. до н. э. консулы по требованию народа сложили с себя власть. Вместо них были избраны децемвиры. В 305 г. до н. э. власть консулов была восстановлена. (*Тит Ливий*. [История, III, 9](#)). Далее Бозций очевидно имеет в виду изгнание царей из Рима и упразднение царской власти в 509 г. до н. э. (*Тит Ливий*. [История, I, 5 сл.](#)).
- [21^{\[87\]}](#) Ср.: *Вергилий*, [Георгики, IV, 236](#).
- [22^{\[88\]}](#) Тема, характерная для стоиков, которые утверждали независимость морали. Ср.: *Сенека*. [О благодеяниях, III, XX](#); *Овидий*. [Тристии, III, VII](#).
- [23^{\[89\]}](#) *Бузирис* — царь Египта, сын бога морей Посейдона, чтобы спасти страну от неурожая приносил в жертву чужеземцев. Геркулес убил у жертвенника самого Бузириса и его сына Амфидаманта.
- [24^{\[90\]}](#) *Регул Марк Атили* — римский консул в период первой Пунической войны (264—241 гг. до н. э.). Был побежден карфагенянами. *Цицерон*. [Об обязанностях, III, 27](#).
- [25^{\[91\]}](#) Имеется в виду римский император Нерон (54—68 гг.). Известен своей чудовищной жестокостью. Был убийцей своего брата, матери Агриппины и жены Октавии. Взирая на труп матери, Нерон хладнокровно разбирал достоинства и недостатки ее красоты. См.: *Светоний*. [Жизнь двенадцати цезарей, Нерон, XXXIV](#); *Тацит*. [Анналы, XIV, IX](#).
- [26^{\[92\]}](#) *Нот* — западный дождливый ветер.
- [27^{\[93\]}](#) Ср.: *Макробий*, *Комментарий к Сну Сципиона*, I, 1.
- [28^{\[94\]}](#) *Птолемей Клавдий* — греческий астроном, живший во II в. н. э. Считал, что Земля является неподвижным центром вселенной. По свидетельству Кассиодора, Бозций комментировал учение Птолемея в своем трактате, посвященном астрономии. См.: *Кассиодор*. *Варии*, I, 45.
- [29^{\[95\]}](#) *Во времена Марка Туллия* — т. е. Цицерона (I в. до н. э.).
- [30^{\[96\]}](#) Определение вечности Бозций дает в [«Утешении», V, пр. VI](#).
- [31^{\[97\]}](#) Эту историю, относя ее к Еврипиду, излагает Плутарх. См.: *Плутарх*, *О благочестивой жизни*, 532.
- [32^{\[98\]}](#) Возможно, имеется в виду утверждение Эпикура о том, что души людей также смертны.
- [33^{\[99\]}](#) Влияние пифагорейско-платоновского представления о земном теле как темнице души. Ср.: *Платон*. *Государство*, VII, 514ab.
- [34^{\[100\]}](#) Ср.: *Сенека*. *Октавия*, 960.
- [35^{\[101\]}](#) *Гай Фабриций Лусцин* — римский консул и легат. В 280 г. до н. э. участвовал в битве при Гераклее и вел переговоры с царем Эпира Пирром о выдаче военнопленных. Пирр, как утверждает молва, предлагал ему большие сокровища и звал его к себе на службу, но легат отказался. Фабриций стяжал славу человека честного, прямого и неподкупного.
- [36^{\[102\]}](#) *Брут* — Бозций, вероятно, имел в виду или Луция Юния Брута (VI в. до н. э.), который, согласно легенде, возглавил восстание против этрусского царя Тарквиния Гордого и основал в Риме республику (*Тит Ливий*. [История, I, 5](#)), или Марка Юния Брута (85—42 гг. до н. э.), римского политического деятеля, одного из убийц Цезаря. Потерпев поражение от Октавиана в сражении при Филиппах, Брут покончил с собой (*Тацит*. [Анналы, I, 2](#); *Плутарх*. [Жизнеописание Брута](#)).

- ³⁷[103] *Катон* — не вполне ясно, кого из двух знаменитых Катонов имел в виду Боэций. *Катон Марк Порций (Старший)* (234—149 гг. до н. э.), консул и цензор, известен тем, что был поборником старины и защитником аристократических привилегий. Снискал известность своими неизменными требованиями в сенате разрушить Карфаген, который был политическим соперником Рима. Вошел в историю как символ непреклонности. См. Плутарх. [Жизнеописание Катона](#). *Катон Марк Порций (Младший)*, или Катон Утический (96—46 гг. до н. э.), правнук Катона Старшего, римский политический деятель и философ-стоик, противник Юлия Цезаря. Когда Юлий Цезарь одержал победу, покончил жизнь самоубийством. См.: Плутарх. [Жизнеописание Катона](#).
- ³⁸[104] *Связью единой скрепляет все лишь любовь в этом мире* — представление о любви как связующем начале всего сущего, великой надмировой силе, управляющей космосом, характерно для античной философии. Так, например, древнегреческий философ Эмпедокл считал, что именно любовь гармонизирует мир, соединяя начала, разделенные враждой, в единое целое. Эта же идея пронизывает диалоги Платона «Тимей», «Федр». См. также: *Аристотель*. О небе, II, 2, 258 а; *Лукреций Кар*. О природе вещей, I, 1—40. Такими же представлениями о любви, лежащей в основе космической гармонии, почерпнутыми у любимого им Боэция, вероятно, руководствовался Данте, завершивший свою «Божественную комедию» словами: «Любовь, что движет солнце и светила», которые являются практически цитатой из «Утешения».

УТЕШЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ

КНИГА III

1. Уже умолкло ее пение, но я все еще жаждал внимать ему, напряженно стремясь удержать слухом сладость умолкнувших песен. Спустя мгновение я воскликнул: О высшее утешение измученных душ! Ты так согрела меня своими мудрыми рассуждениями и сладостью пения, что я теперь считаю себя выше ударов судьбы. Я уже не только не боюсь тех сильнодействующих средств, о которых ты говорила, но даже требую их и желаю слушать тебя. — На это она ответила: я почувствовала твоё настроение уже тогда, когда ты молчаливо и сосредоточенно слушал меня. Я ждала его появления у тебя или, вернее, я сама этого добивалась. Те средства, которые следует тебе принять, таковы, что если их только попробовать, — будут мучительны, но принятые всем существом — принесут усладу. Поскольку ты говоришь, что хочешь меня слушать, интересно, вспыхнешь ли ты еще более сильным желанием, если узнаешь, куда я поведу тебя? — Куда же, — спросил я. — К истинному счастью, — промолвила она, — о котором грезит твоя душа, лишь смутно улавливая его образ, но не имея сил проникнуть в его суть. — Тогда я воскликнул: Молю тебя, покажи без промедления, что оно представляет собой в действительности. — Хорошо, — промолвила она, — ради тебя самого я попытаюсь выразить причину блаженства в словах, поскольку она все-таки тебе небезызвестна. Чтобы, рассмотрев ее, ты мог бы, обратив взор в другую сторону, познать облик истинного блаженства.

1 (v). Тот, кто целинное поле решает засеять,
От кустарника пашню очистит,
Срежет терний умело колючий, —
Урожай принесла бы Церера.

Людам мед мнится слаще пчелиный,
Если раньше лишь горечь вкушали.
Звезды блещут отраднее смертным,
Стихнет дождь коль, что Ночь им приносит.
Ночи тьму Люцифер прогоняет,
День коней розокрылых выводит.
Ты, кто к ложному счастью стремился,
Сбросить гнет его жаждешь скорее.
Да придет к тебе истины благо!

2. Потупив на мгновение взор и как бы побывав в священной обители разума, она продолжила: Забота всех смертных, в которых воплотились их разнообразные усилия, устремляется различными путями, однако направлена к одной цели — блаженству. Блаженство есть благо, которое, когда оно достигнуто, не оставляет желать ничего большего. Оно то же, что высочайшее благо, содержащее в себе все другие блага, которое, если в нем чего-либо недостает, не может быть наивысшим, поскольку вне его остается нечто, чего можно пожелать. Очевидно, блаженство — это совершенное состояние, которое является соединением всех благ. Его, я сказала бы, все смертные стараются достичь разными путями, так как неявная жажда блага от природы присуща человеческой душе, однако ошибочное представление о нем приводит [людей] в заблуждение и увлекает в сторону от него. Так, некоторые полагают, что владеют высшим благом тогда, когда ни в чем не ощущают недостатка, вследствие этого они трудятся, чтобы достичь богатства. Другие, почитая за благо быть заслуженными и удостоенными почета, пытаются занять почетные должности и добиться уважения у своих сограждан. Есть и такие, которые видят высшее благо в незнающем предела могуществе. Эти или сами стремятся царствовать, или стараются приблизиться к правителям. Те, для кого известность кажется важнее всего прочего, спешат прославить свое имя искусством войны или мира. Большинство же людей измеряет благо по плодам радости и приятности, наивысшим счастьем они почитают пребывать в постоянном наслаждении. Находятся и такие, которые смешивают цель и движущие причины: они желают богатства ради доставляемых им могущества и наслаждений или же стремятся к власти ради богатства, либо для прославления имени. У них и у им подобных человеческие действия и побуждения, [их вызывающие], меняются местами. Так происходит, например, когда кажется, что знатность и любовь народа могут принести известность, или когда желают иметь жену и детей из-за удовольствия, ими доставляемого. Лишь обретение друзей, что представляется мне священнейшим видом блага, зависит не от Фортуны, а от добродетели, причиной же стремления к прочим благам может считаться либо могущество, либо удовольствие.

Нетрудно, казалось бы, причислить телесные блага к высшим. Так, сила и высокий рост, как представляется, способствуют приобретению могущества; красота и ловкость — известности, здоровье — удовольствия. Очевидно, что для каждого более всего желаемо блаженство; но высшим благом человеком считается то, чего он больше всего хочет. Но мы уже определили, что высшее благо есть блаженство, вследствие этого люди могут счесть, будто блаженно то состояние, которое кажется предпочтительнее других. Ты видишь формы, в которые облачается человеческое счастье — богатство, чины, могущество, слава, наслаждение. Беря в счет только их, Эпикур вполне последовательно считал, что высшим благом является наслаждение, потому что все другие блага доставляют приятность душе, удовольствие. Но я снова обращаюсь к человеческим стремлениям, ибо души людей, несмотря на затемнение памяти, снова стремятся возвратиться к своему собственному благу, но, подобно опьяневшим, не знают, по какому пути добраться до его обители¹. Разве ошибаются те, которые стремятся не упустить ни одно из этих благ? И

действительно, есть ли что-нибудь иное, что лучше соответствовало бы блаженству, чем заключающее в себе все блага, ни в чем не нуждающееся состояние самодостаточности. Неужели не правы те, кто полагает, что в наибольшей мере достойное уважения и почтения и есть наилучшее? Нет, не может быть ничтожным и достойным презрения то, к достижению чего устремлены все помыслы и деяния. А разве к числу благ не следует отнести могущество? Что же, неужели можно считать лишенным силы и ничтожным то, что, как установлено, имеет превосходство над всеми вещами? И можно ли не придавать никакого значения известности? Ведь нельзя же отрицать, что все превосходнейшее должно представляться и наиболее достойным славы. Нет нужды говорить, что блаженство есть состояние, не подверженное ни тревогам, ни печали, ни тягостной скорби, ибо даже в самых малых вещах, которыми люди стремятся обладать, заключены радость и удовольствие.

Еще раз перечислю то, чем люди хотят обладать, — они жаждут богатства, чинов, верховной власти, славы и наслаждения по той причине, что надеются с их помощью обрести достаток, уважение, влияние, известность, радость. Итак, благо есть то, к чему различными путями стремятся люди: в этом легко угадывается сила природы, вследствие которой, хотя суждения людей и различны, однако их объединяет тяготение к одной цели — благу.

2 (v). Правит по-разному миром природа,
Крепко бразды она держит в деснице,
Круг мирозданья связав неразрывно
С общим порядком единым законом.
Ей передать захотелось на струнах
Все это, выразить в песне душевной.
Лев, хоть в тенетах за нрав свой свирепый,
Пищу из рук принимает, страшась
Плети; но крови случайно отведав,
Вмиг оживет и напомнит беспечным
Людям об истинной зверя природе.
Узы ослабит, сдавившие шею,
И растерзает кормящего первым
В бешенстве яростном необъяснимом.
Птица, что вольно щебечет на ветке,
Петь прекращает в неволе, хотя бы
Щедрые яства пред ней, что ласкали б
Взор ее, если была б на свободе.
Пусть окружает свобода вниманьем,
Только обманчиво все, и, приметив
Вдруг из неволи отрадную чашу,
Роши услышав призыв, встрепенется,
Всю разбросает постыльную пищу,
Не прикоснется к ней больше, и долго
Будет грустить о погибшей свободе
И о лесах, призывая их тщетно.
Так и лоза пригибает вершину,
Коль ее силой к земле преклоняют,
Руку ж если опустят, мгновенно
К небу воспрянет она горделиво.
Гаснет, хотя погружается в волны,
Феб, но всегда возвращается снова,

Бег устремляя извечный к Восходу.
Все повторяет свой путь во Вселенной,
Радуя смертных своим возвращеньем.
Не удержался бы вечный порядок,
Если б конец и начало совместно
Не были связаны вечным единством².

3. — Вам же, о земные существа, дозволено угадывать как бы во сне чутким воображением ваше начало и истинную цель бытия — блаженство; хотя вы и не слишком прозорливы, однако путем размышления вы приходите к догадке о них, и к истинному благу ведет вас природное стремление, но от него уводят многочисленные заблуждения. Посмотрите же, действительно ли то, в чем люди надеются обрести счастье, может привести их к желанной цели. Если богатство, чины и прочее в том же роде составили нечто, в чем не отсутствует ни одно из благ, я бы согласилась, что посредством достижения всего этого кто-то может сделаться счастливым. Однако если они не могут дать того, что обещают, и лишены многих благ, разве не обнаруживаются в них с очевидностью фальшивые образы блаженства? Прежде всего я задаю этот вопрос тебе, ибо совсем еще недавно ты утопал в роскоши; разве среди огромных богатств, принадлежавших тебе, душа твоя, сталкиваясь с несправедливостью, не смущалась внутренним беспокойством? — Да, — ответил я, — не могу припомнить, чтобы моя душа была свободна от волнений, что-нибудь всегда тревожило ее. — Неужели не потому так происходит, что или отсутствует то, чего ты желаешь, или наличествует то, чего ты не желаешь? — Вероятно, поэтому, — ответил я. — Ты желал бы иметь одно и избежать другого? — Да. — Нуждается ли человек в том, чего желает? — Нуждается. — Тот же, кто испытывает в чем-либо нужду, постоянно лишен удовлетворения? — Несомненно. — Неужели тебя, терзаемого неудовлетворенностью, поддержало бы богатство? — Зачем оно мне? — спросил я. — Действительно, богатства не могут освободить душу от нужды и дать ей удовлетворение, а ведь, кажется, они обещают именно это. Кроме того, я полагаю, следует еще принять во внимание, что в природе богатств не заключается ничего такого, чтобы они у тех, кому принадлежат, не могли бы быть отняты. — Согласен. — Почему бы и не согласиться с этим, когда ежедневно более сильный грабит кого-нибудь. Отчего же еще существуют судебные жалобы, если не оттого, что силой и хитростью богатство постоянно отнимается. — Правильно, — поддержал я ее. — Это заставляет того, кто заботится о своих деньгах, — сказала Философия, — приглашать со стороны охрану. — Можно ли это отрицать! — сказал я. — Но ведь такая необходимость отпала бы, если бы невозможна была утрата богатства его владельцем. — В этом нет никакого сомнения, — подтвердил я. — Но мы видим совсем обратное — тот, кто надеялся найти довольство с помощью богатства, начинает еще больше нуждаться в поддержке со стороны. Так можно ли сказать, что богатство изгоняет нужду? Разве богатые люди не испытывают голод или жажду? Разве их тела не чувствительны к зимней стуже? Впрочем, ты возразишь мне, что у богатых есть, чем утолить голод и жажду и защититься от холода. Но тогда богатство может лишь заглушить неудовлетворенность, но искоренить ее не в силах. Если ее, всегда жаждущую и алчущую, попытаться насытить богатством, то цель эта никогда не будет достигнута. Я умалчиваю о том, что природа довольствуется малым, а жадности — всего мало. Если же богатство не может утолить неудовлетворенность, но само ее порождает, неужели ты сочтешь, что оно может принести удовлетворение?

3 (v). Сколько б ни пытались золотом заполнить,
Драгоценным камнем жадную пучину,
Не наполнить бездны.

Невозможно это.
Жемчуг хоть — на шее, и отары — тучны,
Не избыть заботы, смертного грызущей,
И не взять с собою в мир иной богатства.

4. Но говорят, что высокие чины приносят почет и уважение тому, кому достаются. Неужели магистратские должности обладают силой наделять добродетелью души людей их занимающих, и устранять пороки? Ведь им более свойственно не искоренять порок, но делать его явным. Вследствие этого случается, что мы негодуем, когда высокие чины нередко достаются дурным людям. Еще Катулл называл Нонния злым наростом³, хотя тот и восседал в курульном кресле. Разве ты не видишь, сколько бесчестья приносят почетные должности злым? Ведь менее заметна низость тех, кто находится в тени. Могли ли тебя побудить опасности, сколь угодно великие, нести магистратуру вместе с Декоратом⁴, если ты видел в нем беспутного льстеца и предателя? Ведь нельзя же из-за того, что они занимают почетные должности, считать заслуживающим уважения тех, кого мы полагаем недостойными самих почетных должностей, и наоборот, если ты видишь кого-то, наделенного мудростью, можешь ли ты счесть, что он недостойн уважения или той мудрости, которой он наделен? — Нет. — Добродетели присуще собственное достоинство, которое она непременно изливает на сопричастных ей, а поскольку воздаваемые народом почести не обладают такой способностью, то ясно, что они не имеют собственной красоты и достоинства. При этом следует обратить внимание на то, что чем более кто-нибудь низок, тем большее число людей карает его презрением. Поэтому нельзя сделать достойными уважения тех, чью низость обнажают почетные должности, делающие их еще более ужасными, но не безнаказанно. Ибо нечестивые люди в равной степени оплачивают почетным должностям, оскверняя их своей причастностью им. Я хочу, чтобы ты понял: истинное уважение не имеет ничего общего с чинами, обладающими лишь видимостью достоинства. Посуди, если кто-нибудь многократно исполнявший обязанности консула, случайно попадет к варварским народам, приобретет ли он благодаря консульству уважение варвара? А ведь если бы этот дар был от природы присущ почетной должности, то она не потеряла бы значения ни у одного народа, подобно тому, как огонь одинаково пылает в любых землях. Поскольку же собственная сила такого рода не свойственна почетным должностям, а ее приписывают им человеческие заблуждения, они сразу же утрачивают свое значение у тех народов, которые не считают их почетными. Но так происходит среди чужих народов. А разве у тех, где они были установлены, почетные должности вечно сохраняют свое значение? Ведь префектура, некогда дававшая великую власть, теперь лишь пустое название и тяжкая обуза сенаторскому званию; если в давние времена кто-то заботился о продовольственных запасах народа⁵, то теперь же что презренней этой обязанности? Краткий итог того, что мы сказали выше, — чины и почетные должности не имеют собственной красоты, поскольку приобретают или утрачивают свое значение в зависимости от тех, кто пользуется ими. Если же почести не могут сделать [людей] уважаемыми, если их марают то, что они достаются дурным людям, если с течением времени весомость их уменьшается, если их ценность падает в зависимости от мнения народа, то что от желаемой красоты они содержат в себе, не говоря уже о том, что они не могут делать людей лучше.

4 (v). Сколько бы Нерон себя не украшал
Пурпуром и камнем драгоценным,
Ненавистным всем он оставался
За безумства и за злую роскошь.
Он курулам жадным предпочтенье

Отдавал, а не мужам достойным.
Разве стоят почести чего-то
Коль бесчестным людям достаются.

5. А разве царская власть или близость к трону могут наделить человека подлинным могуществом? Или счастье правителей длится вечно? Ведь полны примерами старые времена и наш век, что и царей покидало счастье, сменяясь страданием. О великое могущество, которое и для сохранения самого себя оказывается недостаточным! Почему же, если царская власть является источником блаженства, она при отсутствии какой-либо части уменьшает счастье? А насколько далеко простирается человеческая власть? Ведь существует множество народов, у которых нет царской власти. И в этом отношении власть не дает счастья, ибо под ней сокрыто бессилие, которое делает [правителей] несчастными; таким образом, царям неизбежно достается большая доля несчастий. Тиран, познавший опасности, угрожающие царской власти, находится под постоянным давлением страха, как под мечом, висящим над его головой⁶. Что же это за власть, которая порождает горечь тревог и не может избавить от терзаний и страха. Ведь правители сами бы желали жить покойно, но не могут и лишь выставляют напоказ свое мнимое могущество.

Неужели ты счел бы, что человек обладает могуществом, если бы ты видел, что он желает невозможного для себя? И сказал бы, что является могущественным тот, кто гордо шествует в сопровождении слуг, однако сам их боится больше, чем устрашает; разве обладает властью тот, кто находится в руках своих прислужников? Стоит ли говорить о приближенных к трону, если власть правителей полна бессилия? Ведь правители, пошатнувшись, часто увлекают за собой невиновных. Нерон Сенеку, близкого человека и своего учителя, заставил принять решение умереть; Антонин самого могучего среди придворных предал мечу⁷. А ведь и тот, и другой желали бы отказаться от своего могущества. Сенека пытался богатства свои передать Нерону и устранился от дел. Но поверженных увлекла в пропасть сама их сила, и ни один, ни другой не смогли свершить того, что желали. Что же это за могущество, которого страшатся сами обладающие им, под защитой которого невозможно чувствовать себя в безопасности и от которого нельзя избавиться, когда это желательно? А разве будут тебе заступниками друзья, которых привела к тебе не добродетель, а Фортуна? Ведь того, кого твое счастье делает другом, несчастье превращает в недруга. А ведь чума нанесет меньший вред, чем враг, прикинувшийся другом!

5 (v). Если смертный хочет сделаться могучим,
Пусть смирит свой дух неукротимый
И не клонит шею, покорившись
Всем желаниям, бразды ослабив.
Но хоть гнева твоего бояться
Будет Индия, и подчинится
Фула⁸, дальняя тебе, возможно,
Власть не в силах устранить заботы
Мрачные, и кто, скажи, поможет
Избежать тебе несчастий в жизни!

6. Слава часто бывает столь же ложной, сколь и постыдной. Поэтому справедливо воскликнул автор трагедии: Ἦ δόξα δόξα, μυρίοισι δὴ βροτῶν οὐδὲν γευῶσι βίοντων ὠκῶσας μέγα⁹. Многие часто удостаивались имени великих хвалой заблуждавшегося народа, а что более ужасное можно себе представить? Лучше бы те, кого превозносят не по справедливости

вости, сами бы устыдились расточаемых им незаслуженных восхвалений. Ибо даже если бы эти похвалы соответствовали их заслугам, что они могли бы прибавить к убежденности мудреца, что свое благо следует измерять не молвой народа, но осознанием истины, убежденностью в [своей] правоте. Итак, если представляется прекрасным прославлять свое имя, то, соответственно следует считать позорным его умолчание. Однако, как я уже говорила немного раньше, неизбежно существует множество народов, которых слава одного человека не может достичь; случается, что тот, кого ты считаешь достойным славы, даже в соседних странах может не считаться заслуживающим прославления. И затем, что действительно недостойно упоминания, так это благосклонность народа, которая не основывается на правильном суждении и не бывает устойчивым.

А кто не понимает, насколько суетно и бессмысленно гордиться знатным именем? Оно, будучи покрыто славой, не распространяет ее на нас, [как бы отделено от нас]. Как представляется, знатность — это прославление, вытекающее из заслуг предков. Но если похвала есть основание славы, то славны те, которые хвалят; и чужая слава не придаст тебе блеска, если ты не имеешь своей собственной. Если в знатности и заключено какое-нибудь благо, то, как я полагаю, лишь единственное — необходимость быть благородным, чтобы не запятнать доблесть предков.

6 (v). Род человеческий весь из единого корня выходят.
Ведь Вседержитель — один родитель всего в этом мире.
Он ведь дал Фебу лучи, и рога только он дал Селене.
Он ведь людьми населил нашу землю и звездами небо.
Он заключил наши души в телах, устремленные к свету.
В смертных он знание вложил о высоком их корне не зря ведь!
Что же кричишь, человек, о знатности рода, о предках?!
Если ты убежден, что все мы от неба, то значит,
Тот лишь низок у нас, кто тонет в пороках постыдных!

7. Что же сказать мне о телесных наслаждениях, жажда которых наполняет [душу] беспокойством, а избыток порождает раскаяние? Сколько непереносимых скорбей, какие болезни они приносят телу стремящегося к наслаждениям. Я не знаю, какой привлекательностью обладают они, но печальны их последствия. Кто же пожелает поразмыслить о своих страстях, пусть поймет, что если бы они могли привести к блаженству, то не было бы никакого основания для отрицания того, что животным также доступно блаженство, поскольку каждое животное торопится удовлетворить свои телесные желания.

Наиболее благородный род приятности доставляют брак и дети, но так установлено природой, — я не помню, кто это сказал, — многие обретают в детях своих мучителей. Нет нужды напоминать тебе, сколь печально положение таких людей, ведь ты сам испытал это состояние, и все еще не свободен от беспокойства. Я привожу суждение об этом моего Еврипида¹⁰, который сказал, что является счастливейшим, кто лишен детей по несчастью.

7 (v). Гонит человека жало
Страсти, что острее много
Жала пчел и клюва птицы.
Мед едва прольется сладкий
На тебя и убегает.
Слишком дорожишь им, смертный, —

В сердце страсть удар наносит.

8. Итак, нет никакого сомнения, что эти пути к блаженству на самом деле уводят в сторону от него. Они не могут привести человека туда, куда, как кажется, обещают. Насколько же спутаны они со злом, я вкратце покажу. Если ты пытаешься скопить денег, то вынужден будешь их отнять у того, кто теперь владеет ими. Жаждешь почетных должностей — преклонишь колена перед дающими их и желая всех превзойти — обеславишь себя унижением. Стремишься к могуществу — на тебя обратится вероломство подданных, и ты будешь окружен опасностями. Ищешь славы — но отречешься от нее из-за трудностей и беспокойства, связанных с ней. Желаете проводить жизнь в наслаждениях — но кто же не станет презирать и не сочтет ничтожнейшим человека, поработанного страстями своего тела. Ведь те, которые ставят блага своего тела превыше всего, стремятся к обладанию столь малой и хрупкой вещью. Ибо разве можешь ты превзойти слонов величиной тела, а волков силой, или, быть может, тигры уступят тебе в ловкости? Обратите же свой взор к простору небес, их неизменному и стремительному вращению и перестаньте, наконец, восхищаться вещами, которые не имеют подлинной ценности. Ведь даже небо достойно восхищения не из-за этого вращения, но из-за того порядка, посредством которого оно управляется.

Что касается внешней красоты, то она преходяща и более быстротечна, чем весеннее цветение. Если бы, как говорит Аристотель¹¹, люди бы обладали глазами Линкея¹², то они своим взглядом проникали бы через покровы. И если бы можно было увидеть, что находится внутри человека, разве не показалось бы безобразным тело Алкивиада¹³, славившегося своей красотой? Следовательно, то, что человеку кажется прекрасным, вытекает не из его природы, но является следствием слабости взорающих на него глаз. Теперь поймите, сколь тщетно желать блага красоты лица и тела. Ведь то, чему поражается человек, может быть уничтожено жаром горячки за три дня. Из всего этого следует, что и эти блага не могут дать того, что обещают, и не являются собранием всех благ; они не указывают путей к блаженству и сами не делают людей блаженными.

8 (v). Сколь горько людям знать, что жалким и несчастным
Незнание закрыло путь.
На дереве цветущем вам искать не стоит,
Конечно, золота. [Зачем?!]
Не стоит и скрывать с лозы каменьев редких
И ставить сети на горах,
Чтоб рыбу изловить.
Вам коз в тирренских мелях,
Конечно, не искать. К чему?
В науку, погрузившись, вы познали, люди,
Отливы моря, глубину
Морскую тайную, что жемчугом богата
И словно в пурпуре лежит.
Узнали вы, берега какие изобильны
Нежнейшей рыбой, берег какой
Ежами населен колючими морскими.
Познал и это человек.
Но где блаженство то, к которому стремятся
Все смертные? И знают ли,
И ведают в начальной слепоте несчастной

Они, что скрыто в небесах
Высоких, полных звезд, и в глубочайших недрах.
Туда проникнуть тщетно им.
Так что же у небес теперь просить мне должно
Для этих ослепленных душ?
Что пожелать мне нужно им?
Быть может, — это:
Вокруг богатств кружатся пусть
И почестей.
Пускай несут обмана злого
Ярмо — прозреют их глаза!

9. Достаточно много говорилось уже о том, что представляет собой обманчивое счастье. Теперь, если ты обрел проницательность, наступило время раскрыть, в чем состоит суть истинного счастья. — Из твоих рассуждений, — ответил я, — вижу, что невозможно получить ни достатка через богатство, ни могущества — посредством царской власти, ни уважения — с помощью почестей и чинов, ни знаменитости через славу, ни радости — посредством наслаждения. А причины, вследствие которых так происходит, я вижу, мне кажется, как бы через узкую щель, но мне хотелось бы узнать об этом от тебя подробнее. — То, что просто и неделимо по природе, человеческое заблуждение разделяет, и это уводит от истинного и совершенного к ложному и несовершенному. Может быть, ты считаешь, что могущество не имеет ничего, в чем бы нуждалось? — Нет, — ответил я. — Ты прав: ведь если чему-нибудь в каком-либо деле не хватает собственной силы, то оно нуждается в поддержке извне. — Согласен. — Итак, достаток и могущество одной и той же природы. — Да, кажется, так. — И что же, ты считаешь такое состояние заслуживающим презрения или же, напротив, в высшей степени достойным уважения? — В этом, — сказал я, — нельзя усомниться. — Тогда присоединим к достатку и могуществу еще и уважение, и будем судить о них как о едином предмете. — Сделаем так, если хотим придерживаться истины.

— Как ты полагаешь? — спросила Философия, — это соединение лишено славы и цены или же достойно всяческого прославления? Посмотрим же, разве то, что считается не нуждающимся ни в чем, наиболее могущественным и наиболее достойным уважения, не испытывает недостатка в славе, которую оно себе добыть не может? Ему отчасти недостает ее, и вследствие этого оно кажется лишенным чего-то. — Не могу не признать, — сказал я, — что он нуждается в большем прославлении. — Итак, мы пришли к согласию и признали, что и слава ничем не отличается от трех вышеуказанных благ. — Конечно, — подтвердил я, — итак, разве то, что не нуждается ни в чем, ему не принадлежащем, что может всего достичь своими силами, что прославлено и достойно уважения, не является также наиболее доставляющим удовольствие? — Но не могу понять, — сказал я, — как во все это может проникнуть печаль; поэтому необходимо признать, если придерживаться сказанного ранее, что оно полно приятности [удовольствия]. — В таком случае, оно с необходимостью является одновременно достатком, могуществом, славой, уважением, удовольствием: названия их различны, но по сущности своей они нисколько не различаются. — Несомненно, — сказал я. — То, что по природе едино и просто, человеческое заблуждение разделяет, и люди пытаются приобрести часть от целого, лишённого частей, вследствие чего не получают ни части, которая ничего собой не представляет, ни самого целого, к которому мало стремятся. — Как же так? — Стремящиеся к богатству желают избежать бедности. Они совершенно не заботятся о могуществе, пребывают в неизвестности, отказывают себе в удовлетворении многих естественных желаний, чтобы не растерять

добытое имущество. Однако и таким путем не обретает довольства тот, кого покинуло здоровье, преследуют несчастья и поражают болезни, кто пребывает в безвестности.

Тот, кто желает только могущества, расточает богатство, презирает наслаждения; приносит в жертву власти почет и славу. Ты видишь, сколь много ему недостает при этом. А ведь иногда он теряет необходимое, его терзает страсть достичь желаемого, когда ему это не удастся и, таким образом, то, к чему он стремился больше всего, лишает его могущества. Подобным же образом следует поразмыслить о почестях, славе и наслаждениях. Ибо каждое из этих благ есть то же, что остальные, если же человек стремится к одному из них, оставляя в стороне все прочие. Он не получает желаемого. — Как же так? — спросил я. — А если кто-нибудь вознамерится получить все блага одновременно? — Значит, он стремится достичь вершины блаженства, но сможет ли он обрести блаженство в благах, которые, как мы показали, не в состоянии дать то, что сулят? — Нет, — ответил я. — В этих благах, в который каждый из жаждущих их полагает найти блаженство, никоим образом не следует искать его, — подтвердила она. — Признаюсь, — сказал я, — нельзя выразить ничего справедливее этого. — Итак, ты увидел, — продолжала она, — формы ложного счастья и причины, которые побуждают стремиться к нему; обрати же теперь взор разума в противоположную сторону, как я обещала, там узришь ты истину. — То, что ты только что показала, когда пыталась выявить причины ложных благ, ясно и слепому. Если же я не заблуждаюсь, истинное и совершенное счастье заключается в том, что приносит богатство, могущество, славу и наслаждение. Но ты должна знать, что я еще глубже постиг истину; и я утверждаю без колебаний, что когда все они образуют единство, так как являются одним и тем же, это единство и является полным блаженством. — О мой питомец, еще вернее будет твое суждение о счастье, если прибавишь следующее. — Что? — спросил я. — Неужели ты полагаешь, что во всех этих обреченных на гибель вещах заключено нечто, способное вызвать такого рода состояние? — Нет, и думаю, это так хорошо показано тобою, что большего и желать нельзя. — Все это лишь внешние проявления истинного блага или, как представляется, они как бы наделяют смертных несовершенными благами, истинного же и совершенного блага или, как представляется, они как бы наделяют смертных несовершенными благами, истинного же и совершенного блага они не могут принести людям. — Согласен. — Как же ты мог счесть истинным то, что есть лишь кажущееся блаженство? Теперь нужно, чтобы ты узнал, каким путем можно достичь истинного блаженства. — Я этого давно с нетерпением жду. — Но, как говорил мой Платон в «Тимее», и при совершении самых малых дел следует молить о божественной помощи¹⁴. Как ты думаешь, что теперь нужно сделать для отыскания обителя высшего блага? Должно восстановить, — сказал я, — Отца всего сущего: пренебрегая этим обычаем, невозможно успешно начать дело. — Правильно, — ответила она и произнесла:

9 (v). О Зодчий мира и движенья побудитель мудрый¹⁵,
Строитель вдохновенный, что порядком правит вечным,
Ты пребываешь неподвижным в собственном величье!
Тебя не внешние толкнули на его созданье
Причины, но природа блага, в ней зависти нет места.
Ведешь Ты все по высшему примеру и, прекрасный
И Сам, несешь в разумности Своей неповторимой
Прекрасный мир, лепя его, ваятель и художник,
По образу сознанья Своего. Повелеваешь
Вести до крайнего предела совершенный мир сей
С частями безупречными совместно и желаешь
Еще, сплотившись бы они в законченности полной,
Числом Ты связываешь элементы все. Ты хочешь,

Жестокий холод сочетался бы с огнем палящим,
А сухость бы соединялась с влагой, чтобы пламя
Чистейшее, стремящееся ввысь, не улетало
С земли, и чтоб сама не опустилась в недра тяжко.
Ты тройственную душу разделил природы, движет
Она в ней все, все члены и суставы в согласье
Всегда. Движение она соединила, на два круга
Извечно было что разделено, намереваясь
Вернуться в самое себя, свой разум окружая
И, сходно с ним, вращая и небес изображение.
Создатель душ и низших всех существ, возносишь, Зодчий,
Блаженнейших из всех в зенит и населяешь мудро
Все небо колесницами легчайшими и землю,
И делаешь, чтоб смертные свободно обращались
К Тебе по благодатным законам естества, и снова к свету
Они могли бы быть возвращены, о Устроитель!
Взываю я к Тебе, взойти в священную обитель,
Позволь мне разумом, блаженство, Демиург, увидеть!
Всю тяжесть устрани земной громады! Тьму и тучи
Гнетущие, Строитель, разгони, явись в блистанье!
Покой благочестивых! И стезя! Тебя все видят!
В Тебе начало и конец всего, венец Ты жизни!

10. Поскольку ты уже видел, что представляют собой совершенные и несовершенные блага, я считаю теперь необходимым показать, в чем состоит совершенное счастье. При этом, как я полагаю, сначала должно быть установлено, может ли каким-либо образом благо, определение которого было дано ранее, содержаться в природном мире, чтобы нас не сбилось с толку рассуждение, уводящее от истины.

Но нельзя отрицать, что существует некий источник всех благ. Всё, о чем говорится как о несовершенном, представляется таковым из-за недостатка совершенства. Так что, если в чем-то обнаруживается недостаток совершенства, то в нем имеется и доля совершенства. Ведь если убрать совершенство, станет совсем непонятно, откуда происходит то, что называется несовершенным. Ибо мир вещей берет начало не из ущербной и несовершенной природы, но, напротив, происходя от полного и совершенного, вырождается в нечто ущербное и лишенное собственной силы. Но мы показали немного выше, что в преходящем земном благе заключено какое-то несовершенное счастье; значит, не следует сомневаться, что существует счастье более прочное. — Это так, — согласился я. — А теперь ты должен хорошенько подумать, где его должно искать. То, что Бог — повелитель всего сущего — есть благо, является мнением, общим всем человеческим душам. Так как и нельзя представить себе ничего лучше Бога, можно ли усомниться, что тот, лучше кого нет ничего, является благом. Ведь разум с такой очевидностью свидетельствует, что благо есть Бог, что именно в Нем заключено совершенное благо. Если бы это было не так, то Бог не мог бы быть повелителем всего сущего, ибо с необходимостью существовал бы некто, превосходящий [Его] и заключающий в себе совершенное благо, и он бы должен был предшествовать Богу и был бы более древним, ибо все совершенное, конечно, предшествует менее совершенному¹⁶. Вследствие этого необходимо избежать бесконечного аргумента и высказать утверждение, что высший Бог преисполнен совершенного блага. Но, как мы установили, совершенное благо есть истинное блаженство. Следовательно, обитель истинного блаженства должна находиться во Всевышнем. — Согласен и не могу тебе возразить. — Но прошу тебя, — сказала она, — убедись, насколько свято и незыбле-

мо утверждение о том, что Бог преисполнен высшего блага. — Каким, — спросил я, — образом? — Ты колеблешься, не зная, то ли Отец всего сущего получил высшее благо, которого Он преисполнен, извне, то ли Он обладает им от природы. И вследствие этого ты как бы считаешь, что у обладающего [блаженством] Бога и блаженства, которым Он владеет, — разные субстанции. Но ведь если ты предположишь, что блаженство обретено Богом извне, то неизбежно выше будет тот, кто его дал, чем тот, кто его получил.

Однако мы с полным основанием утверждаем, что Бог превосходит все сущее. Если же такова Его природа, то противоречит здравому рассудку предположение, что Бога, Которого мы назвали началом всего сущего, мог кто-то создать. Разве можно связать столь противоречивые суждения? Наконец, то, что отличается от какой-нибудь вещи и противоположно ей, не тождественно тому, от чего, как мы полагаем, отличается. Таким образом, отличающееся по своей природе от высшего блага, не является им, и нелепо думать так о Боге, выше которого, как явствует, нет ничего. Ведь природа ни одной вещи не может превосходить свое начало, вследствие чего начало всего сущего по своей природе является высшим благом, — так поразмыслив, следует заключить. — Верно, — сказал я. — но высшее благо является блаженством, это уже установлено. — Да. — Тогда, — сказала она, — необходимо сделать вывод, что Бог есть блаженство. — Не оспариваю, — сказал я, — ни предыдущих, ни этих твоих положений, и твои выводы согласуются с ними. — Посмотри, — промолвила Философия, отсюда вытекает, что два высших блага, которые суть различны, не могут существовать. Ясно, если блага различаются между собой, то каждое из них не есть другое: вследствие чего ни то, ни другое не может быть совершенным, поскольку в каждом недостает другого. Несовершенное же, конечно, не может быть высшим благом, а поэтому невозможно одновременное существование двух высших благ, отличающихся друг от друга. Но мы вывели, что Бог есть блаженство и высшее благо. Отсюда с необходимостью вытекает, что самое высшее блаженство есть не что иное, как высшая божественность. — Нет истины, — подтвердил я, — более доказанной и более достойной Бога. — Сверх этого, — сказала она, — как это было принято у геометров¹⁷, которые для доказательства теорем выводили нечто, что они называли *порісματα*, и я вознагражу тебя как бы коронным выводом (*corollarium*). Поскольку обретение блаженства делает людей блаженными, блаженство же есть сама божественность, значит, обладание божественностью делает [людей] блаженными, это очевидно. Но так как следование установлениям справедливости делает [людей] справедливыми, мудрости — мудрыми, то с необходимостью вытекает, что те, кто приобщился к божественности, становятся богоподобными. В каждом, обретшем блаженство, заключен Бог, и хотя Бог един по природе, ничто не препятствует многим приобщиться к Нему. — Прекрасно, — сказал я, — и ценно то, что ты называешь *порісματα* или *corollarium*. — Но нет ничего прекраснее того, что велит разум присоединить к вышесказанному. — Что же именно? — спросил я. — Состоит ли блаженство из многих благ, которые соединяются, оставаясь различными, в единую субстанцию блаженства, или, может быть, существует в благах нечто, в чем заключается сущность блаженства и от чего действительно зависят все другие [блага]? — Я не совсем понял и хочу, чтобы ты объяснила это. — Разве мы не посчитали благом блаженство? — Да, сочли его высшим благом, — ответил я. — Допустим, что это же присуще всем благам. Ведь блаженство есть еще, как мы решили, и полный достаток, наивысшее могущество, и уважение, и слава, и наслаждение. Что же? Все это — слава, достаток, могущество и другие как бы являются частями блаженства или они соотносятся с благом как с некоей вершиной? — Понимаю, что ты предлагаешь исследовать, но желаю услышать решение от себя самой.

—Различие этих вещей можно объяснить следующим образом. Если бы все эти [блага] были частями блаженства, в свою очередь каждое бы из них отличалось от другого. Такова уж природа частей, которые, отличаясь одна от другой, составляют в совокупности еди-

ное целое. Но равнозначность всех этих благ уже была показана. Они не являются составными частями [блаженства], ибо тогда следовало бы предположить, что блаженство как целое состоит из одной только части, а это невозможно. — В этом нельзя усомниться, — сказал я. Но желательно услышать и другие доказательства. — Как явствует, все соотносится с благом. Добиваются богатства, поскольку считают его благом, и могущества, так как в нем видят благо. То же самое можно сказать и относительно славы и удовольствий. Высшая причина всех стремлений — благо, поскольку невозможно желать того, в чем не было бы хотя бы подобия блага. А поэтому [люди] жаждут того, что им представляется истинным благом, но что на самом деле не обладает истинной природой блага.

Отсюда вытекает, что природу блага можно считать основной причиной и побудителем всех стремлений. То, что представляется наиболее желаемым, и направляет поведение [людей]. Например, если кто-то для поддержания здоровья желает ездить верхом, то для него в данном случае важно не столько само движение во время езды, сколько польза для здоровья, получаемого от него. Так же и благодати от всех благ домогаются по той причине, что предпочитают благо, заключенное в ней, всему прочему. Но мы признали, что блаженство есть то, что мы желаем получить во всех наших устремлениях, значит, единственная цель, которой люди добиваются, — блаженство. Из этого с очевидностью следует, что сущность самого блага и блаженства одна и та же. — Не вижу ничего, что могло бы противоречить этому мнению. — Но мы уже показали, что Бог и истинное блаженство — одно и то же. — Да, — сказал я. — Тогда справедливым будет заключение, что подлинная сущность Бога состоит в истинном благе, а не в чем-либо ином.

10 (v). Сюда, все обреченные, придите
В оковах, розоватых, тех, что страсти
На вас обманчивые наложили.
Страсть обитает в душах ваших, люди.
Здесь ждет покой после трудов тяжелых.
Здесь сохраняет тишину обитель, —
Убежище для бедных и гонимых.
Да, сколько бы ни нес песка на берег,
Песка, что злата полн, журчащий Тагус¹⁸
Иль пурпура не приносил нам Гермус¹⁹,
Иль жаркий Инд — своих камней редчайших,
Слепые не прозреют, заблуждений
Им никогда не превозмочь несчастных.
Земля все погребет в своих пещерах²⁰
Величие, что небесам пристало,
И душу тот лишь сохранит, кто может
Узреть тот свет, который ярче Феба,
И может все затмить его сиянье,

11. Согласен с этим, — сказал я, — ибо подтверждается это убедительнейшими доводами. — Тогда она спросила: Будешь ли ты признателен мне, когда узнаешь, что представляет собой благо? — Бесконечно, — ответил я, — если бы мне удалось познать Бога, который в равной степени есть благо. — Я открою это тебе основываясь на наиболее верных суждениях, запомни только наши предшествующие выводы. — Запомню. — Разве мы не показали, что блага, желаемые большинством людей, на самом деле не являются истинными и совершенными, поскольку каждое из них, в свою очередь, отличается от другого и содержит в себе нечто, не свойственное другим, вследствие чего они не могут доставить

истинного и абсолютного блага? Они лишь тогда представляются истинным благом, когда слиты в единое целое и оказывают воздействие в совокупности: если богатство есть то же самое, что и могущество, уважение, известность и наслаждение. А если они не являются одним и тем же, то в них нет ничего, что заставляло бы стремиться к ним. — Это доказано и не может быть подвержено сомнению ни с какой точки зрения.

Когда эти вещи отличаются одна от другой, они не суть блага, когда же они соединяются воедино, то становятся благом, и не в единстве ли заключено их благо? — Вполне возможно, — сказал я. — Но все благое является таковым из-за причастности своей благу, согласен ли ты с этим? — Да. — Ты должен также признать, что единство и благо — одно и то же²¹. Единая сущность заключена в том, что от природы не разделено. — Не могу отрицать, — сказал я. — Знаешь ли ты, — спросила она, — все, что существует до тех пор лишь продолжается и существует, пока является единым, но обречено на разрушение и гибель, если единство будет нарушено. — Каким образом? — спросил я. — Например, у живых существ, если они представляют собой единое целое, в котором сосуществуют тело и душа, это соединение и представляет собой живое существо²². Когда же это единство распадается при отделении частей друг от друга, то очевидно, что живое существо погибнет и перестанет существовать. Само тело, когда пребывает в единой форме благодаря связи членов, имеет облик, присущий человеку. Но если разрушить и разделить части тела, единство утратится, и тело перестанет быть, чем было.

Таким образом, окинув взором все, ты, без сомнения, убедишься, что существует все как нечто определенное до тех пор, пока едино, когда же единство разрушается, оно перестает существовать. — Поразмыслив, я не могу представить себе иного, — сказал я. — А разве бывает так, чтобы созданное природой настолько утратило желание жить, что само пожелало бы собственной гибели и разрушения? — Если говорить о животных, — ответил я, — которые в некоторой степени наделены от природы способностью желать и не желать, то я не найду ни одного, которое, если его не принуждает что-либо извне, отвергло бы жизнь и добровольно устремилось к гибели. Ведь каждое животное стремится поддержать, сохранить себя и избегает смерти и разрушения. Но что касается травы, деревьев и всех неодушевленных вещей, то здесь я колеблюсь, не зная, какое мне о них следует составить суждение. — Тебе не надо испытывать сомнение относительно них, поскольку и травы, и деревья, как ты должен знать, растут в наиболее подходящих для них местах, где, в зависимости от своей природы, оказываются лучше защищенными от скорого увядания и гибели. Так, некоторые из них растут в полях, другие — в горах, третьи рождаются на болотах, четвертые цепляются за скалы, для пятых благоприятными являются бесплодные пески, причем настолько, что если их попытаются перенести в другие места, они погибнут. Природа наделяет каждый вид тем, что ему необходимо²³, и она заботится, чтобы все, пока сохраняет силу жизни, не погибло. В противном случае, — я спрашиваю, — отчего все растения, как бы впившись в землю устами, корнями тянут из нее питательные соки, а через кору и сердцевину питаются, приобретая крепость и силу? Ведь вследствие этого их наиболее мягкая часть, составляющая сердцевину, всегда сокрыта внутри, а над ней для крепости располагается древесный слой, который защищает их от превратностей погоды. Столь велика забота природы, что с помощью рассеивания семени она дала растениям не только временное бытие, но и как бы одарила их вечным существованием посредством какого-то [таинственного] механизма. Кто этого не знает? То же можно сказать и о вещах неодушевленных, ведь они так же устремляются к тому, что соответствует их природе. Разве поднималось бы легкое пламя вверх, а тяжесть не увлекала бы землю вниз, если бы такие движения не были им свойственны? Далее, если одно соответствует другому, то оба эти явления сохраняют единство, тогда как то, что недружественно, распадается. В соответствии с этим законом такие твердые тела, как, например, камни, в которых составляющие их частицы соединены наитеснейшим образом, при

попытке разрушить их, оказывают сопротивление. То же наблюдается и в жидкостях, равно как в воздухе и воде, ибо, хотя они легко поддаются силам, их разделяющим, но быстро возвращаются в прежнее состояние. Огонь же избегает всякого расчленения. А ведь в этих случаях мы имеем дело не с волевыми движениями сознающей души, а с природными побуждениями, которые сродни проглатыванию пищи, свершению чего не вызывает в нас раздумий, или дыхания во сне, когда мы дышим, не задумываясь над этим. Так и у животных любовь к бытию проистекает не из желания души, но из законов природы. Однако часто случается, что смерть, которой страшится природа, избирает воля, и она заставляет также отречься иногда от продолжения рода, дара, которым природа наградила всех смертных для поддержания непрерывности их существования, и исполнения чего она неукоснительно требует. Итак, любовь к жизни проистекает не из осознанного желания живого существа, но из природного стремления. К тому же Провидение вложило в созданную им великую основу бытия — стремление жить до тех пор, пока это возможно. Поэтому ты не должен иметь сомнений относительно того, что всему живущему от природы свойственно желать постоянства бытия и избегать гибели. — Признаюсь, — сказал я, — теперь мне кажется несомненным то, что раньше представлялось не вполне ясным. — То же, что жаждет существовать, — продолжала она, — желает быть единым, если же это условие не выполняется, оно перестает быть тем, продолжением чего должно быть. — Верно. — Все стремится к единству. — Согласен. — Но я показала, что единство есть не что иное, как благо. — Да. — Следовательно, все стремится к благу, и тебе надо так написать: благо есть то, чего все желают. — Ничего более убедительного не могу себе представить, — сказал я, — и в таком случае нельзя не признать, что или все стремится к небытию и одиноко, без рулевого несется по бурной пучине, или же существует нечто, к чему все спешит, и оно представляет собой наивысшее из всех благ. — Мне радостно слышать от тебя это, о питомец, ибо твой разум проник в самую суть истины. Тебе открылось то, о чем ты разве говорил как о неведомом. — Что же теперь? — Какова цель всего сущего? Она заключена в том, что желаемо всеми, и, исходя из наших предшествующих рассуждений, цель всего сущего есть благо.

11 (v). Всякий, кто правду умом своим постигает
И не желает стать на путь заблужденья,
Должен в себя погрузить взор свой пытливый.
Смертного взор блуждает в мирах отдаленных.
Путь изменив свой, он постигает, однако,
Истину ту, что сколько бы они ни пытался
Клад тот извне обрести, поймет, что таится
В сердце лишь он. В глубинах души лишь можно
Это сокровище зреть. Ведь не полностью света
Ум человека лишен под бременем тяжким
Смертного тела, чей груз к правды забвенью
Душу влечет. Ибо семя правды таится
В самых глубинах души. Оно прорастает
Лишь под лучом благого ученья, что будит
Смертного душу. Если бы в сердца глубинах
Жар не таился, то как могли бы вы сами
Верно судить. По слову Платоновой музыки²⁴:
Кто познает, забытое лишь вспоминает.

12. Я, в свою очередь, согласен с Платоном, и ты мне напоминаешь это уже во второй раз, сначала я забыл это из-за телесного недуга, а затем — из-за ударов судьбы. — Философия

сказала на это: Если ты снова взвесишь то, что говорилось ранее, ты скоро восстановишь в памяти все, в незнании чего ты давно признался. — Каким же образом управляется мир? — спросил я. — Хотя я и был невеждой в своих рассуждениях, однако предвижу, что ты скажешь. Но все-таки я желаю услышать это от тебя. — Ты подтвердил немного ранее, что Бог — повелитель мира. — Да, это не сиюминутное мнение, и, без сомнения, я буду придерживаться его в дальнейших рассуждениях. Мир этот не мог бы быть согласован в единое целое из столь различных и противоположных частей, если бы не существовало единого начала, которое соединяет столь различное и несогласное. Не возник бы определенный порядок природы, не были бы расположены в согласованном чередовании места, времена, причины, пространство, качества, если бы не было Единого, Который, Сам оставаясь неподвижным, содержит в себе все возможные перемены. То, благодаря Чему все созданное существует и Чем приводится в движение, я нарекаю привычным для всех именем — Бог.

На это она промолвила: Если таков ход твоих мыслей, для тебя не составит большого труда, познав, что такое счастье, увидеть спасительное отечество. Давай же присмотримся к тому, о чем мы рассуждали раньше. Не назвали ли мы удовлетворение составной частью блаженства и не согласились ли, что Бог есть само блаженство? — Да, согласились. — И для управления миром Он не нуждается ни в какой помощи извне, поскольку если бы Он в чем-либо нуждался, то не имел бы полного довольства в себе самом. — Да, конечно. — Таким образом, Он содержит все в себе. — Это нельзя отрицать. — Но было показано, что Бог есть само благо. — Я это помню, — сказал я. — С помощью блага он все располагает; если же Он сам правит всем, а как мы установили, Он есть благо, то именно благо и является как бы кормилом и управлением, которые сохраняют устройство мира в неизменности и неразрушимости. — Я полностью согласен с тобой, и то, во что немного ранее ты хотела посвятить меня, я, хотя и в догадках, но предвидел. — Правильно, и теперь, я думаю, ты еще более внимательно устремись к познанию истины, а следующее рассуждение не менее важно для рассмотрения. — Каково же оно? — спросил я.

—Если предположить, что Бог справедливо управляет всем рулем благодати, и, как я учила, все сущее спешит к благу в силу природного стремления, то невозможно усомниться, что все по собственной воле и охотно покоряется воле распределяющего, и все существует, согласуясь в гармонии по воле управителя. — Да, это так. Ведь вряд ли показалось бы благим управление, если бы оно для склонившихся перед ним было ярмом, а для повинующихся — благом. — Поэтому ничто, действующее согласно с природой, не совершает противного Богу. — Ничто, — согласился я. — А разве возможно совершать что-либо противное тому, кого мы считаем обладателем неограниченного могущества и наивысшего блаженства? Одним словом, ничто не обладает такой силой, не существует в мире ничего, что желает или может противиться высшему благу. — Да, не существует, — подтвердил я. — Высшее благо же есть то, что управляет и располагает [упорядочивает] все могущественно и сладостно²⁵. — Столь сильно усладили мою душу не только сказанного тобой выше, но и сами слова, в которые ты их облекла, что многое заставило меня устыдиться собственной глупости и неразумности возражений. — Помнишь ли ты, — спросила она, — легенду о гигантах восставших против неба? Но они были усмирены благодатной силой. И разве не следует нам сталкивать между собой противоречивые суждения? Может быть, из такого столкновения и высекается прекрасная искра истины. По-твоему, — продолжила она, — никто не может усомниться в том, что не существует ничего, обладающего большим могуществом, чем Бог. — Имеющий разум не может отрицать этого. — Для того, кто всемогущ, нет ничего невозможного. — Ничего, согласен. — Тогда, значит, Бог может содейть зло? — Нет, — сказал я. — Стало быть, зло есть ничто²⁶, если его не может содейть Тот, Кто может все. — Не смеешься ли ты надо мной, создавая из рассуждений непроходимый лабиринт, из которого я не могу найти выхода. Ты тоходишь туда, откуда

вышла, то выходишь оттуда, куда вошла. Или же ты таким образом свиваешь удивительный круг божественной простоты? Только что, начав с рассуждений о блаженстве, ты говорила, что оно есть высшее благо и что должно находиться в Боге, затем ты доказывала, что сам Бог есть высшее благо и совершенное блаженство, и как бы преподнесла мне своего рода подарок, сказав, что никто не может быть блаженным, если он не подобен Богу; затем ты говорила, что благо и блаженство есть сущность Бога, и Его единство есть то же самое, что и благо, ибо к единству устремлена природа всего сущего. Ты рассказывала далее, что Бог благостным управлением правит миром, в котором все Ему повинуются по доброй воле, и утверждала, что зло есть ничто. И все это ты выводила не извне, но одно из другого, так что каждый аргумент как бы подкреплял свою истинность от предшествовавших ему доводов. — На это она мне возразила: Нет в этом моей заслуги, ведь это благодаря Богу, Которого совсем недавно молили о помощи, мы достигли величайшей цели. Такова уж форма божественной субстанции, что из нее ничто не ускользает, и она ничего не воспринимает в себя извне, как говорил Парменид: Πάντοθεν εὐκύκλου σφάιρης ἐναλίγκιον ὄγκῳ²⁷. Она вращает подвижную сферу Вселенной, но сама остается неподвижной²⁸. Если мы говорили не о внешних признаках вещей, но руководствовались тем, что составляет их сущность, то у тебя не может возникнуть повода для удивления, поскольку ты учился у тех, кто следовал за установлениями Платона, из которых вытекает, что сказанное должно соответствовать существующей.

12 (v). Счастлив безмерно, узреть кто
Блага источник сумеет.
Счастлив всегда, кто способен
Освободиться от тяжких
Пут, что земля налагает.
Горько Орфей-песнопевец²⁹
С плачем о милой супруге
Сердце терзал. Дивной песней
Жалобной мог он заставить
Двигаться лес и течение
Рек прекратить. Не боялся
Льва примирить с боязливой
Ланью. К тому же не страшно
Было ему лицезренье
Пса, усыпленного песней.
Грудь его наполнилась ею,
Лирные звуки летели,
Только уже господина
Не веселили нисколько.
С жалобой он на Всевышних
В царство Аида спустился.
Здесь, умеря звучанье
Струн своих сладостным пеньем,
Что почерпнул из ключей он
Матери нашей богини,
Он зарыдал, и всю тяжесть
Скорби безмерной любовью
Соединил, их удвоив.
Он в возбужденье Тенару
Смог привести и мольбою
Милость богов всех подземных

Выпросил. Пес же трехглавый
Оцепенел, новой песней
Завороженный Орфея.
Мести богини, карают
Что за злодеяния, ланиты
Все оросили слезами
Горькой печали и грусти.
И колесо, что пытало
Мукою злой Иксиона,
Даже оно перестало,
Грозное, быстро вращаться.
Долгой измученный пыткой,
Средь водопадов бродящий
Вновь обретает надежду
Бедный Тантал. Даже коршун
Музыкой той упоенный,
Больше терзать не желает
Тиция печень. И мощный
Мрачного царства владыка,
Сжалившись, милость дарует
Всю песнопевцу Орфею, —
Песнею куплена милость.
Вновь обретет он супругу,
Да соблюдает условие
Только и не обернется,
Не поглядит на жену он
До возвращенья на землю!
Но ведь любви не прикажешь,
Только она и решает.
Видит свою Эвридику,
Вдруг обернувшись на грани
Света и мрака, и губит
Этим себя и супругу.
Страстно хотите, чтоб разум
К свету вас вывел, но будет
Мраком погублен, кто взглянет
В бездны его, и утратит
Высшее счастье навеки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ^{1[105]} *Не знают, по какому пути добратся до его обители* — автор «Утешения» придерживается в данном случае платоновского учения о природе знания. Знание есть припоминание. До своего соединения с телом душа пребывала в «небесной обители» (аллегория чистой духовности), созерцая истинно сущее. Облекаясь в земное тело, душа забывает то, что она знала, однако в ней остается неопределенная память о том, что она когда-то созерцала, будучи приобщенной к божественной сущности. Восприятие земных вещей смутно напоминает душе позабытые ею образы. Ср.: Платон. Федр, 249 e; 250 b—d; Менон, 81 b—d; Федон, 75 e; Филеб, 346 c.

- ²[106] Ср.: *Сенека*. [К Луцилию, 36](#); *Аристотель*. *Метафизика*, XII, 7; 1072, 3—10.
- ³[107] См.: *Катулл*, *Элегии*, II.
- ⁴[108] *Декорат* — помощник магистра оффиций при дворе остготского короля Теодориха. Вероятно, Боэций отказался от его услуг, когда занял пост магистра оффиций.
- ⁵[109] *В давние времена кто-то заботился о продовольственных запасах народа* — по-видимому, имеется в виду «*praefectus annonae*», в ведении которого в древнем Риме находились учет и распределение государственных продовольственных запасов.
- ⁶[110] Очевидно, в данном случае подразумевается Дамокл, фаворит сиракузского тирана Дионисия Старшего (405—367 гг. до н. э.). Дамокл перевозносил счастливую участь Дионисия. В ответ тиран предложил ему на некоторое время поменяться местами. Несколько дней Дамокл блаженствовал, но однажды увидел над своим ложем меч, свисающий с потолка на лошадином волосе, который символизировал постоянную, непрекращающуюся опасность при кажущемся благополучии. Дамокл понял тщету счастья правителя, «дамоклов меч» вошел в поговорку.
- ⁷[111] *Самого могучего среди придворных Антонин предал мечу* — имеется в виду Папиниан, известный римский юрист, который отказался оправдать императора Каракаллу (186—217), убившего своего брата Гету. Папиниан был казнен по приказу императора.
- ⁸[112] *Фула* — остров, который по представлениям древних находился далеко на севере, там, где кончается земля.
- ⁹[113] «О слава, слава! Множество ничтожных людей сделала ты великими в глазах современников и потомства!» (греч.) *Еврипид*. *Андромаха*, 319—320.
- ¹⁰[114] *Суждение об этом моего Еврипида* — *Еврипид*. *Андромаха*, V, 42.
- ¹¹[115] Высказывание Аристотеля, на которое ссылается Боэций, предположительно является выдержкой из утраченного сочинения Аристотеля «Протрептик», его передает сирийский неоплатоник Ямвлих со ссылкой на Аристотеля.
- ¹²[116] *Линкей* — один из аргонавтов, плававших под предводительством Ясона за золотым руном, друг Кастора и Полидевка — легендарных неразлучных близнецов. Обладал зрением сверхчеловеческой остроты. В древности употреблялось выражение «око Линкея».
- ¹³[117] *Алкивиад* (ок. 450—403 гг. до н. э.) — афинский политический деятель и полководец, в юности учился у Сократа. Славился своей красотой. Алкивиад служил моделью для статуи бога Гермеса. О красоте Алкивиада писал Платон. См.: *Платон*. *Протагор*, 309 а.
- ¹⁴[118] См.: *Платон*. *Тимей*, 27 с.
- ¹⁵[119] *О Зодчий мира и движенья побудитель мудрый* — в этих стихах с наибольшей полнотой представлена Боэциева концепция структуры мироздания, которую автор «Утешения» строит в соответствии с космологическими представлениями, развитыми в диалоге Платона «Тимей». К темам этого диалога Боэций обращается многократно. Возможно, что Боэций испытал также влияние комментариев неоплатоника Халкидия (III в.) к «Тимею» Платона. См. также: *Платон*. *Федр*, 248 а—е.
- ¹⁶[120] *Все совершенное, конечно, предшествует менее совершенному* — доказательство бытия божьего, развиваемое Боэцием в X прозе III книги, возможно, послужило одним из источников «онтологического аргумента» схоласта Ансельма Кентерберийского.
- ¹⁷[121] Боэций следует платоновской традиции, которая придавала большое значение геометрии. При входе в Платоновскую Академию была надпись: «Негеометр — да не войдет». Боэций был автором не дошедшего до нашего времени учебника геометрии, в котором он комментировал «Начала» Евклида.
- ¹⁸[122] *Тагус (Таг)* — самая длинная из рек на Пиренейском полуострове.
- ¹⁹[123] *Гермус (Герм)* — река в Лидии (Малая Азия), ее приток — золотоносный Пактол, в котором, по преданию, омылся царь Мидас, чтобы избавиться от проклятия богов, — все, к чему он прикасался, становилось золотым.

- [20](#)^[124] *Земля все погребет в своих пещерах* — Боэций высказывает платоновскую идею о том, что земное бытие способствует забвению истинного знания. Ср.: Платон. [Федон, 91с.](#)
- [21](#)^[125] *Единство и благо — одно и то же* — мысль о тождестве единства и блага высказывается Платоном. См.: Платон. Государство, VI, 508а—509а. Эта же идея развивается в диалоге Платона «Парменид», где единое Парменида выступает в то же время как благо. Единое как благо трактуется и Платином.
- [22](#)^[126] Ср.: Аристотель. О душе, II, 2, 41а.
- [23](#)^[127] Ср.: Аристотель. Политика, 3, 1256а.
- [24](#)^[128] Ср.: Платон. [Федон, 91с.](#)
- [25](#)^[129] Ср.: Книга Премудрости, 8, 1.
- [26](#)^[130] *Зло есть ничто* — мысль близкая неоплатонизму, для которого характерно толкование зла как небытия.
- [27](#)^[131] «Вид его массе правильной сферы всюду подобен» (греч.) — См.: Платон. Софист, 244е.
- [28](#)^[132] Ср.: Платон. Тимей, 29а.
- [29](#)^[133] *Горько Орфей-песнопевец* — в этих стихах Боэций сравнивает земное бытие души с историей мифического певца Орфея, сына речного бога Эагра и музы Каллиопы, который своим прекрасным пением заставлял двигаться деревья и скалы, останавливал реки, укрощал диких зверей. Миф об Орфее изложен Овидием в [«Метаморфозах», I, 1—85; XI, 1—66](#); Вергилием в [«Георгиках», IV, 454—526](#).

УТЕШЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ

КНИГА IV

1. Философия, с лицом, полным достоинства, медленно и приятно пропела эти стихи, а я, еще не вполне утешившись от скорби, глубоко проникшей в душу, прервал ее, когда она вознамерилась произнести нечто подготовленное ранее. Я воскликнул: О провозвестница истинного света¹, речи, которые ты произносила, убеждая меня, твои божественные рассуждения и доказательства невозможно опровергнуть. И хотя они ранее были забыты мною, однако я не могу сказать, что суть их была мне совсем неизвестна в прежние времена. Истинная и величайшая причина моей печали заключена в том, что я не понимаю, как может вообще существовать или избегать наказания зло, если благо — повелитель всего сущего². Подумай только, ведь это достойно удивления! Но с этим сопряжено нечто большее — ибо когда процветает и правит подлость, добродетель не только лишается награды, но, поверженная, она попирается ногами порочных [людей] и принимает на себя наказания, причитающиеся преступникам. И это происходит в царстве всеведущего, всемогущего, притом желающего исключительно блага Бога! Нет человека, который мог бы не удивляться и не жаловаться, видя это. — На мои слова она ответила: Было бы бесконечной глупостью и великим преступлением полагать, что в содержавшемся в столь строгом порядке доме, руководимом [Богом] как отцом семейства, хранили дешевые сосуды, а дорогими пренебрегали. Так не бывает. И если мои предыдущие заключения не были неверными, то от самого творца, о царстве которого мы теперь говорим, ты узнаешь, что добрые всегда могучи, а дурные — всегда отвержены и слабы. Порок никогда не остается без наказания, а добродетель — без вознаграждения. Добрые всегда обретают счастье, а злые — несчастье. Существует множество доказательств этого, они смогут успокоить твои жалобы и придадут тебе твердость и силу духа. А так как ты уже видел образ истин-

ного блага, недавно показанный мной, и знаешь, где его надо искать, и поскольку мы уже прояснили все относительно пути, к нему ведущему, то я укажу дорогу, которая приведет тебя домой. Я дам твоему разуму крылья, которые помогут тебе подняться ввысь, чтобы ты, отбросив смятение, невредимым вернулся в свое отечество под моим руководством и в моей колеснице.

1 (v). Как птице мне дано крылатой вольно
Подняться в высоту небес.
Когда же крылья обретает разум³,
Он холодно взирает вниз
И, над землей в просторе бесконечном
Увидев тучи за спиной,
Согретый легким воздуха движеньем,
Стремится в огненный зенит,
Пока тропу к созвездьям не проложит,
По следу Фебову идя,
Или дорогу льдистую Сатурна,
Как воин, в блеске не пройдет,
Пока мерцаньем ночь не разрисует
Вращающийся звездный круг.
Когда ж, пресыщенный виденьем этим,
Покинет зримый свод небес,
Топча эфира легкого безбрежность
И света горнего поля,
Создателя со скиптром он увидит,
Бразды держащего в руке,
Кто, неподвижный, правит бегом мира, —
Вершителя всех дел земных.
И если он сюда направит путь твой,
Забыв который ищешь ты,
Воскликнешь: Здесь моя отчизна!
Исток мой и предел мой — здесь!
Когда же вновь узреть захочешь землю,
Покинутую в тьме тобой,
Грозу племен увидишь: одиноких
Тиранов во дворцах своих.

2. На это я воскликнул: Как много ты обещаешь! Я не сомневаюсь, что ты можешь сделать это, только приступи немедленно. — Во-первых, добрые всегда обладают могуществом, дурные же лишены всяких сил, это тебе нужно усвоить. Ведь если благо и зло — противоположности, а как мы утверждаем, благо — могущественно, тогда очевидно, что зло — бессильно. Если же известно бессилие зла, то еще более заметной становится сила добра. Но чтобы твоя вера укрепилась от наших рассуждений, я поведу их двумя путями, подтверждая свои высказывания то с одной, то с другой стороны. Существует два начала, от которых зависит свершение человеческих действий — воля и могущество, и если отсутствует одно из них, то содейть что-либо невозможно. Руководствуясь побуждениями собственной воли, ни один человек не приемлет того, чего не желает, но если он не обладает могуществом, его воля бессильна. Следовательно, когда ты видишь, что кто-то стремится достичь того, чего достичь не в состоянии, можно не сомневаться? У него не хватит сил достичь того, чего он желает.

— Это положение очень ясно, — сказал я, — и его нельзя отрицать. — Действительно, разве можно усомниться в могуществе того, кто достиг желаемого? — Нет. — Ведь всякий должен считаться сильным в том, что он может сделать, и бессильным в том, что не может. — Именно так. — Помнишь ли ты, — спросила она, — выводы из наших предшествующих рассуждений? Все человеческие желания, которые приводят в движение тысячи различных устремлений, направлены к благу. — Помню, как это было доказано. — Теперь вспомни, что блаженство есть само благо. Таким образом, если кто-то стремится к блаженству, то для него превыше всего желаемо благо. — Да, нет нужды напоминать об этом, поскольку это закреплено в моей памяти. — Значит, все люди, как дурные, так и добрые, одинаково стремятся к благу в едином порыве? — Да, так. — Но ведь приобщаясь к благу, они становятся добрыми? — Да. — Получают ли добрые то, чего желают? — Так, по крайней мере, мне кажется. — Злые же, если обретают благо, не могут оставаться злыми. — Да. — Значит, как для тех, так и для других желательна благо, но невелико число [людей], действительно обретают его; тогда нет сомнения, что добрые могучи, а дурные бессильны. — Кто, — сказал я, — сомневается в этом, тот не понимает ни сущности вещей, ни разумных установлений. — Она продолжала: Если существуют два человека, один из которых, когда им было бы предложено сделать нечто согласно природе, сам исполнил бы заданное в соответствии с природой, а другой был бы не в состоянии сделать это; другими словами, не исполнил бы то, что ему предложено в соответствии с природой, но лишь подражал выполнившему, кого бы из них счел бы ты более могучим? — Хотя я угадываю, что ты ожидаешь объяснений от меня, однако я желаю выслушать твои. — Разве ты отрицаешь, спросила она, — что передвижение посредством ходьбы соответствует человеческой природе? — Нет. — И ты не сомневаешься, что ходьба естественная обязанность? — Не сомневаюсь. — Если же некто, будучи в состоянии ходить ногами, ходит пешком, а другой, лишенный природной способности ходить, будет передвигаться на руках, кого из них можно счесть более могучим? — Продолжай далее. — Никто не сомневается, что человек, способный исполнить долг сообразно законам природы, более могуч, чем тот, кто не может. Высшего же блага, равно предложенного добрым и дурным [людям], добрые стремятся достичь путем, предписанным природой, то есть добродетелями, дурные — посредством удовлетворения различных страстей, которые совсем не предписываются природой для достижения блага. Может быть, ты думаешь иначе? — Нет, — сказал я, теперь мне ясно, что следует из сказанного. Из твоих рассуждений очевидно, что добрые обладают могуществом, дурные же, напротив, его лишены. — Верно, — подтвердила она, — и это, поскольку врачующим свойственно питать надежду, признак того, что твоя природа хорошо сопротивляется недугу. Поскольку я вижу, что ты близок к пониманию, то продолжу цепь рассуждений.

Посмотри, насколько присуща слабость порочным людям, которые не могут достичь того, к чему влечет их и почти толкает природная склонность; а что было бы, если бы они лишились поддержки великой и неодолимой природы? Посуди же, сколь велико бессилие дурных людей. Разве не к пустым и показным наградам они стремятся, но даже их получить не могут, ибо находясь, казалось бы, вблизи самого высшего блага, они гибнут в пучине и приходят совсем не к тому исходу, к которому устремлены их помыслы и днем и ночью; но в достижении вершины проявляется сила добрых. Из двух людей того бы ты считал сильным в ходьбе, кто с помощью собственных ног может дойти до любого места, где бы оно не находилось, а не того, кто не может его достичь. Таким же образом ты с необходимостью назовешь обладающим большим могуществом человека, знающего цель, к которой должно стремиться, как к никакой иной. Из этого следует, что дурные люди, по видимому, полностью лишены сил. В противном случае, отчего же они предаются пороку, отвернувшись от добродетели? От незнания блага? Но что бессильней слепоты невежества? Быть может, они знают то, что нужно искать, а страсти неодолимо сбивают их на ложный путь? Но тогда они опять же бессильны, так как не могут сопротивляться пороку.

Или же сознательно и по своей воле они избегают блага и устремляются к пороку? В таком случае они не только не обладают бóльшим могуществом, но вообще перестают существовать. Ибо люди, устремляющиеся прочь от общей для всех цели, тотчас утрачивают свое бытие.

Кое-кому покажется весьма странным наше суждение, что порочные люди, которых большинство, не существуют: но так происходит в действительности. Я не отрицаю, что те, которые порочны, суть порочны, но я отрицаю, что они существуют в собственном и абсолютном смысле этого слова. Ведь называешь ты труп человеком мертвым, назвать его собственно человеком невозможно. Так бы я рассудила и относительно существования злых и порочных людей. Итак, я не могу утверждать, что они существуют, ибо существует лишь то, что придерживается [общего] порядка сущего и действует сообразно со своей природой, нарушающее эти принципы отрекается от своей собственной природы. Но ты возразишь: злые все-таки обладают так называемым могуществом; пусть так, но ведь их могущество проистекает не из их силы, а скорее из бессилия. Они могущественны во зле, в котором бы мало преуспели, если бы могли утвердиться во благе. Такое могущество только еще яснее показывает, что они ничего не могут. Итак, если, как мы решили немного ранее, зло есть ничто, те, которые способны творить только зло, с очевидностью не способны ни к чему. — Это понятно, — подтвердил я. — Но чтобы ты понял, какова степень их бессилия, я повторяю, что не существует ничего более могущественного, чем высшее благо, как мы определили немного выше. — Согласен. — Но оно не может творить зла. — Не может. — Ну а теперь скажи: станет ли человек утверждать, что он всемогущ? — Нет, если он не безумен, — сказал я. — И тем не менее люди могут делать зло? — О, если бы было не так! — воскликнул я. — Тогда очевидно, что если сила, которая помогает свершать только добро, всемогуща, а люди, которые могут делать также и зло не обладают ею, то способные делать зло менее могущественны. Кроме того, мы уже показали ранее, что всякое могущество достойно быть названо среди того, к чему следует стремиться, а все вещи, к которым должно стремиться, относятся к благу, как к некоей вершине их природы. Но способность совершать злодеяние невозможно отнести к благу; значит, это недостойное стремление. Однако всякое могущество достойно стремления, откуда ясно, что способность совершать зло не есть могущество.

Из всего этого следует с очевидностью, что добродетельные всегда могущественны, а дурные — слабы. И тогда справедливо рассуждение Платона⁴ о том, что только мудрые могут достигать всего, чего пожелают, дурные же обычно делают то, что угодно их чувственности, того же, чего действительно желают, они достичь не могут. Совершают же они то, что избирают, полагая, что смогут обрести желаемое благо посредством вещей, доставляющих им удовольствие, но им это не удается, так как нельзя прийти к блаженству через порок.

2 (v). Ты видишь царей, сидящих
На тронах своих высоких,
Ты видишь пурпур роскошный
И стену суровых стражей,
Грозящих яростным видом
И тяжким дыханьем гневным.
И если б заботы даже
Ушли б из дворцовых сводов,
Увидеть ты б мог тиранов
В оковах своих жестоких.
Их сердца полнит отравы

Страстей и тоски безмерной,
Рассудок темнит досада,
Волненье в крови терзает,
Печаль их гнетет, и манят
Обманчивые надежды⁵.
И смертный так же, желаньям
Всевластным своим покорный,
Свободным не будет, цели
Своей не узрит вовеки.

3. Видишь ли ты теперь, в сколь презренную грязь скатывается порок, тогда как честность распространяет сияние. Ясно, что награда никогда не минует добрых дел, а наказание — дурных. Ведь за каждое деяние в итоге предполагается вознаграждение подобно тому, как бегуну на стадионе в награду достается венок, ради которого он и занялся бегом. Блаженство же, как мы показали, есть то самое благо, ради которого все совершается. Награда, причитающаяся за человеческие деяния, заключена в самом благе. Вследствие этого невозможно быть отдаленным от блага. Поэтому никогда не может случиться так, чтобы добродетель и честность не получали соответствующего вознаграждения. Сколько бы ни свирепствовали дурные люди, венок мудрого не упадет и не увянет. И не уничтожит чужая порочность славу добрых. А если бы это была слава, заимствованная извне, то ее мог бы отнять тот, кто наделил ею, или кто-нибудь еще. Поскольку же она есть то, что человеку приносит его способность творить добро, то только перестав быть добрым он лишается ее. Напоследок я скажу, что если всякую награду желают, потому что полагают ее благом, то человек, сопричастный благу, разве не получает награду! Самую прекрасную и великую из всех. Вспомни же мои недавние размышления и сделай вывод: если само благо есть блаженство, все добрые люди уже тем самым, что они добродетельны, достигают блаженства. Но те, которые блаженны, как мы решили, суть боги, для добрых же награда, которую ни время не может истребить, ни власть уменьшить, ни порочность очернить, состоит в том, чтобы стать богами. А раз так, то мудрый человек не может сомневаться в том, что порочные люди будут наказаны с неотвратимостью. И если благо и зло, как и награда и наказание, совершенно различны между собой, то мы справедливо полагаем, что неизбежно добро заслуживает награды, а зло — наказания. Так, наградою добрым служит сама их порядочность, а наказанием дурным — их порочность⁶. Однако любой человек, которого постигает наказание, не сомневается в том, что ему причиняется зло. Если же люди пожелают присмотреться к себе, то могут ли они счесть, что их миновало наказания, которые достаются злым людям. Я говорила немного раньше: все, что существует, является единым, и что само благо есть единство. Отсюда следует, что все, что имеющее бытие, как кажется, есть благо. Таким образом, уклоняющиеся от блага, перестают существовать — поэтому люди перестают быть теми, кем были прежде. О том, что они были людьми, свидетельствуют лишь сохранившийся у них облик человеческого тела. Но поскольку они погрязли в пороке, их человеческая природа утрачена. Если верно, что только чистые нравы могут вознести кого-нибудь над людьми, то из этого с необходимостью вытекает, что отвергших условие человеческого существования порочность по справедливости столкнет ниже человеческого рода. Следовательно, обезображенного пороками, как ты видишь, нельзя считать человеком. Томится ли жаждой чужого богатства алчный грабитель? — Скажешь, что он подобен волку в своей злобе и ненасытности. Нагло нарываясь на ссору? — Сравнишь с собакой. Замышляет втайне худое, злорадствует незаметно для других? — Подобен лисице. Бушует в неукротимом гневе? — Думаю, что уподобился льву. Труслив и бежит от того, чего не следует бояться? — Похож на оленя. Прозябает в нерадивости и тупости? — Живет, как осел. Кто легко и беспечно меняет желанья? — Ничем не отличается от птицы. Кто погружен в грязные и суетные стра-

сти? — Пал в своих стремлениях до уровня свиньи. Итак, все они, лишившись добрых нравов, теряют человеческую сущность, вследствие чего не могут приобщиться к Богу, и превращаются в скотов.

3 (v). Улисса парус наполнил⁷
Эвр дуновеньем, и лодку
К острову ветер восточный
Тихо несет, где богиня —
Семя прекрасное Солнца —
Странникам чашу подносит
И, услаждая напевом,
Их обращает в животных
Силою трав всемогущих!
В львов африканских и вепрей.
Зубы и когти увидишь
Льва мармарикского⁸, жалкий
Вой оборотня несется, —
Твари с личиною волка,
Тигра индийского встретишь
В зарослях тихих у хижин.
И хоть аркадские боги
И оградили от зол всех
Гостя, но новые беды
Встретил герой чужеземный.
Горькую чашу испили
Также гребцы с ним совместно, —
Желуди пищей им служат,
Благо исчезло Цереры.
И ничего не осталось
Тем же в их прежнем обличьи.
Разум один сохранили, —
Он и оплакивал рок их.
Трав чудодейственных сила,
Плоть изменить что способна,
Вовсе не властна над духом.
Сила в груди человека
Скрыта великая жизни.
Губит лишь яд, что лишает
Духа его, отравляя
Самую сущность сознанья,
И проникая глубоко, —
К плоти его безразличный, —
Душу одну разрушает.

4. На это я заметил: справедливо то, что порочные хотя и сохраняют внешность человека, однако уподобляются животным по душевным качествам. Но можно было бы пожелать, чтобы ярости злых и испорченных людей не было дано свободы угрожать добрым людям. — Дело тут не в свободе, — ответила Философия, — и я не премину показать это тебе в подходящем месте. Однако предположить, что они лишены по-видимому имеющейся у них свободы, значит, по большому счету, снять с преступников наказание. Воз-

можно, это покажется кое-кому невероятным, но неизбежно дурные являются более несчастными в том случае, если совершают желаемое, чем когда то, чего желают, осуществить не могут. Так, если несчастье — желать беззакония, то еще большее бедствие — мочь [его совершить], поскольку в первом случае плод злой воли остался бы несозревшим. Итак, каждому присущ свой род несчастья и трижды преследуют несчастья тех, которые, как ты видишь, желают зла, могут совершить его и совершают. — Согласен, но думаю, они избегли бы их, утратив возможность совершить злодеяние. — Они избавятся от них скорее, чем ты думаешь, или, возможно, чем они сами ожидают, ибо нет в этих, столь тесных, пределах жизни ничего такого, ожидание чего было бы слишком долгим для бессмертной души⁹.

Великие упования порочных и нагромождения их злодеяний разрушаются часто внезапно и неожиданно — и это устанавливает меру их несчастья. Так, если порок делает людей несчастными, то порочный человек становится тем несчастней, чем дольше длятся его злодеяния. Я сочла бы таких людей самыми несчастными, если бы смерть не подводила последнюю черту их злодеяниям. И исходя из наших суждений о природе беззакония явствует, что несчастье [бесконечно], если оно длится вечно. — Твое заключение очень странно и с трудом укладывается в голове, но мне кажется, оно не расходится с предыдущими выводами, — сказал я. — Правильно, а тот, кто считает эти рассуждения недостаточно согласованными, пусть докажет, что какие-либо их предпосылки ложны, или выявит, что из сравнения со сказанным ранее не следует такой вывод. Иначе, если он согласен с предыдущим, у него нет никаких оснований оспаривать вывод.

То, что я намерена сказать сейчас, кажется не менее удивительным, но оно вытекает из изложенного выше. — Что же именно? — Более счастливыми являются порочные люди тогда, когда на них обрушивается наказание, чем когда правосудие не карает их¹⁰. Я не стараюсь теперь доказывать, что дурные нравы исправляются с помощью возмездия и исправляются под страхом наказания; и что в этом случае они служат уроком для других, чтобы люди отвратили души от предосудительного. Нет, я думаю, существует иная причина, почему порочные несчастнее, когда они избегают наказания, если даже не брать в расчет исправительного действия наказания и его значения для наставления других. — Какая же иная причина? — Так вот: разве мы не признали, что добрые — счастливы, а злые — несчастны? — Признали. — А если чье-либо несчастье возмещается неким благом, разве он не счастливее того, кто испытывает несчастье само по себе, без всякой примеси блага? — Кажется, да, — сказал я. — Если же на несчастного человека, лишённого всякого блага, помимо того, из-за чего он несчастен, обрушится новое зло, разве он не почувствует себя намного более несчастным, чем тот, несчастье которого облегчает участие блага. Говорю ли я нечто, не соответствующее истине? Значит, порочные, [люди] получают некое благо, которое как бы присоединяется к ним, когда их наказывают, то есть само наказание согласно разумному порядку правосудия — благо. В результате, если они избегают наказания, не совершая какого-либо нового зла, сама их безнаказанность, представляет собой зло большее, чем они заслужили. — Этого нельзя отрицать, намного несчастнее порочные, избежавшие справедливого наказания, чем наказанные по справедливости. — Наказывать дурных людей — справедливо, оставлять не наказанными — непозволительно. Кто же это отрицает? — спросил я. — Ни один человек не будет оспаривать, сказала она, — что благо есть все свершающееся по справедливости, и, напротив, из того, что несправедливо, проистекает зло. — Это соответствует сказанному немного ранее. Но мне хочется знать, допускаешь ли ты, что душам полагается наказание после смерти тела?¹¹ — И великое, — ответила она. — Одни из них испытывают муки, данные в наказание, а другие очищаются милосердием. Но теперь не время рассуждать об этом.

Мы много говорили о могуществе дурных людей, которое казалось тебе вопиющей несправедливостью, а теперь ты понял, что его не существует. Узнай же, что необузданность, которой ты молил положить конец, тех, о ком сетуешь, что они безнаказанны, и чья порочность, как тебе кажется, избежала подобающего отмщения, недолговечна. Кроме того, она делает их тем более несчастливими, чем дольше длится, и была бы преисполнена несчастьем, если бы продолжалась вечно. Поэтому, очевидно, наиболее несчастны злодеи, избежавшие справедливого наказания, а не получившие его. Этому рассуждению созвучно, что самое тяжелое наказание достается им, если, как представляется, они остались безнаказанными. — Когда я вникаю в твои доводы, — сказал я, — то думаю, что нельзя сказать ничто вернее. Но когда я смотрю на них с обычной человеческой точки зрения, в них не только невозможно поверить, но, более того, они представляются очень противоречивыми. — Возможно, — ответила она. — Ибо не могут глаза, привыкшие к темноте, обратиться к свету очевидной истины, и люди подобны птицам, чье зрение сильнее ночью, а днем они слепы. Люди принимают во внимание не порядок вещей, а лишь свои собственные страсти, вследствие чего свободу грешить и безнаказанность преступления считают счастьем. Посмотри же, что повелевает извечный закон. Если ты украсишь душу наилучшими добродетелями, нет тебе дела до судьбы, определяющего награду: ты сам себя приобщил к наилучшему. Если же ты падешь в грязь, не сетуй на наказание извне: ты сам избрал себе наихудший жребий. Так, когда смотришь поочередно на землю и на небо, кажется, что ты падаешь в грязь или возносишься к звездам. Но толпа этого не понимает. Что ж из этого? Ведь не уподобляемся мы тем, которые, как мы показали, похожи на зверей. Если бы кто-то, потеряв способность видеть, забыл, что прежде он обладал зрением, и полагал, что ему ничего не достает для человеческого совершенства, разве не был бы он по нашему мнению незрячим, слепым? Однако есть и еще нечто, столь же твердо обоснованное доводами разума, с чем люди не согласятся, а именно — что несчастнее те, которые творят несправедливость, чем те, кто страдает от нее. — Я бы хотел услышать доказательства этого. — Будешь ли отрицать, — спросила она, — что каждый порочный человек достоин отмщения? — Нет. — Значит, во много раз несчастнее те, которые порочны. — Да. — И ты не сомневаешься в том, что люди, достойные наказания, несчастны? — Нет. — Если предположить, что ты судья, на кого сочтешь необходимым возложить наказание, на свершившего несправедливость или подвергавшегося ей? — Не сомневаюсь, я бы наложил наказание на содеавшего ее. — Значит, более несчастным тебе кажется тот, кто нанес обиду, чем пострадавший от нее. — Согласен. — На основании этих веских доказательств выявляется, что безнравственность по своей природе делает [людей] несчастными, а допущенная несправедливость приносит несчастье не пострадавшему, а оскорбителю

Теперь ораторы в судах поступают наоборот, стремясь возбудить у судей сострадание к тем, кто немилосердно и тяжело обижен, а ведь справедливей взывать о сочувствии к совершившим злодеяние. Их не из-за гнева, но из сострадания и милосердия нужно приводить в суд, как больных к врачующему, чтобы болезнь вины была исцелена наказанием. Наказание же, в зависимости от выступлений защитников, должно или остаться суровым, или, если полезно, смягчиться по мере изменения обвинения. Сами же, свершившие злодеяния, если бы каким-либо образом смогли бы взглянуть хотя бы в щель на отвергнутую ими добродетель, увидели бы, что грязь вины и пороков смывается принятием наказания. И ради вознаграждения благодарием, к которому они возжелали бы вернуться, они не сочли бы никакие наказания слишком великими, отвергли бы выступления защитников и вверили бы свою судьбу во власть обвинителей и судей.

Отсюда следует, что у мудрых нет места ненависти. Ведь разве ненавидит кто-нибудь добрых, если только он не безумен? Ненависть же к злым — беспочвенна. Ибо, как существуют болезни тела, так и порочность — как бы болезнь духа. Больные телом заслуживают не

ненависти, но скорее жалости. И тем более не преследований, а жалости достойны те, чьи души свирепей любой болезни терзает порок.

4 (v). Зачем будить в душе волненья эти?
Своей рукою дерзкой гневный Рок тревожить?
Коль смерти ищешь, — жди! Звать бесполезно.
Сама придет, коней крылатых не задержит¹².
Одних ведь губят змеи, тигры, вепри,
Медведи, львы. Мечом другие поражают
Друг друга. Иль обычаи несходны
У двух противников, враждующих безбожно?
Желаешь, может быть, от стрел погибнуть?
Жестокость оправдать рассудком невозможно,
И похвалы ль заслуживает сила?
Люби, по праву, добрых!
Скорби ж о людях злых!

5. Теперь я понимаю, — сказал я, — что счастье или несчастье становится вознаграждением благочестивым и порочным людям. Но мне не совсем ясно, отчего нет никакого блага в том счастье, как его понимает толпа. Никто из имеющих разум не предпочтет ссылку, нужду и бесславное прозябание обладанию могуществом, богатством, чинами, уважением, почетом, властью и процветанием в своем отечестве. Ярче и определеннее очерчивается долг мудрости, когда блаженство правителя каким-то образом распространяется и на подвластные народы. Так бывает, когда тюрьма, смерть и другие наказания, налагаемые законом, обращаются против наиболее преступных граждан, ведь они для этого и созданы. Если же происходит обратное, и добрые люди пожинаят наказания за чужие злодеяния, а награды, причитающиеся добродетели, отнимают дурные, — это вызывает большое удивление, и я желаю знать от тебя, что является причиной такой несправедливости и беззакония. Я бы меньше поражался этому, если бы полагал, что в мире правит слепая случайность. Но мое изумление не имеет границ, ибо Бог, управляющий всем, вместо того, чтобы дать добрым сладкое, а злым — горькое, напротив, добрых наделяет суровой участью, а злых — такой, какую они желают. Если это не порождается определенными причинами то, следовательно, называется случайностью. — Не удивительно, — возразила Философия, — когда то, разумное устройство чего не познано, кажется случайным и неопределенным. Но хотя ты и не постиг еще, почему связь причин и следствий именно такая, а не иная, не сомневайся, что все сущее надлежащим образом устраивает благой правитель, и все в мире совершается в соответствии с установленным порядком.

5 (v). Тот, кто не знал бы созвездья Арктура,
Самого близкого к полюсу неба,
Был изумлен бы порядком извечным,
Тверди высокой великим законом,
Видя, как медленно звезды Боота¹³
Пламя в пучине свое погашают.
Знаем — не в полночь бледнеть начинают
В небе Селены рога золотые,
Феб не во тьме затопляет с Востока
В свете своем все созвездья на своде.
Как взволновало бы всех заблужденье, —

В медь ударяли бы¹⁴, видя такое!
Кто изумляется, видя, что ветер
Берег шумящей волной сокрушает,
Тают что массы снегов под лучами, —
Знойного Феба горячим дыханьем!
Всякому эти явления понятны,
Только лишь тайное сердце тревожит,
Кажется чудом простому народу
То, что случается вдруг и нечасто.
Пусть темнота лишь невежества сгинет, —
Все, что дивит нас сегодня, исчезнет.

6. — Согласен, — сказал я. — Но поскольку открывать причины сущего и объяснять [устройство мира] — твоя обязанность, я, блуждая во тьме незнания, молю, чтобы ты решилась и растолковала мне то, что приводит мой разум в замешательство. — На это, слегка улыбаясь, она произнесла: Предмет, о котором ты говоришь, отличается большой сложностью, и ему едва ли можно дать исчерпывающее объяснение. Такова уж его природа, что когда устраняется одно сомнение, подобно головам гидры¹⁵, вырастает бесчисленное количество других, и не существует иного способа покончить с ними, как пресечь их живейшим огнем разума. Для этого следует рассказать о простоте провидения, о линии судьбы, о случайности, о божественном предзнании, предопределении, о свободе воли. Насколько это сложно, реши сам. Но поскольку это необходимо тебе для лечения, хотя мы и стеснены пределами времени, однако кое-что попытаемся предпринять. И если музы увлекают тебя веселящей песней, то тебе следует несколько иначе настроиться, пока я привожу в порядок свои рассуждения. — Как тебе будет угодно, — сказал я. — И тогда она начала свою речь как бы с другого конца.

Происхождение всего сущего, развитие всех вещей, которые изменяются и движутся, имеет свои причины, порядок, формы от неизменного божественного разума. Заключенный в сферу своей простоты, этот разум содержит образ многообразия сущего, подлежащего управлению¹⁶. Этот образ, когда рассматривается в чистом виде в самом божественном разуме, называется провидением, если же он сопрягается с вещами, подвластными Богу, то, как еще ведется от древних, называется судьбой. Легко заметить, сколь эти два понятия различны, если только вникнуть в их смысл. Провидение есть сам божественный разум, стоящий во главе всех вещей и располагающий все вещи, судьба же есть связующее расположение изменяющихся вещей, посредством нее провидение упорядочивает их существование. Провидение объемлет в равной степени все, как отдельное, так и бесконечное. Судьба же упорядочивает движением отдельное, разветвление временного порядка, заключенное в самом божественном разуме, есть предзнающее провидение, а воплощение этого порядка непосредственно во времени зовется судьбой. Провидение и судьба, хотя и различаются, однако взаимосвязаны между собой. Порядок судьбы вытекает из простоты провидения. Подобно тому, как мастер уже имеет в уме форму вещи¹⁷, которую собирается сделать, как бы держа ее перед своим мысленным взором всю сразу, приступает к ее осуществлению во времени, так и Бог в своем провидении располагает единственным и непреложным образом того, что должно свершиться. Судьба же предписываемое провидением направляет относительно времени и места. И не важно, ткет ли она свою нить с помощью духов, близких к божественному провидению, или с помощью [мировой] души¹⁸, или послушной ей природы посредством движения небесных светил, или силой ангелов, или хитростью различных демонов, с помощью чего-то одного из этого или же посредством всего этого вместе взятого, очевидно, что провидение есть простой и неизменный образ всего того, что предопределено к воплощению, судьба же представляет

собой беспрестанно меняющееся сплетение и временной порядок того, что Бог в своей простоте располагает к возникновению. Отсюда следует: все, подчиненное судьбе, подвластно и провидению, которому подчиняется и сама судьба, но некоторые вещи, подвластные провидению, находятся выше линии судьбы.

Действительно, есть такие субстанции, которые, пребывая в непосредственной близости от высшей божественности, избегают изменчивости порядка судьбы. Ведь из множества колес, вращающихся вокруг одной и той же оси¹⁹, лежащее в непосредственной близости от оси становится, в свою очередь, как бы осью по отношению к колесам, вращающимся снаружи. Внешнее колесо, вращающееся по наибольшему кругу, охватывает тем большее пространство, чем далее оно удалено от центра. Если же какое-либо из колес соединится и сольется с осью, то оно обретет неделимость и перестанет внутри себя заключать множество мест и обширность пространства. Так и отстоящее дальше от своего начала — божественного разума — подвержено большим превратностям судьбы, ибо подвластность судьбе зависит от степени удаления от средоточия всего сущего. То, что больше всего приблизилось к неизменности высшего разума, избавившись от движения, избегает и необходимости, налагаемой судьбой. Так что изменчивая линия судьбы так относится к неизменной простоте провидения, как рассуждение относится к пониманию, как то, что рождается, к тому, что существует постоянно, как время к вечности, как движущийся круг к своему покоящемуся центру. Ход судьбы движет небо и звезды, располагает в должном соответствии элементы и совершает цепь изменений. Она возобновляет бытие всего сущего, даруя подобие через оплодотворение семени, чередуя рождение и смерть. Она связывает действия и ход жизни людей нерушимой цепью причин, берущих начало от неизменного провидения и также с необходимостью являющихся неизменными. Так наилучшим образом управляется мир — пребывающая в божественном разуме простота извлекает из себя неизменный порядок причин, этот порядок удерживает изменчивый мир в своей неизменности и подчиняет себе все вещи, находящиеся в движении. Отсюда следует, что вам, не могущим понять этот порядок, все кажется беспорядочным и неустроенным, тем не менее во всем сущем заключен порядок, направляющий его к благу. И нет ничего такого, что происходило бы по причине зла или потому, что оно задумано самими порочными, а они, как мы уже в полной мере доказали выше, отклоняются от желанного им блага из-за ошибки или заблуждения, тогда как порядок, который исходит от высшего блага в мировом центре, никого не может отклонить от его начинания.

Ты спрашиваешь, почему возникает твой беспорядок, при котором добрые бывают не только счастливы, но и несчастны, порочные же порой обретают не столько ненависть [окружающих], сколько богатство. Разве столь уж справедливы суждения людей, что те, кого они считают добрыми или порочными, на самом деле таковы? Суждения людей сильно различаются, и тех, кого одни полагают достойными награды, другие считают заслуживающими наказания. Но предположим — кто-то может отличить добрых от порочных, а разве он способен понять внутреннее состояние душ так же, как и окинуть взором облик тела? Не кажется ли чудом для невежды знание того, почему для здоровья тела одним следует давать сладкое, другим — горькое, почему одному больному помогают слабые лекарства, а другим — сильные. Но врачующий, умеющий отличить здорового человека от больного, не удивляется этому. Что же иное может быть здоровьем души, как не добродетель, и что болезнью ее, если не порочность? И кто хранитель добрых и гонитель дурных, как не Бог, владыка и целитель души? Он взирает с высоты оком провидения и знает, что ему единственно соответствует, и в согласии с этим каждого наделяет. От Него берет начало замечательное чудо порядка судьбы, который, происходя от знающего, заставляет впадать в отчаяние незнающего. Я напомню, что слабый человеческий разум черпает силу из божественной глубины: и то, что вы полагаете справедливейшим и заслуженным, совсем иным представляется всеведущему провидению. Наш Лукан²⁰ сказал: «Победив-

шая сторона была угодна богам, а побежденная — Катону». Потому, если тебе покажется, что нечто происходит вопреки твоим ожиданиям, знай, порядок происходящего справедлив, его превратность и непонятность существуют лишь в твоём воображении. Бывает, что даже очень добродетельный человек, которого высоко оценивает как божественное, так и человеческое суждение, имеет недостаточно твердый дух, и, столкнувшись с превратностями судьбы, он перестанет заботиться о добродетели, если посредством ее нельзя достичь земного счастья. Разумное управление сохраняет того, кого несчастье может сделать хуже, или кто, как явствует, не может переносить трудности. Другой украшен всяческими добродетелями, свят и приближен к Богу: провидение считает, что противно Божественным установлениям, если с ним случится какое-нибудь несчастье, и не позволяет недугам и печалям поразить его. Ведь сказал же тот, кто выше меня: Ἀνδρὸς δὴ ἱεροῦ δέμας αἰθέρες οἰκοδόμησαν²¹. Поэтому часто бывает, что управление государством достается добрым, дабы обуздать усиливающуюся порочность. Другим же людям Провидение предопределяет разную участь, в зависимости от состояния их душ: Тех, что испытали счастье, поражает, подвергая некоторых тяжким испытаниям, чтобы укрепить в них добродетель, усилить терпение и выносливость духа. Одни больше страшатся того, что на самом деле могут вынести, другие презирают то, чего вынести не могут. Таких на их собственном опыте Провидение в действительности учит горестями.

Есть люди, которые предпочитают обрести славу в этом мире, даже если это будет стоить им жизни. Не сломившись под пытками и наказаниями, они доказали, что добродетель не может быть побеждена злом²². И нет сомнения, что они поступали столь правильно и благонравно, ибо благо заключено в них самих. Приносящее дурным людям либо печали, либо счастье происходит по тем же причинам. Что касается их несчастий, то им никто не удивляется, так как все считают, что горе выпадает на их долю заслужено. Если они бываю́т наказаны, то тем самым другие отвращаются от злодеяний, порочные же наказаниями очищаются. А если они преуспевают, то добрым людям это служит веским доводом, позволяющим подобающим образом судить о счастье, которое, как известно, часто служит недостойным. При этом, как мне кажется, здесь предполагается и еще кое-что: если кто-то наделен столь низменной и грубой натурой, что его может побудить к злодеяниям бедность, его болезнь Провидение лечит, наделяя богатством. Другой, прислушиваясь к своей мятущейся совести и сравнивая обуревающие его помыслы со своей Фортуны, побоится ужасной для него потери того, обладание чем ему приятно. Он изменяет свой нрав и оставляет порок, так как боится утратить свое счастье. Многие заслуженно ввергались в несчастье, недостойно пользуясь своим счастьем. Некоторым предоставлялось право наказывать, чтобы они служили для укрепления в добродетели добрых и наказания порочных людей. Ведь как для добродетельного человека нет никого отвратительнее порочного, так и порочные люди не имеют согласия между собой. — Как же так? — спросил я. — Они разобщены из-за присущих им пороков, которые разрывают их души, терзая, вследствие чего они часто совершают то, о чем позднее сожалеют. В том и заключается замечательное чудо провидения, что порочные могут порочных сделать добродетельными. Не раз стойко снося несправедливость со стороны наихудших, пылая к ним ненавистью, люди возвращались на стезю добродетели и старались отличаться от тех, кого ненавидели. Единственно божественная сила может обратить то, что представляется злом, на благо, когда используя и противоположное, надлежащим образом обращает все к благому исходу. Ведь божественный порядок все так располагает, что даже представляющееся отклонившимся от этого порядка, хотя и кажется чем-то иным, но все же остается порядком, чтобы не было места случайности в царстве провидения.

Человек же не в состоянии охватить умом и описать словами все орудия божественного промысла. Достаточно знать, что Бог, создатель всей природы, располагает всеми вещами, направляя их к благу, и то, что он произвел, стремится возвратиться к своему первона-

чальному источнику. Бог удалил всякое зло из пределов своего государства посредством невозможности для сущего избежать судьбы. Тебе кажется, что на земле много зла, но если бы ты смог увидеть замысел провидения, ты бы понял, что зла нет нигде. Однако я уже давно заметила, что ты подавлен трудностью вопроса, устал от продолжительных рассуждений и ожидаешь сладостной песни. Прими же эти стихи, с помощью которых ты освежишь свой дух для продвижения вперед.

б (v). Если ты хочешь грозного Зевса
Ясным умом постигнуть законы,
Взор устреми свой к неба высотам.
Звезды хранят порядок извечный
По справедливым вечным устоям.
Феба огонь Луны колеснице
Льдистой путь всегда уступает.
Бег Медведица к полюсу мира
Крайнему свой устремляет быстрый,
Хоть не желает, видя, как гаснет
В волнах заката пламя созвездий,
Вместе в пучине с ними исчезнуть.
Сумерки ночь ведут за собою
Закономерно и неизменно.
День благой Люцифер возвращает.
Круговорот предвечный любовью
Держится только, гнев и раздоры
Вон изгоняя из мирозданья.
Это согласие нужную меру
Всем уделяет, чтоб уступали,
Веря друг другу, силы природы, —
Суша и воды, пламя и холод, —
К небу огонь взвивался б, и тяжело
Почва садилась у нас под ногами.
Так постоянно теплынь приносит
Благоуханье цветов весенних,
Знойное лето сушит Цереру,
Осень плодами нас одаряет.
Хлещут зимою ливни за нею.
Все, что мы видим сущим в природе,
Мерой своею живо разумной,
Хоть похищает смерть напоследок
Все, что приносит нам жизни рожденье.
Правящий миром держит поводья
Крепко в руках, — зиждитель Вселенной,
Царь, властелин, источник, начало,
Мудрый судья, всегда справедливый,
Он причина движенья, и он же
Может предел поставить блужданью.
Коль по орбитам вечным движенье
Вдруг прекратится, рухнет порядок,
Все распадется, снова к истокам
Прежним вернемся, мира началу,
Только любовь одна и способна

К благу все направлять, и наверно
Так потому, что жить нам возможно,
Лишь возвращаясь к первопричине,
Что бытие дала человеку²³.

7. Понятно ли тебе, что следует из сказанного нами? — Конечно, — сказал я. — Все есть благая Фортуна, все есть счастье. — Разве так может быть? — Послушай, если любая Фортуна, будь то благосклонная или несущая страдание, имеет своей причиной или наградой добрым или наказание и исправление порочных, то всякая участь есть благо, поскольку она или справедлива, или полезна. — Это верно, — подтвердил я. — Из рассмотрения согласно твоим указаниям провидения и судьбы становится понятно, почему они связаны накрепчайшими узами. А ведь ранее ты относила это суждение к недоступным для понимания. — Неужели? — спросила она. — Да, так как люди привыкли говорить, что такой-то имеет несчастную судьбу. — Разве тебе хочется, чтобы мы снова обратились к простонародным толкам и последовали за ними в своих размышлениях? — Как тебе будет угодно, — сказал я. — Разве ты не считаешь благом то, что полезно? — Считаю. — Укрепляющее добродетель или исправляющее порок — полезно. — Несомненно, — подтвердил я. — Следовательно, и благотельно. — Почему? — Разве не благая участь у того, кто, уклоняясь от пороков, вступает на путь добродетели? — Этого нельзя отрицать. — Что же касается радости, служащей наградой добрым, разве народ считает ее злом? — Нет, справедливо то, что люди считают ее достойнейшей. — А разве народ полагает, что суровая участь, доставшаяся порочным как справедливое наказание, исполнена блага? — Напротив, его мнение противоположно. Он усматривает в ней величайшее несчастье. — Поразмысли же, следуя мнению народа, не станем ли мы утверждать нечто непонятное и дикое? — Что же именно? — Из наших рассуждений явствовало, что всякому человеку, как тому, которому присуща добродетель, так и стремившемуся к ней, достается благая участь, в то время как наихудшая участь — у погрязших в порочности. — Верно, — подтвердил я, — хотя едва ли кто-нибудь дерзнул утверждать так. — А поэтому, — продолжила она, — мудрый человек не должен сетовать, сколь бы превратной ни была его Фортуна, как сильному воину не к лицу возмущаться, когда бы ни гремела боевая тревога. Ведь для обоих из них трудности дают благоприятную возможность: одному для упрочения личной славы, а другому — для укрепления мудрости²⁴. Потому добродетель и называется добродетелью, что она исполнена собственной силы и никакое несчастье не может победить ее. И, вставшие на путь, ведущий к вершине добродетели, живете не для того, чтобы утопать в роскоши и терять силы в наслаждениях. Вы обязаны вступать в жестокую духовную битву со слишком суровой Фортуной, чтобы не сломили вас бедствия, и с благоприятной — чтобы не ослабили удовольствия. Укрепляя собственные силы, держитесь середины. Тот, кто свалится вниз или вознесется слишком высоко, не сможет заслужить счастья и получить награды за труды. От вас самих зависит, будет ли горькой ваша участь. Запомните, все кажущиеся бедствия, если они не укрепляют и не исправляют, то значит наказывают.

7 (v). Десять лет ведя войну под Троей²⁵,
Смыл позор Атрид с родного брата,
Разорив фригийскую твердыню.
Долго ждал попутного он ветра,
Получив его ценою крови, —
Принеся как искупленье в жертву
Дочь богам свою от Клитемнестры.

Горевал о спутниках Улисс:
 Проглотил их Полифем в пещере, —
 Великан неистовый и дикий,
 Хоть жестоко отомстил коварный
 Лаэртид, лишив Циклопа зренья.
 Совершил Геракл дела большие:
 Укротил кентавров непокорных,
 Шкуру льва Немейского добыл он,
 Истребил чудовищ меднокрылых,
 Яблоки златые у дракона
 Дерзостно украл герой Эллады.
 Цербера сковал тройною цепью.
 Одолел фракийца Диомеда,
 В корм коням отдал царя-тирана.
 Гидру ядовитую прикончил,
 А речного бога Ахелоя,
 Победив, вогнал в брега чужие.
 Поразил он в Ливии Антея,
 Какуса убил — грозу Евандра,
 Удержал он свод небес тяжелый
 На плечах своих и мощной вые.
 Геркулес за труд свой величавый, —
 За заслуги, — получил награду
 По достоинству, — был взят на небо,
 Ныне ж, храбрые, ввысь стремитесь!
 Не бессильны вы, пример вас учит,
 Победив все тягости земные,
 Звезд достигнете!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹^[134] *Провозвестница истинного света* — философия, которая ведет к познанию бога, озаряющего своим разумом все сущее. Ср.: *Платон. Федр*, 249с; 250с.
- ²^[135] Ср.: [Утешение, III, пр. IX—XI](#).
- ³^[136] Ср.: *Платон. Федр*, 246а—249а.
- ⁴^[137] Боэций кратко резюмирует рассуждения Сократа и Пола в диалоге Платона «Горгий», 467с—482е.
- ⁵^[138] Ср.: *Платон. Государство*, IX, 578а—580а, где также рисуется образ тирана, наиболее несчастного из людей.
- ⁶^[139] Ср.: *Платон. Горгий*, 467е.
- ⁷^[140] *Улисса парус наполнил* — Улисс, или Одиссей, сын Лаэрта (отсюда — Лаэртид), царь острова Итаки, один из героев Троянской войны. Боэций излагает один из эпизодов его жизни — пребывание на острове у прекрасной волшебницы Кирки (Цирцеи). См.: *Гомер. Одиссея*, X, 207—574. Кирка — дочь бога солнца Гелиоса, которого автор «Утешения» называет «Единым», тем самым разделяя античное представление о Солнце-Гелиосе-Фебе как единой универсальной организующей мировой силе.
- ⁸^[141] *Мармарик* — область Африки между Египтом и Киренаикой.
- ⁹^[142] *Бессмертной души* — Ср.: *Платон. Федон*, 107с; *Федр*, 246а.

- [10^{\[143\]}](#) *Чем когда правосудие не карает их* — здесь и далее в рассуждениях о наградах и наказаниях Боэций находится под влиянием платоновского диалога «Горгий». См.: Платон. Горгий, 508d—510a.
- [11^{\[144\]}](#) *Душам полагается наказание после смерти тела* — Ср.: Платон. [Федон, 113e](#).
- [12^{\[145\]}](#) *Коней крылатых не задержит* — бог смерти Танат изображался с громадными черными крыльями или на колеснице, запряженной воронами крылатыми конями.
- [13^{\[146\]}](#) *Боот* — созвездие северного неба. *Арктур* — самая яркая звезда в этом созвездии.
- [14^{\[147\]}](#) *В медь ударили бы* — по-видимому, речь идет о медных щитах.
- [15^{\[148\]}](#) *Гидра* — в античной мифологии многоголовое чудовище, у которого вместо одной отрубленной головы вырастали две новые.
- [16^{\[149\]}](#) Ср.: Платон. Тимей, 31a; [Утешение, III, ст. IX](#).
- [17^{\[150\]}](#) *Мастер уже имеет в уме форму вещи*. Ср.: Платон. Горгий, 503e.
- [18^{\[151\]}](#) В платоновской космологии, под влиянием которой находится Боэций, мировая душа является связующим началом между вечной сущностью Бога и тем, что находится в сфере действия времени. Ср.: Платон. Тимей, 35.
- [19^{\[152\]}](#) *Ведь из множества колес, вращающихся вокруг одной и той же оси* — Боэций уподобляет соотношение Провидения и судьбы концентрическим окружностям, у которых центр — Провидение, простое и неизменное по своей сущности, божественный первообраз, а отстоящие от него окружности — судьбы того, что сотворено богом и подвержено воздействию времени. Эта идея Боэция оказала влияние на Данте. Ср.: Данте. Божественная комедия, «Ад», VII, 68—99.
- [20^{\[153\]}](#) *Лукан* — римский поэт, автор поэмы «Фарсалия». Казнен Нероном. Тацит. [Анналы, XV, 49, 56, 57, 70, 71; XVI, 17](#). См.: Лукан. [Фарсалия, I, 126](#).
- [21^{\[154\]}](#) «Тело мужа святого сотворено из эфира» (греч.). Это изречение иногда приписывалось Пармениду. [Oracula Chaldaica: Oracula (fragmenta) (olim sub auctore Juliano Theurgo): Oracle 98, line 1. — S. O.]
- [22^{\[155\]}](#) См.: [Утешение, I, пр. III](#).
- [23^{\[156\]}](#) Ср.: Платон. Тимей, 22e, 28a, 29e, 38a, 44c, 45a.
- [24^{\[157\]}](#) Тема, характерная для стоиков. Развивается Сенекой в сочинении [«О провидении»](#).
- [25^{\[158\]}](#) *Троя* — город в Малой Азии. В течение десяти лет греки осаждали Трою. Предводителем греческого войска был Агамемнон, сын царя Атрея (отсюда — Атрид), царь Микен. См.: Гомер, [Илиада, I, 8—427; IX, 9—692; XI; Аполлодор, II, 4, 12; II, 5](#).

УТЕШЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ

КНИГА V

1. Произнеся это, она обратилась к разъяснению иных вопросов. Тогда я перебил ее: Твое утешение исполнено истины и достойно подкреплено авторитетом. Я на собственном опыте убедился в справедливости твоих слов, что вопрос о провидении связан со множеством иных. Мне бы хотелось знать, признаешь ли ты существование случая, и что он собой представляет. — Спешу исполнить свое обещание, — ответила Философия, — и открыть путь, который тебе поможет возвратиться в свое отечество. То, о чем спрашиваешь, полезно знать, но находится несколько в стороне от предложенного нами пути. Поэтому мне следует побеспокоиться, как бы, устав от обсуждения посторонних вопро-

сов, ты не удовольствовался бы этим и не свернул с правильного пути. — Пусть это тебя несколько не тревожит, — возразил я. — Но этот вопрос не дает мне покоя, и я очень хочу слышать на него ответ. Поскольку же все твои объяснения основаны на фактах, не подлежащих сомнению, у меня нет оснований усомниться в истинности твоих последующих слов. — Тогда она сказала: Подчиняюсь твоей воле, — и начала рассуждение.

Если предположить, что случай есть событие, свершившееся в результате лишённого смысла движения, а не вызванное согласованным рядом причин, то я утверждаю — определяемый так случай не существует — и подчеркиваю, что подобное понимание бессмысленно и представляет собой лишь пустой звук; кто осмелится утверждать, что в этом упорядоченном мире остается место для случайности, если Бог все располагает? Ведь справедливо мнение, что ничто не происходит из ничего¹, а оно не оспаривалось никем из древних, хотя они скорее относили его не к творящему началу, а к материальным вещам, как бы полагая его основанием заведенного в природе, а если бы что-то совершалось не вследствие каких-либо причин, то, следовательно, оно происходило бы из ничего. Поскольку же такого быть не может, то и невозможно и существование случая в том смысле, о которых я говорила немного раньше. — Что же, — спросил я, — неужели не существует ничего, что по справедливости можно назвать случаем или случайностью? Или нечто такое имеет место, хотя об этом не известно народу, не знающему, что следует понимать под этим названием. — На это она ответила: Мой Аристотель в своей «Физике» кратко и верно дал случаю подобающее определение². — Какое же? — Когда что-нибудь предпринимается ради какого-то результата, но по некоторым причинам получается нечто иное, — это и называется случаем; например, если кто-то, копая землю, чтобы возделывать ее, наткнется на груды зарытого золота, можно предположить, что это произошло случайно, но, в действительности, не из ничего. Ведь и это событие имеет собственные причины, хотя оно и явилось следствием, как кажется, непредвиденного и случайного стечения обстоятельств. Если бы земледelec не возделывал поле, если бы кто-то, желая сохранить золото, не зарыл бы его в этом месте, то оно не было бы найдено. Таковы причины случайной удачи, которая осуществилась вследствие стечения противоречивых обстоятельств, а не вследствие намерений людей, совершавших действия. Ведь ни закопавший золото, ни обрабатывавший поле не предполагали, что сокровище отыщется. Но, как я уже сказала, место, где один зарыл [золото], другому пришлось в голову возделывать, и эти два стремления совпали. Можно заключить, что случай есть событие, непредвиденное для человека, совершающего действие, но происшедшее в результате стечения причин. Совпадать же и соединяться причины заставляет порядок, порождающий связи, которых невозможно избежать; он истекая из источников провидения, все располагает во времени и пространстве.

1 (v). С гор каменистых Армянских, откуда парфянские стрелы
В грудь поражают средь битвы нежданно тебя,
Тигр и Евфрат, вытекая потоком единым³,
Следует вскоре руслами чуждыми врозь.
Если же снова сливают в одно воды рек тех теченье, —
Соединяет волна то, что порознь несли:
Люди, останки судов вновь встречаются вместе,
Их прихотливый влечет случай, как думаем мы.
Все же, их бег зависит и от пологости почвы,
Водоворотов и скал, — есть порядок и здесь.
Также и случай, когда мнится от уз всех свободным,
Тоже покорен закону, скрытому в сути его.

2. Отмечу, что твои доказательства не лишены стройности. Но если допустить, что существует некая цепь причин, неразрывно связанных между собой, то останется ли место для какой-либо свободы нашей воли, или сами побуждения человеческих душ связаны цепью судьбы? — Да, — сказала она, — свобода воли существует, и нет такого разумного существа, у которого бы отсутствовала свобода воли. Ведь все, что наделено от природы разумом, обладает способностью рассуждать и отличать одно от другого. Вследствие этого оно знает, чего избегать и чего желать. Каждое разумное существо стремится к тому, что, по его мнению, должно желать, и отвращается от того, чего считает нужным избегать. Поэтому каждый, кто наделен разумом, обладает свободой желать и не желать, однако не в равной степени. Ибо высшим божественным субстанциям присуще и пронизательное суждение, и непогрешимая воля, и подлинное могущество для осуществления желаний. Человеческие же души более свободны, когда они пребывают в созерцании божественного разума, менее, — когда они соединяются с телом, и еще меньше, когда они оказываются связанными земными членами. Самый худший вид рабства тот, когда, предавшись порокам, они теряют власть над собственным рассудком. Ведь как только глаза людей обращаются от света высшей истины к мрачному дольному миру, тотчас их окутывает облако незнания, и начинают терзать губительные страсти, подчиняющие их настолько, что люди как бы попадают в рабство, и происходит это, некоторым образом, по их собственной воле. Однако предвечный и всезнающий постигает все оком провидения, располагает предоставленные награды согласно заслугам каждого.

2 (v). Πάντ' ἑφορᾷς καὶ πάντ' ἐλακούεις⁴,
Медовыми устами пел слепой Гомер
О светозарном и чистейшем Фебе.
Но может разве Феб проникнуть в недра
Земли, иль глубину морскую светом
Лучей своих бессильных пронизать?
Не так у устроителя вселенной,
Взирающего с горной высоты:
Не скрыта от него земная глубь,
Его ночная мгла не остановит.
Что есть, что было, что произойдет
В мгновенье ока постигает он.
Его лишь, одного, кто видит все,
Ты мог бы Солнцем истинным назвать.

3. После этого я сказал: меня смущают еще большие сомнения. — Какие же? Впрочем, я догадываюсь, чем ты взволнован. — Кажется слишком противоречивым то, что Бог предвидит все, и тем не менее существует некая свобода воли. Ведь если Бог все предвидит и никоим образом не может обмануться, то с необходимостью следует, что Провидение предзнает то, что будет иметь место в будущем. Если же от века не только свершенное людьми, но и их помыслы и желания Бог предзнает, то не может быть никакой свободы воли, так как невозможно существование какого-либо поступка или желания, который был бы сокрыт от божественного Провидения, не ведающего заблуждения. Если же нечто имеет возможность отклониться от того, что было предвидено, то в таком случае нельзя говорить о непогрешимости Провидения относительно будущего. Однако думать такое о божественном предопределении я считаю недостойным. И я не одобряю тех средств, с помощью которых некоторые пытаются распутать этот узел. Они говорят: то, что должно произойти, осуществляется не оттого, что Провидение определило его к бытию в будущем, но скорее наоборот, то, что будет иметь место в будущем, не может быть скрыто от

божественного Провидения. Таким образом эта связь ставится с ног на голову: отрицается непреложная необходимость того, что наличествует в самом провидении, и она сохраняется лишь в самих будущих событиях и вещах, которые предвидены. Не то, что наличествует в самом Провидении, должно обрести существование в будущем, но то, что будет иметь место в будущем, должно быть предвиденным. В результате возникает вопрос, что является причиной: предание необходимости будущего или необходимость, заключенная в самом будущем, предузнанная Провидением. Я же хотел бы показать, что каков бы ни был порядок причин сам по себе, то, что предузнано, не влечет за собой необходимости появления событий и вещей в будущем. Если кто-то сидит, мнение, заключающее, что он сидит, с необходимостью является правильным. И наоборот, если мнение о том, что кто-то сидит, правильно, то он обязательно сидит. В обоих случаях имеется необходимость: в первом — что кто-то должен непременно сидеть, а во втором — необходимость истины. Но ведь кто-то сидит не потому, что чье-то мнение правильно, но мнение является верным, потому что ему предшествует, что кто-то сидит. Итак, хотя причина истины лежит в одном из этих положений, однако и в том, и в другом заключена необходимость. Подобным же образом следует рассудить от соотношении предвидения и того, что должно существовать в будущем. Ведь даже если то, что должно произойти в будущем, служит причиной предвидения, а не наоборот, — нечто будет иметь место в грядущем, потому что было предвидено, — все равно то, что произойдет с необходимостью или предвидится Богом, или, что предвидено, должно свершиться, а как то, так и другое представляется достаточным для отрицания свободы воли. Однако правильно ли было бы полагать, что появление временных вещей может быть причиной предвечного знания? И различны ли суждения, что Бог предвидит будущие события, потому что они должны произойти. И будто то, что некогда должно произойти, является причиной высшего Провидения? Ведь если я знаю, что что-то существует, то необходимо, чтобы оно существовало. Так же, если я знаю будущее, то необходимо, чтобы оно произошло. Отсюда следует, что невозможно избежать появления предузнанной вещи. Наконец, если кто-нибудь считает вещь чем-либо отличным от того, чем она является на самом деле, это ни в коем случае не может считаться знанием, но представляет собой лишь ошибочное мнение, далеко отстоящее от истинного знания. Поэтому, если в будущем появление чего-либо не является предопределенным и необходимым, кто может предзнать, что оно появится? С истинным знанием несовместима ложь; то, что оно утверждает, не может быть иным по сравнению с тем, от чего берет начало. Ибо причина того, что знание избегает ошибки, заключается в необходимом соответствии знания и его предмета.

Каким же образом Бог предзнает это неопределенное будущее? Если допустить, что Он может помыслить, будто должны иметь место в грядущем те вещи и события, которые могут и не быть, Он заблуждается. Но допустить такое не только недостойно, но и дерзко. А если Его предзнание таково, что Он, определяя будущее, предполагает, что нечто может как произойти, так и не произойти, то что же это за знание, которое не содержит ничего твердого и определенного? И чем тогда оно отличается от вызывающего улыбку прорицания Тиресия⁵. «То, что предсказываю, то ли сбудется, то ли нет». Чем божественное Провидение отличалось бы от человеческого мнения, если бы Богу, как и людям, не было бы известно, произойдет ли то, что Он предвидит? Если же Провидение представляет непогрешимейший источник всего сущего, то для него не может быть ничего неопределенного. Но тогда, если божественный ум непреложно предузнает то, что должно произойти, не может быть никакой свободы в человеческих помыслах и деяниях, которые этот ум, все предвидя, оградил бы от ошибок и заблуждений и направил бы в единое возможное русло. Согласиться с этим утверждением значит сделать очевидной тщетность всех человеческих устремлений. Тогда нет смысла в наградах добрым и в наказаниях дурным людям, так как они не заслужены свободным, зависящим от их собственной воли выбором души. И тогда покажется беззаконием то, что теперь считается справедливейшим, — наказание пороч-

ных и награды добрым, ибо людей влечет к пороку или добродетели не собственная воля, но принуждает определенная неизбежность будущего. И пороки, и добродетели были бы не самими собой, а смешением неразличимых по своей сущности поступков. Что может быть кошунственной этого мнения, ибо, если все предопределяется Провидением и не зависит от суждения людей, то получается, что и человеческая порочность существует по воле творца всех благ. Следовательно, нет никакого основания ни для надежд, ни для молитв. Зачем надеяться на что-либо, или молиться, если все происходящее связано несокрушимой цепью? Исчезнет, таким образом, единственное общение между Богом и людьми, то есть упование на его милость и молитва, если, конечно, ценой должного смирения мы не оказываемся достойными божественной милости. Ведь молитва — единственное средство, как кажется, с помощью которого люди душой могут общаться с Богом, с этим недоступным светом, соединяясь с Ним, еще прежде, чем мы достигнем Его обители. Итак, если признать, что необходимость сокрыта в самом будущем, людям не остается ничего такого, посредством чего они могли бы единиться с высшим началом всего сущего. Из этого с неизбежностью должно будет произойти, что род человеческий, как ты говорила немного ранее, отделившись от своего начала, исчахнет и погибнет.

3 (v). Какая разрывает связь вещей
Причина, и какое божество
Меж истин двух войну зажгло? Ужель,
Чтоб слиться до конца бы не смогли
Столь правые в отдельности они?!
Но может, впрямь, раздора истин нет
И, обе верные, они хранят союз?
Ведь разум в тела темноте слепой
Не в состоянье без очей постичь
Вещей единство, связь всего познать,
Хотя всегда стремится человек,
Пылая страстью, правды знак найти!
Но знают ли, что знать хотят?
Зачем уже известное искать?!
Когда ж не знают, то — чего ж хотят?!
Чего не ведают, — зачем оно?!
Возможно ль за неведомым идти?
Сокрытую от глаза сущность форм
Невеждам не понять, пусть зрима даже им!
Кто к разуму небес причастен был,
Тот знает единичное и все!
Сокрытый в нас не все еще забыл
Наш разум, — заточенный в членах дух, —
Понятье общего [он] удержал.
Кто правду ищет, — нелегко ему, —
Он вещи познает, но охватить
Их сущность ведь не сразу всем дано.
Но, вспомнив только общее в вещах⁶,
О формах их подумавши, сольет
Сокрытое и явное в одно
Неразделимо!

4. Тогда она сказала: Издавна существует эта жалоба на трудности понимания провидения. Она была высказана еще Марком Туллием⁷, когда он описывал прорицания. Да и ты сам неоднократно сказывал в долгих исканиях. Но этот вопрос никогда не был растолкован вами достаточно тщательно и веско. Причина же неясности в том, что ход человеческих рассуждений не может приблизиться к простоте божественного предзнания, а если бы она каким-либо образом могла бы быть постигнута, не осталось бы места для понимания. Позднее я постараюсь это раскрыть и объяснить, но прежде изложу вопрос, волнующий тебя.

Знаю, тебе кажутся не совсем убедительными те рассуждения, из которых следует, что предзнание не есть причина, с неизбежностью обусловившая появление чего-либо в будущем, и, таким образом, оно не препятствует существованию свободы воли. Ведь ты извлекаешь подтверждение необходимости свершения грядущих событий не из чего-нибудь другого, а из того, что предузнанное не может не произойти? Если же предшествующее знание не увеличивает необходимости возникновения будущего, что тобой немного ранее подтверждалось, можно ли ожидать, что действие воли будет отнесено к разряду неизбежного? Действительно, предположим обратное, то есть, что не существует никакого предзнания, тогда разве подтвердится, что все, происходящее по воле человека, является необходимым? — Нет, — сказал я.

Представим теперь, что предзнание существует, но не сообщает вещам и событиям необходимости, тогда, полагаю, сохранится в неприкосновенности абсолютная свобода человеческой воли. Ты можешь возразить, что предзнание, хотя и не предопределяет с неизбежностью появление будущих событий и вещей, однако оно есть знак необходимости их осуществления в грядущем. Таким образом, даже если бы не существовало предзнания, появление чего-либо в будущем всегда содержало бы в себе необходимость, поскольку всякий знак то, что под ним скрывается, обозначает, хотя и не творит сущности обозначаемого.

Поэтому прежде всего следует показать, что все происходит с необходимостью, а предзнание есть знак этой необходимости; кроме того, если это не так, то ведь невозможно существование знака вещи, которая сама не существует. Установлено, что правильное доказательство, основанное на незнающем отклонений размышлении, должно состоять не из знаков и побочных доводов, но вытекать из согласия необходимых причин. Но как может быть, чтобы не произошло то, что было предопределено для появления в будущем? Это подобно тому, как если бы мы предположили, будто предначертанное провидением к появлению в грядущем не произойдет: но скорее нам следует сказать, что хотя оно и исполнится в будущем, однако не содержит в себе природной необходимости, — так, бесспорно, следует рассудить. Подумай, ведь и люди многое, еще до того, как оно свершится, предвидят своим рассудком. Вспомни, например, возниц, их действия, когда они управляют и поворачивают квадригу, и таким же образом посуди об ином. Разве поступать так, а не иначе, их заставляет необходимость? Нет. Не имело бы цены искусство, если бы все свершалось по необходимости. Следовательно, то, что произойдет в будущем, не является необходимым до того момента, когда происходит, а не обретя существования, не содержит необходимости появления в грядущем. Таким образом, существуют некоторые события, свершение которых лишено всякой необходимости. Я полагаю, никто не станет отрицать, что существующее в настоящее время прежде, чем возникло, было предназначено к возникновению; вместе с тем, знание не делает неизбежным его существование в настоящем, — так и предвидение ни во что из того, что должно быть в будущем, не вносит необходимости. Ты можешь возразить, будто сомнительно, что для того, что может появиться или не появиться в будущем, существует некое предзнание. Для тебя это утверждение представляется полным противоречий, и ты полагаешь, если нечто предвидится, то ему

присуща необходимость; если же необходимости не существует, ничто не предугадывается и не может быть охвачено знанием, ибо лишено определенности. Предположение же, что события, свершение которых в будущем неопределенно, предусматриваются так, как будто они являются определенными, вытекает из невежества и не сообразуется с истиной. Ведь мнение о том, что не сообразно с действительным положением вещи, ты считаешь несовместимым с непогрешимым знанием. Это заблуждение является следствием того неверного мнения, что полнота знания зависит от сущности и природы самого познаваемого, в то время как, напротив, она больше зависит от природы познающего⁸. Возьмем один небольшой пример: одно и то же круглое тело по-разному воспринимается зрением и осязанием. Пользуясь зрением, мы на расстоянии воспринимаем все одновременно посредством истекающих из глаза лучей. С помощью осязания составляем о круге, прикасаясь к нему и по частям охватывая округлость. Сам человек не одинаково воспринимает предмет чувством, воображением и рассудком, тем более по-иному видит их божественный разум⁹. Чувство схватывает форму, овеществленную в материи. Воображению доступны нематериальные образы. Рассудок же, минуя внешнюю форму, которая является признаком единичного, выявляет то общее, что за ней сокрыто.

Но существует еще и более пронзительный взор божественного разума [интеллигенции], который, превзойдя темпы вселенной, направляет свое острие на созерцание самой простой формы. Следует особенно вникнуть в то, что высший способ познания охватывает и низшие, но низший никоим образом не может подняться до высшего. Итак, чувство не в силах воспринимать ничего вне материи, и воображение не постигает общие виды, а рассудок не схватывает простоту форм, но божественный разум, как бы взирая сверху, воспринимает не только форму, но и судит о том, что за ней скрывается, и делает это таким образом, что одновременно постигает и собственную форму, которую никто иной постичь не может. Ибо ему доступны и общие понятия, познаваемые рассудком, и образы, постигаемые воображением, и то, что относится к области чувственного восприятия; но он познает не так, как рассудок, воображение, чувства, а как бы единым умственным взором прозревает форму всех вещей, иначе говоря, все провидит. Ведь и рассудок, рассматривающий нечто общее, не пользуясь ни воображением, ни чувствами, доступное им схватывает. Вот как рассудок определяет общее понятие: человек есть двуногое разумное животное. Это определение представляет общее понятие, однако каждый знает, что человек есть и то, что доступно воображению и ощущениям, но рассудок рассматривает человека не с помощью воображения или чувств, но лишь посредством присущей ему силы. Так же и воображение обладает способностью воспринимать и создавать образы предметов чувственного мира, но оно может обозревать чувственно воспринимаемое и без помощи чувств. Ты видишь, что в процессе познания все больше опирается на собственную силу, чем на природу того, что познается. И это справедливо: если всякое суждение есть результат действия рассуждающего, то с необходимостью вытекает, что каждый осуществляет присущее ему действие, исходя не из чужой, но из собственной силы.

4 (v). Издревле славил старцев,
Ныне совсем забытых,
Вместе всходивших на Портик¹⁰,
Знавших, что сущность предметов,
Образы тех материальных,
В душу извне проникают,
Стилем начертаны будто
Быстрым на чистой странице,
Что от помет всех свободна.
Ведь ничего не способен

Разум постичь, коль выводит
Все из своих лишь движений,
А пребывая в покое,
Он отражать лишь умеет
Образ пустой, как в зеркале.
Где ж понимание мира
Скрыто тогда в человеке?! —
Сила, что частности видит,
Знание от тьмы отделяя,
Та, что опять собирает
Разъединение вместе,
Путь пролагая к вершинам,
Иль, до земли опускаясь,
Правду вздымает над ложью,
Снова к себе возвратившись!
Скрыта в ней, видно, причина
Мощная, много сильнее
Той, чей знак в ней оттиснут.
Силы души пробуждают
Чувства, живущие в теле,
К жизни зовет их сознание,
Свет ли в глаза их проникнет,
Голос в ушах ли услышат.
Разум людской, пробудившись,
Виды простые предметов,
Запечатленных в знаках,
Сразу в движение приводит
И, сопоставив их с формой
Внешней, родит представленье.

5. Если при чувственном телесном восприятии внешние качества предметов воздействуют на органы чувств, и проявлению жизненной силы души предшествует страдание тела, которое своим воздействием пробуждает деятельность и вызывает к жизни покоившиеся в душе формы¹¹; если при чувственном телесном восприятии, — я повторяю, — ум не испытывает страдания, но лишь судит, исходя из страдания, испытываемого телом, то насколько же выше те существа, которые, будучи свободны от телесных оков, следуют не за тем, что находится вовне, а во всем определяют к действию с помощью одного лишь ума. Таким образом, множество разнообразных форм познания соответствуют тому, сколько в мире имеется различных видов существ. Простое ощущение, лишенное всех прочих возможностей восприятия мира, дано неподвижным животным, таким как морские моллюски и им подобные, обитающие на скалах. Воображением же обладают движущиеся животные, которым, как кажется, в некоторой степени присуща способность желать и отвергать. Рассудок же свойствен только человеческому роду, так же как божественный разум — только Богу. Отсюда явствует, что тот род познания превосходит другие, который по своей природе охватывает не только свойственные ему самому предметы, но также и предметы, свойственные другим родам познания.

Предположим теперь, что чувства и воображение восстали против рассудка и сказали, что то общее, которое он, по его мысли, может созерцать, вовсе не существует, на том основании, что чувственно воспринимаемое и воображаемое не может быть общим, а значит, либо мнение рассудка истинно, и тогда не существует ничего чувственного, либо,

поскольку рассудок знает, что многие вещи являются предметами чувств и воображения, его способ познания ложен, ибо он мыслит о том, что является чувственным и индивидуальным, как о чем-то общем. Если бы, далее, рассудок сказал в ответ, что при рассмотрении общего он созерцал то же, что постигается чувствами и воображением, но чувства и воображение не способны подняться до узнавания общности, так как их способ познания не может идти за пределы телесных образов, и если бы он добавил, что только его способом вещи и познаются, то доверие было бы отдано более надежной и совершенной проницательности: в такого рода споре мы, люди, наделенные как способностью рассудка, так и способностью воображения и чувственного восприятия, несомненно приняли бы сторону рассудка.

Подобным образом и человеческий рассудок отказывается верить, что божественный разум может видеть будущее иначе, чем познает его сам рассудок. Ведь мы говорим: если появление чего-либо в будущем не является определенным и необходимым, то оно не может быть предвидено в будущем как определенное. События такого рода не могут быть предузнаны, так как если бы мы в подобном случае предположили это, то не осталось бы ничего, что не происходило бы по необходимости. Если бы мы, кроме свидетельств собственного рассудка, могли еще опираться на суждения божественного разума, то сочли бы, что как чувство и воображение должны подчиняться рассудку, так и человеческий рассудок должен быть подвластен божественному разуму. Поэтому устремимся, насколько в наших силах, к горней обители высшего разума. Здесь человеческий рассудок узрит то, что в себе самом увидеть не может, а именно — каким образом то, что предопределено с неизбежностью к появлению в грядущем, божественный разум содержит в себе как определенное знание, которое является не предположением, но беспредельной простотой высшего знания.

5 (v). Твари земные различны, и много их есть в мире видов:
Тело влекущих в песке, оставляющих след свой глубокий,
Вырытый грудью в земле, постоянно в тяжелом усилье:
Бьющих крылами эфир: их легкие крылья уносят
В плавном полете вперед сквозь ветер и бурю на небо.
Топчут другие землю ступнями, ведь ясно их виден
След, идущий в зеленых полях, или в рощах зеленых.
Все они, скажешь, различны друг с другом формой, но все же
Взоры у всех них опущены долу и ум их бессилен.
Лишь человек — он единственный держится прямо и гордо,
Сверху на землю взирая вниз с высоты легкого тела.
Коль не безумен совсем ты, сравни это все и подумай:
Образ напомнит пусть твари земной что дух свой всем выше
Надо нести, чтобы вниз не увлек его ум неподвижный.
Выпрями ж стан свой и гордо смотри ввысь, в высокое небо.

6. Так как немного выше было показано, что все познаваемое познается не из своей природы, но из природы познающего, то мы посмотрим теперь, насколько это позволено, в чем состоит понятие божественной сущности, чтобы нам легче было постичь, каково божественное знание. По мнению всех живых существ, наделенных разумом, Бог вечен. Рассмотрим, что есть вечность. Она раскроет нам природу Бога и его знания. Вечность есть совершенное обладание сразу всей полнотой бесконечной жизни¹², это с очевидностью явствует при сравнении ее с временными явлениями. У того, что существует во времени, его настоящее с наступлением будущего переходит в прошлое. И нет ничего существующего во вре-

мени, что могло бы охватить сразу всю протяженность своей жизни, ибо оно, не достигнув еще завтрашнего, уже утратило вчерашнее. Ваша нынешняя жизнь не больше, чем текущее и преходящее мгновение. Все, что подлежит условию времени, даже если бы оно, — как говорит о мире в своем сочинении¹³ Аристотель, — никогда не начинало, — повторяю я, — и не завершит своего бытия и жизнь его расширялась бы в бесконечности времени, однако оно все же не было бы таким, что можно посчитать вечным. Такая жизнь может быть бесконечно долгой, но она не может объять и охватить всю свою протяженность одновременно. Ведь будущего еще нет, тогда как прошедшее уже утрачено.

Лишь то, что охватывает всю полноту бесконечной жизни и обладает ею, чему не недостает ничего из будущего и что не утратило ничего из прошлого, справедливо считается вечным. И оно с необходимостью обладает способностью быть всегда присутствующим в себе и заключать в себе подлинную бесконечность текущего времени. Поэтому несоответствующем истине представляется мнение тех философов, которые, сославшись на то, будто Платон верил, что мир не имел никакого начала во времени и не будет иметь никакого конца, считают сотворенный мир совечным создателю. Ибо одно дело вести бесконечную во времени жизнь, которую Платон приписывал миру¹⁴, а другое — быть всеобъемлющим наличием бесконечной жизни, что возможно лишь для божественного разума, это очевидно. Бог должен считаться старше созданного Им не по количеству времени, но вследствие непосредственности своей природы. Бесконечное превращение временных вещей уподобляется неизменному состоянию наличного бытия, но так как отразить его или сравниться с ним не может, оно от тождества переходит к изменению, из простоты настоящего раздробляется на бесконечное количество вещей и событий будущих и прошедших. Оно не может обладать одновременно всей полнотой своей жизни, но именно потому, что его существованию невозможно никогда завершиться, оно, как представляется, уподобляется тому, что оно неспособно осуществить или выразить. Оно делает это, привязывая себя к некоторому роду настоящего в это быстротечное мгновение, а поскольку это настоящее имеет определенное сходство с тем пребывающим настоящим, оно сопоставляет все, чем оно обладает, с проявлением того бытия, которому уподобляется. Но так как оно не смогло бы удержаться, оно воспользовалось бесконечным ходом времени, и, таким образом, для него стало возможным продолжаться, двигаясь вперед к той жизни, полноту которой оно бы не могло охватить, оставаясь в покое.

Итак, если мы хотим определить все подобающим образом, следуя за Платоном, назовем Бога вечным, а мир — беспрестанным¹⁵, так как всякое суждение охватывает то, что ему подчинено по закону его природы, а Бог — вечен и сохраняет состояние, в котором, кроме настоящего, нет ничего, то и знание Его, превосходя движение времени, пребывает в простоте Его настоящего, содержа в себе в совокупности бесконечную протяженность будущего и прошедшего, и все это бог обзирает в непосредственности своего знания, как если бы все это происходило в настоящем. Итак, если ты желаешь понять изначальное бытие, которое все знает, более правильно будет определить его знание не как предзнание будущего, а как непогрешимое знание нескончаемого настоящего. Вследствие этого его лучше называть не предвидением, но Провидением, которое все от самого низкого до высочайшего обзирает с высоты. Почему же ты считаешь, что то, что обзревается божественным оком, становится необходимым; ведь и люди созерцают вещи, но это не делает их необходимыми?

Разве ты считаешь, что созерцание чего-нибудь настоящего делает его необходимым? — Нет. — Но если можно сравнивать настоящее Бога и человека, то нужно отметить, что как вы, люди, видите обычно некоторые вещи в вашем преходящем настоящем, так и Бог созерцает все в своем вечном настоящем. Следовательно, божественное предзнание не изменяет природы и свойств вещей, оно только в своем настоящем видит все таким, каким

то станет в будущем, и не выносит о вещах неясных суждений, но одним взором своего разума распознает, что произойдет в будущем — будь то по необходимости или нет. Так вы, когда видите идущего по земле человека и восходящее на небе солнце, хотя и воспринимаете их одновременно, однако оцениваете их по-разному, считая первое действие произвольным, а второе — необходимым. И божественное прозрение, во все проникающее, не изменяет сущности вещей, которые для него всегда настоящи, а относительно времени — будущи; отсюда следует, что, когда Бог знает, что нечто должно будет произойти в будущем, и знает, что оно лишено необходимости существования, то это не предположение, но обоснованное знание истины.

Теперь, если ты скажешь, что то, что Бог видит как будущее, не может не произойти, хотя и не вытекает из необходимости, я с этим соглашусь. — Признаю — это справедливейшая истина, но к этому мнению едва ли кто-нибудь, кроме толкователя вещей божественных, присоединится. — Я добавила бы, что одно и то же будущее, когда относится к божественному знанию, необходимо, когда же рассматривается относительно своей природы, оказывается свободным и независимым.

Ведь существует два вида необходимости¹⁶ — одна простая, как, например, необходимость того, что все люди смертны; другая — условная, как, если ты знаешь, что кто-то в настоящий момент ходит, то необходимо, чтобы он ходил. Ибо то, что познано, не может быть иным, чем как оно познано. Но эта условная необходимость не влечет за собой простой необходимости, так как она зиждется не на собственной природе, а творится привходящими условиями. Никакая необходимость не заставляет идти идущего, хотя, когда он идет, необходимо, что он идет. Таким образом, если Провидение видит что-нибудь существующим, бытие этого является необходимым, хотя бы в природе его не содержалось никакой необходимости. Бог на то будущее, что зависит от свободы воли, смотрит как на существующее, но оно только относительно божественного видения является необходимым по условию природы, оно не теряет своей неограниченной свободы. Без сомнения, будет существовать все, что Бог предзнает как будущее, но кое-что из этого зависит от свободы воли. Таким образом, некоторые события, хотя и произойдут в будущем, однако не утрачивают и своей природы, поскольку до того, как они произошли, могли и не произойти. — Как же можно сказать, что в их осуществлении нет необходимости, если божественным предзнанием всякому случаю придается вид необходимости? — Возьмем уже предложенный нами ранее пример: восходящее солнце и идущий человек, когда они совершают действия, не могут их не совершать, но для солнца действие было необходимым еще до того, как оно начало свершаться, а для человека — нет. Таким образом, не может быть сомнений, что божественное настоящее объемлет все, что отдалено, но в том, что оно объемлет, одно вытекает из необходимости сущего, другое же находится во власти самого совершающего. Значит, мы справедливо рассудили, что по отношению к божественному знанию это необходимо; а рассмотренное само по себе лишено необходимости. Точно так же воспринимаемое чувствами, если рассматривать его с точки зрения рассудка, будет общим, а если само по себе — единичным.

Но если в моих силах — скажешь ты — изменять намерения, то я мог бы выйти из-под власти Провидения, ибо я, может быть, изменил бы те вещи, которые предзнает Провидение. Отвечу тебе: ты можешь изменить свои намерения, но поскольку то, что ты можешь сделать это и как именно, Провидение видит как нечто истинное и существующее, то нельзя уклониться от божественного предзнания; точно так же, как ты не можешь избежать устремленного на тебя взора, хотя ты и волен изменять свои действия по своему желанию. Ты можешь возразить мне, разве от нашего соизволения что-нибудь меняется? Неужели, когда мы хотим сначала одного, потом другого, наши желания так же чередуются в предзнании? — Нет. — Божественное знание предвосхищает все грядущее и призыва-

ет к его осуществлению. Оно не отделяет, как ты думаешь, одного от другого, но все-таки предзнает и то, и другое, одним взглядом охватывая изменчивые твои желания, предвидя и содержа их в совокупности. Бог есть наличность всего сущего, и Его предвидение происходит не из-за того, что произойдет в будущем, но вытекает из его собственной непосредственности. Отсюда ясно, что твое предположение, высказанное ранее, будто причиной божественного знания является наше будущее, неверно. Эта наличная сила божественного знания, все охватывающая своим постижением, сама устанавливает способ бытия всего сущего и ничего не заимствует из произведенного ею. Следовательно, остается в неприкосновенности свобода воли смертных, и справедливы законы, определяющие меру наград и наказаний, так как человеческие желания не связаны необходимостью.

Ведь существует же Бог, наблюдающий все свыше и все предзнающий: он охватывает взором, всегда и извечно, как настоящие наши будущие деяния, определяя добрым награды, а дурным — наказания. Не пусты надежды на Бога и молитвы, ибо если они искренни, не могут остаться безответными. Поэтому отвернитесь от пороков, заботьтесь о добродетели, устремите свой дух к праведным надеждам, вознесите к небу смиренные молитвы.

Великая и невыразимая необходимость благочестия возложена на все, ибо живете вы под оком всевидящего судьи!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹^[159] *Ничто не происходит из ничего* — Ср.: Платон. Тимей, 28а.
- ²^[160] Ср.: Аристотель. Физика, II, 5, 197а. Здесь и далее Боэций в трактовке случая следует за Аристотелем.
- ³^[161] *Тигр и Евфрат* — крупные реки, берущие начало в Армянском нагорье. В низовьях они сливаются.
- ⁴^[162] «Он все видит и слышит» (греч.). — Гомер. [Илиада, III, 277](#).
- ⁵^[163] *Тиресий* — слепой прорицатель, душа которого предсказала Одиссею в царстве Аида, что он достигнет родины, если выполнит определенные условия. — См.: Гораций. Сатиры, II, V, 59; Гомер. Одиссея, X, 495.
- ⁶^[164] *Но, вспомнив только общее в вещах* — Боэций снова возвращается к платоновской концепции припоминания. Ср.: [«Утешение», III, пр. III](#).
- ⁷^[165] Речь идет о трактате Цицерона [«О дивинации», I, 1](#).
- ⁸^[166] Ср.: Фома Аквинский. Сумма теологии, I, q. 2, 3с; q. 12, 4с.
- ⁹^[167] *Божественный разум* — в оригинале употреблен термин «интеллигенция» (*intelligentia*), вошедший затем в средневековую схоластику.
- ¹⁰^[168] *Старцев... вместе всходивших на Портик* — речь идет о стоиках. Porticus по-гречески Στόα.
- ¹¹^[169] Ср.: Платон. Тимей, 91е; 92с; Платон. Протагор, 320е, 321а.
- ¹²^[170] Это определение впоследствии заимствует у Боэция Фома Аквинский. В трактовке вечности и времени Боэций, вероятно, испытал влияние Плотина. Ср.: Плотин. Эннеады, III, 7, 2—6; 7, 11—13.
- ¹³^[171] Вероятно, Боэций имеет в виду псевдоаристотелевское сочинение «О мире», довольно широко распространенное в период раннего средневековья. Мнение, близкое к приведенному Боэцием, Аристотель высказывал в своей «Метафизике», XIV, 4, 1091а.
- ¹⁴^[172] Ср.: Платон. Тимей, 31с—33а, 53а, 69с.

- [15](#)^[173] Ср.: Платон. Тимей, 39е.
- [16](#)^[174] Существует два вида необходимости — Боэций, возможно, находится в данном случае под влиянием Аристотеля, указавшего, что существует необходимое в собственном смысле и допустимое. См.: Аристотель. Метафизика, VI, 2, 1026; XI, 8, 1064d — 1065a; О небе II, 12, 292a.